

ПОРОЧНОЕ
ВЛЕЧЕНИЕ

Юлия Тан

Он — миллионер из Нью-Йорка, президент компании. Он имеет все, о чем многие могут только мечтать. Кажется, что жизнь Джонатана Вуда идеальна. Но мало кто знает, что скрыто за закрытыми дверьми его люксовых апартаментов на Парк-авеню. Она — преподаватель в университете, хорошая жена и примерная мать. Эмилия выиграла грант на стажировку в Колумбийском университете. Она еще не знает, что судьба ей приготовила особый подарок — инвестора гранта. У них есть три месяца, чтобы окунуться в мир порочного влечения.

Юлия Тан

Порочное влечение

Глава 1

*«Случайная встреча —
самая неслучайная вещь на свете»*

©Фридрих Ницше

*Несколькими месяцами ранее
Манхэттен, Нью-Йорк*

ЭМИЛИЯ

Осеннее солнце давно вышло из-за горизонта и освещает улицы «города мечты». «Холмистый остров» или более известный нам по названию Манхэттен — небольшой, но известный клочок земли, находящийся между проливом Ист-Ривер и рекой Гудзон, кажется, и вовсе никогда не спит.

В приоткрытое окно слышатся голоса проходящих мимо людей и звуки проезжающих автомобилей. Еще теплые порывы воздуха наполняют мою небольшую комнату в довольно уютных апартаментах, которые нам оплачивает преподавательский грант.

— Эй, Эмми, если поспешишь, выпьем кофе! — из соседней комнаты крикнула соседка. — И я перестану злиться на тебя за холодный душ!

Осматриваю спальню, чтобы ничего не забыть. Подхожу к столу, где сложены в папку распечатанные листы с выступлением. Дрожащими руками укладываю ее в сумку к ноутбуку. Сегодня в университете состоится конференция с попечительским советом. Как объяснил декан, будут присутствовать инвесторы преподавательского гранта, который я выиграла чуть больше месяца назад.

Поправляю волосы, уложенные в незамысловатую прическу, и осматриваю блузку и юбку на наличие складок. Выдыхаю. На несколько секунд закрывая глаза. Освобождаю сознание от посторонних мыслей, давая себе подбадривающее наставление.

— Эмилия, скорее! — звонкий голос Лены заставляет дернуться и резко открыть веки.

В спешке забираю сумки и выхожу из комнаты в гостиную, объединенную с кухней. Перед нашим приездом здесь сделали минимальный ремонт: обновили цвет стен и потолка, покрасили фасады кухонных кабинетов, повесили новый телевизор. Мы с соседкой по апартаментам решили немного оживить временное жилье, поэтому купили на распродаже несколько картин, вазу для цветов и пару комнатных растений.

— Прости, Лен. Я должна все проверить и привести мысли в порядок. Я давно так не волновалась. Чувствую себя студентом первого курса, — озвучиваю ей свои переживания, нервно улыбнувшись.

Лена передает мое пальто песочного цвета, которое я надеваю и обуваю пару сапог на высоком каблуке. Она берет одну из моих сумок себе, подхватывая меня под освободившуюся руку. Движемся в направлении Starbucks, ударная доза кофеина мне сегодня не повредит.

— Как твоё свидание? — вспоминаю о том, что мы не успели обсудить ее вчерашний

вечер. — Ты вернулась рано, — удивленно замечаю я.

В первый же день нашего знакомства Лена заявила, что с пустыми руками из Нью-Йорка не уедет и обязательно найдет здесь будущего мужа. Так, по крайней мере, ей обещал оракул.

— Ску-чно, — протягивает по слогам, с придыханием закатив глаз. — До неприличия скучно, Эмми. Мы ужинали в итальянском ресторане. Весь вечер был его сплошным монологом! Он много говорил о своей работе, компании, на которую работает долгие десять лет. Также упрекнул босса, который его не повысил, а предпочел паренька из Гарварда, — Лена театрально вздыхает, успевая подмигнуть парню за прилавком, и забирает наш свежесваренный кофе. — Я даже не уверена, запомнил ли он мое имя.

— Мне жаль, Лен. Ты серьезно веришь в предсказание? — с сочувствием осматриваю подругу, которая отпивает горячий напиток из фирменного стаканчика.

— Эмми, я отдала за это почти сто баксов! Я обязана в это верить, — отвечает, заливаясь смехом. — А ты разве не веришь во все эти шутки: предсказания, магия, Санта Клаус? — заговорщически спросила она.

— Санта Клаус — это совершенно другое, давай не будем его сюда втягивать, — заявляю наиграно-серьезным тоном, пробуя на вкус напиток, пока ждем сигнал светофора. — Я верю в Бога и в то, что всем нам предначертана судьба еще до нашего рождения. А ко всяким «бабкам-гадалкам» у меня негативное отношение. Они зарабатывают на этом, — озвучиваю свое мнение перед тем, как мы присоединяемся к толпе студентов, идущих в нашем направлении.

— Хм, бабка-гадалка... Все-таки ты хорошо подметила деятельность мисс Кассандры, — задорный смех подруги заставляет засмеяться в ответ. — Во сколько начинается конференция? — интересуются Лена, закидывая за спину медово-рыжие волосы, затянутые в тугий хвост.

— Начало в полдень, а продолжительность не указана. Я выступаю третьей, — возвращаю взгляд на подругу, улыбнувшись ей уголками губ. Ее оливково-карие глаза изящно подведены черным карандашом, а на губах переливается перламутровый блеск.

Она передает мне сумку с ноутбуком, когда мы останавливаемся возле скульптуры Альма-матер, расположенной перед библиотекой Колумбийского университета. Бегло осматриваю со ступеней зеленые газоны и выложенную квадратами брусчатку.

— Это счастливое число, Эмми! Все будет хорошо, — подбадривает меня. — Предлагаю вечером снять напряжение. Мой коллега рассказал, что сегодня открытие какого-то супермодного клуба, — Лена выжидающе смотрит в глаза и кукольно хлопает накрашенными ресницами.

— Не думаю, что это хорошая идея. Я же приехала сюда ради работы, а не для развлечений.

Мне не хочется терять на это время. Слишком многим я пожертвовала, чтобы вернуться домой ни с чем.

— Напомню тебе, что я нахожусь здесь на таких же правах, как и ты. Немного развлечений не будут влиять на твою деятельность. Дорогая, тебе нужен отдых, — ее тон становится более заботливым, а оливковый взгляд мягче.

Она права, с момента нашего приезда внутри меня образовался комок из нервов, который постоянно увеличивается и не дает расслабиться. Я постоянно в работе: учу конспекты, шгудирую литературу или пересматриваю лекции. На кону мое будущее и, если

все пройдет гладко, я смогу претендовать на место руководителя университетской лаборатории.

— Лен, давай решим после конференции. Сейчас я не могу думать ни о чем, кроме предстоящей встречи с инвесторами. Обсудим это дома. Хорошо? — прошу ее, на что она кивает в ответ, состроив жалобную мину.

Не люблю, когда меня начинают в чем-то убеждать, поэтому быстрее с ней прощаюсь и целую в щеку.

Поднявшись выше по ступеням, смотрю вслед отдаляющемуся силуэту подруги. Прошло уже почти три недели с момента нашего приезда, но я все еще не могу поверить в происходящее — нашу стажировку в Колумбийском университете.

Осматриваю ровно выстриженные лужайки, ступени из красного кирпича, ведущие в библиотеку, и поднимаюсь взглядом по величественной колоннаде здания. Ну что же, пора и мне найти «свет»¹.

ДЖОНАТАН

Мы должны были приземлиться в Нью-Йорке несколько часов назад, но из-за шторма над Атлантикой нам не давали разрешение на вылет. Смотрю на часы, отодвинув рукав пиджака, раздраженно вздохнув. Я опаздываю, чего очень не люблю.

Складываю в портфель бумаги по сделке с новым итальянским партнером. Пришлось несколько раз их перечитать и на месте внести коррективы перед тем, как отдать в доработку. Выхожу из самолета на трап, взглянув на пасмурное небо, затянутое серыми тяжелыми тучами, повисшими над городом.

Едва моя нога касается земли, в кармане вибрирует телефон. У миссис Вуд железное терпение и, похоже, скрытые способности медиума.

— Да, мам... Да... Да, только приземлился... Я заеду в субботу... Сам... Нет... Нет мама... Все мне пора, у меня встреча! — отчеканив короткие ответы, быстрее нажимаю на красную кнопку, пока мама не разозлила меня окончательно.

Миссис Вуд старшую посещают великие идеи нашего примирения с Лили. Не могу же я сказать матери, что жена наставила мне рога с водителем, как в ее любимых книжных романах.

— Мистер Вуд, я предупредила декана, что вы задержитесь, и чтобы начинали без вас, — кокетливо информирует меня Элисон, моя ассистентка.

Осматриваю ее изящную фигуру, пока она идет впереди меня, качая бедрами. Есть в ней огонек, который я мог бы затушить, но этот чертов брак...

Иногда хочется закрыть глаза и представить, что Лили всего лишь сон. Дерьмовый сон. Она перенесла встречу с адвокатами, ссылаясь на здоровье. Но я точно знаю, что ее состояние ухудшилось после увиденной суммы отступных, конечно же, с вычетом измены. Я мог дать ей больше, чем она имела и когда-либо желала. Но моя жена решила переступить черту — завести любовника. Из сопливых мыслей вырывает вибрация телефона.

— Да, Спенсер, еду по делам... Ты же знаешь, мой девиз — «смотри, но не трогай»... Нет, Лили перенесла встречу... Я скоро закончу с разводом. Спенс, мы устроим вечеринку по этому поводу, как в старые добрые времена... До вечера, — заканчиваю короткий разговор и прячу достижение Стива Джобса в карман пиджака.

Вся эта ситуация с женой откинула меня на десятилетие назад. В то время я, Спенсер и Алан были завсегдатаями клубов Нью-Йорка. Практически каждую ночь моя квартира в Трайбека была заполнена многочисленными знакомыми, уставшими от громкой музыки

клубов или от атмосферы «душных» ресторанов. Львиную долю из них составляли девушки, готовые помочь воплотить в жизнь самые безумные идеи.

В то же время выяснилось, что Спенс потерял свой интерес к противоположному полу и открыто переключился на мужчин. С того дня мы не спали на одном диване, как это часто бывало после разгильдяйских бессонных ночей.

Оглянувшись на прошедшие годы, могу с уверенностью сказать, что моя жизнь кардинально изменилась, как и я сам. Годы унесли дорогих людей, которые возвращали меня к реальности и не давали сбиться с намеченного пути. Я бы отдал многое, чтобы вернуть деда Ричарда Вуда. Это он сделал из меня того, кем я являюсь. Я тот, кто занимает его президентское кресло в компании. Он всегда был для меня опорой и стеной в любой ситуации. Теперь все легло на мои плечи. Хотя мы всегда знали, что мой отец не задержится долго в компании и мне придется его сменить. Когда деда не стало, мне пришлось возглавить «NW Company» и приложить все усилия, чтобы удержать компанию на былом плаву.

— Мистер Вуд, подъезжаем к Колумбийскому, — объявляет водитель, словно я болван и не вижу сам.

Покидаю машину с папкой в руках, высокомерно осматривая проходящих мимо студенток. Я знаю, что они будут долго провожать меня взглядом, пока я не скроюсь от их глаз. Поднимаюсь по ступеням, не задерживаясь ни на миг, все-таки инвестиции в образование оставляют приятный след в моей душе.

Глава 2

«Немые глаза красноречивее уст»

©Публий Овидий Назон

ЭМИЛИЯ

Перебираю пальцами карандаш и стараюсь избегать изучающие нас взгляды инвесторов. От меня не зависит чья-то жизнь, как, например, от хирурга, но клубок нервов еще больше затянулся, не давая возможности расслабиться. Я уже выучила содержимое разложенных передо мной трех листов, хотя нового на них ничего нет. Конференция несет больше ознакомительный характер. Инвесторы и члены попечительского совета вложили крупные суммы в преподавательский грант, поэтому они хотят увидеть, насколько выгодно потратили деньги.

Программа преподавательского гранта появилась несколько лет назад.

Ее цель — объединить университеты мира и дать возможность молодому поколению обмениваться опытом. Огромный бонус — открытие новых исследовательских лабораторий в университетах, которые ранее не были связаны научной деятельностью.

Мистер Хейс, мужчина преклонных лет и глава попечительского совета, высокомерно сканирует каждого из нас. Под его пристальным взглядом соседка справа нервно тербит уголок листа, что слегка действует на мои и так натянутые нервы. Обращаю внимание, что декан Абигейль Уорен встревожено поглядывает на часы. Неужели и ей некомфортно с боссами Уолл-стрит в одной комнате?

Тишину в зале нарушает телефон декана, громко вибрирующий на прозрачном стеклянном столе. Ответив на короткий звонок, она обменивается взглядом с мистером

Хейсом, будто передавая серьезность разговора. Мужчина недовольно хмурится и поочередно поворачивает голову то направо, то налево. Каждый из шести членов Совета еле заметно кивнул ему в ответ. Профессор Уорен, открыв папку и поднявшись со стула, объявляет наши фамилии в порядке выступлений.

Первым выходит преподаватель из Румынии, молодой мужчина с рыжими, как огонь, волосами. Все внимание переместилось на него, отчего слышу, как соседи по стульям выдохнули, а выступающий Петру покрылся багряным румянцем.

Коллега из Латвии Инга Озолс, с которой успели поболтать перед началом, выступает второй. После нее на очереди я, и от этого сердце набирает обороты. Речь Инги внятная, без малейших запинок. За ее спиной переключаются слайды с достопримечательностями Латвии, панорамой университета, в котором она работает, и несколько фото семьи. Но ее монолог прерывает открывающаяся дверь, переманивая внимание участников конференции. В комнате повисает молчание...

Без того волнительная обстановка накаляется до предела, будто невидимым туманом окутывая каждого из нас. За мгновение подскочив из кресла, декан спешит к распахнутой двери.

Взглядом поднимаюсь, словно в замедленной съемке, по начищенным до блеска туфлям, темно-синим брюкам, такого же цвета пиджаку вверх по выглядывающей белоснежной рубашке и бордовому галстуку. Дыхание слегка замирает, когда быстро осматриваю гладко выбритую щеку и встречаюсь с зелеными глазами, обрамленными черными ресницами. Между нахмуренных бровей незнакомца на мгновение появляется еле заметная складочка. Но она сразу же исчезает, как будто теряя интерес к происходящему.

— Мистер Вуд, мы рады вас приветствовать. Прошу, проходите, — декан уважительно обращается к мужчине, растягивая узкие накрашенные губы в улыбке.

Декан вежливым жестом руки приглашает его пройти к столу. Еще немного и она расстелет новомодный пиджак перед незнакомцем.

Мужчина уверенно проходит к середине конференц-зала, а в это время попечительский совет встает со своих мест, приветствуя его. Через несколько минут декан вспоминает о нас, в недоумении наблюдающих за этим действием. Профессор Уорен, наигранно прочистив горло, показывает рукой, чтобы мы встали, этим выразив уважение. Встаю со стула, сдерживая себя, чтобы не сделать книксен².

— Мистер Вуд, позвольте представить вам победителей преподавательского гранта точных наук.

Декан представляет нас, по очереди называя имена, несколько раз запинаясь на фамилии преподавателя из Индии. Когда очередь доходит до меня, уверенно поднимаю подбородок и умело маскирую нарастающее волнение за легкой улыбкой.

— Эмилия Шварц, преподаватель компьютерных наук.

Зеленые глаза встречают меня высокомерным взглядом и слегка приподнятой бровью. Безразлично осмотрев, отворачивается к следующему «подопытному». Но мой взгляд задерживается на мужчине. Любопытно ловлю каждый его уверенный жест или пронзительно-зеленый взгляд. Он не говорит ни слова, но этого и не требуется. Собравшиеся чувствуют всю силу и власть, которая исходит от него.

— Коллеги, — начала декан, словно запев дифирамб, — перед вами мистер Вуд, инвестор преподавательского гранта точных наук этого года. Благодаря ему вы сегодня находитесь в этой комнате. Мистер Вуд, сэр, присаживайтесь.

Она указывает на кресло во главе стола, стоящее рядом с мистером Хейсом, который заметно напрягся. Возможно, он не слишком рад предстоящей компании.

— Инга, спасибо за выступление. Присаживайтесь, — декан приветливо обращается к женщине, все еще стоящей за трибуной.

Опускаю глаза, нервно сгребая разложенные листики. Вот и настал мой черед доказать, что я выгодное вложение.

ДЖОНАТАН

Кристофер Хейс боязливо прячет глаза, пока я прожигаю взглядом в нем дыру. Кристофер старый приятель покойного деда. Долгое время он и его адвокатская фирма предоставляли нам свои услуги. Мистер Хейс даже недолго входил в Совет директоров «NW Company». В тяжелый момент для нашей компании Хейс предал нас, перейдя к конкурентам без видимых на мое мнение на то причин. Несколько недель назад я узнал, что именно его фирма будет представлять интересы Лили в суде. Манхэттен не так велик, чтобы прятаться вечно и сегодня наши пути пересеклись.

— Добрый день. Позвольте представиться, меня зовут Эмилия Шварц. Я преподаватель компьютерных наук ... — мелодичным голоском начала девушка, чем отвлекла меня от Хейса, — ... специализируюсь на интернет-безопасности и шифровании данных...

Стоя за трибуной, она уверенно начала свой монолог, интонацией выделяя значимые, по ее мнению, слова. Откидываюсь слегка на кресле, расстегнув пуговицы на пиджаке. Заинтересовано изучаю манящие изгибы ее тела, скрытые под тонкой тканью блузки и обтягивающей юбки.

— В университете работаю пять лет. Мои исследовательские статьи публиковались в научных журналах. Также принимала участие в международных конференциях...

Доносящиеся обрывки фраз не дают провалиться в гипноз, что оказывают на меня плавно жестикулирующие кисти рук. Перевожу взгляд вверх, внимательно изучая черты лица. Девушка замечает мой неприкрытый интерес к своей персоне, решительно давая отпор негодующим взглядом.

— Почему «Шварц»? — перебиваю ее выступление, привлекая удивленные взгляды присутствующих.

— Извините? — невинно спросила она.

Девушка оторопело смотрит на меня своими большими карими глазами, которые, кажется, распахнулись еще шире.

— Разве ваша фамилия русская? — мой требовательный голос нарушает абсолютную тишину в зале. Я понимаю, насколько нелепо звучит мой вопрос.

— Фамилия досталась мне от деда. Он по отцовской линии имеет немецкое происхождение, — объясняет Эмилия, словно я нерадивый студент. — Я могу продолжать, мистер Вуд?

Замечаю, что моя фамилия на ее губах звучит ново.

— У вас нет акцента, — подмечаю я и слышу справа от меня возмущенный выдох Хейса.

— Это проблема, мистер Вуд? — интонация в голосе девушки выдает нарастающее в ней недовольство.

Выдержав небольшую паузу, при этом удерживая взгляд Эмилии, даю ей «зеленый свет»:

— Прошу вас, продолжайте.

Она еле заметно вздыхает и продолжает свой монолог, возвращая внимание присутствующих к себе.

Открываю папку и перелистываю бумаги в поисках анкеты мисс Шварц. Если решу в следующем году снова инвестировать в образование, то потребую обязательно прилагать фото.

— Почему выбрали интернет-безопасность как свою специализацию? — снова перебиваю ее, не поднимая головы. Быстро штудирую данные, изложенные сухими фактами.

— Мистер Вуд, если разрешите мне продолжить, то вы узнаете об этом немного позже, — уверенным голосом отвечает она, но я вижу, как за вежливой улыбкой скрываются нотки раздражения. Это побуждает к понятной только мне игре. Я веду себя как избалованный мальчишка, который увидел *«нечто»* новое для себя.

— Мисс Шварц, расскажите нам сейчас. Давайте опустим вводную часть вашего выступления, с которой каждый из нас может ознакомиться вот здесь, — поднимаю оранжевую папку, где сложены досье на всех прибывших по программе, и демонстративно отпускаю ее в воздухе. Она с хлопком приземляется на стол.

Немного замешкав, Эмилия продолжила:

— Мы живем в цифровую эпоху, и каждый из нас пользуется интернет-сервисами в личных целях, которые необходимо обезопасить: проверка электронной почты, банковского счета или общение в социальной сети...

— Мисс Шварц, мне не нужно рассказывать, что такое цифровая эпоха и как обезопасить личные данные. Расскажите, почему для вас *это* важно? — стараюсь сделать голос мягче.

— Мистер Вуд, — начала она, испепеляюще глядя в глаза, где искры закружились в пламени, на котором меня сжигают, — для меня важно обезопасить не только персональные данные и страницу в социальной сети, но и предотвратить возможность вторжения в банковские счета, корпоративные системы. Поэтому я принимаю активное участие в разработке программ по защите и профилактике известных и новых интернет-угроз. Думаю, каждый из нас не хочет делиться личным с посторонними.

— Банально, мисс Шварц, — заключаю я, а приторная улыбка самовольно касается моих губ. — Можете присаживаться. Спасибо за выступление.

Жестом руки указываю на ее стул. Смятение и обида в глазах Эмилии заставляют почувствовать себя виновато, а декан Уорен, отпив глоток воды, приглашает следующего выступающего.

ЭМИЛИЯ

Вздыхаю с облегчением, когда декан объявляет о завершении конференции. Сгребая все вещи в охапку и покидаю зал. Напоследок все же бросаю испепеляющий взгляд на самодовольного Джонатана Вуда, который прощается с окружившим его со всех сторон попечительским советом.

Свежий воздух наполняет легкие, успокаивая трепыхающееся сердце. Пишу Лене сообщение, что принимаю приглашение на вечер. Сейчас мне действительно нужно расслабиться и что-нибудь выпить.

— Мисс Шварц, с вами все в порядке? — мужской бархатный тембр возвращает меня из мыслей. Только сейчас замечаю, что, облокотившись о стену, закрыла глаза. — Мисс Шварц, — настойчиво повторяет он.

Открыв веки, натываюсь на синий пиджак, стоящий ко мне почти вплотную. Собрав

волю в кулак, чтобы не послать обладателя идеального костюма куда подальше, специально отвечаю с наигранным акцентом:

— *Спасибо, со мной все хорошо!*

Его губы растягиваются в мальчишеской улыбке, на секунду сбивая с хода мыслей. Прядь черных волос упала на лоб, и под ней я могу рассмотреть небольшой шрам. Идеальные черты лица, не выражающие каких-либо эмоций, наталкивают на мысль, что этот человек похож на мастерски высеченную статую, нежели на создание Бога. Широкие расправленные плечи и приподнятый подбородок заставляют чувствовать себя неуверенно. А выпады в мою сторону во время выступления и вовсе вызывают к нему негативные эмоции. Обрываю зрительный контакт и, равнодушно развернувшись на каблуках, направляюсь в сторону выхода.

За рекордно минимальное время оказываюсь в квартире. На ходу скидываю пальто, обувь и падаю на кровать, прячась под одеяло.

— Эмми, ты дома? — кричит из своей спальни Лена, но так и не получает ответ. — Все в порядке? — спрашивает подруга, встревоженно раскапывая меня из многочисленных подушек.

— Лен, катастрофа! Этот высокомерный придурок испортит мне жизнь! Сначала дал шанс, а после заберет его обратно.

— Я не понимаю... — Лена скидывает одеяло с кровати, открыв мое тело, свернутое в эмбрион. — Расскажи подробнее! — требует девушка, в недоумении округлив глаза.

— Инвестор преподавательского гранта. Он даже не дал шанс закончить презентацию. Перебивал, задавал нелепые вопросы, а потом и вовсе усадил на место, как маленькую девочку.

Поднимаю с пола одеяло, натягивая до ушей. Желая спрятаться то ли от обиды, то ли от пронзительных зеленых глаз Джонатана Вуда.

Глава 3

*«Встреча двух людей — это встреча
двух химических элементов.*

*Реакция может и не произойти,
но если произойдет — изменяются оба»*

©Карл Густав Юнг

ЭМИЛИЯ

Теплый и уютный вечер в компании моего нового знакомого Алана Брауна, молодого и привлекательного преподавателя Колумбийского университета, оказался довольно интересным. Греческий ресторан в Верхнем Вест-Сайде встретил гостеприимной и уютной обстановкой, а также сытным и вкусным ужином.

Откинувшись в кресле после трапезы, допиваю очередной бокал красного вина и рассматриваю незамеченные сразу предметы интерьера. Из небольших колонок играет песня с неповторимым тембром Йоргоса Мазонакиса, которая действует на меня успокаивающе. Мое тело расслаблено, а голова свободна от беспокойных мыслей. Такой легкости и комфорта я не испытывала с момента получения гранта.

Нет, об этом думать не хочу.

Останавливаю себя, пока снова не начала думать о конференции и о...

— Девушки, такси на месте, — уведомляет нас Алан, ответив на короткий звонок. Он передает папку для расчета официанту, отдельно поблагодарив его за обслуживание в виде чаевых.

Лена, улыбнувшись на мою гримасу, полную печали, передает пальто. Хотя я и согласилась поехать в клуб, но сейчас мне лень даже одеться и дойти до такси. Национальная кухня и вторая бутылка вина сыграли свое дело. Мое тело требует мягкую кровать и теплый плед.

— Ты представляешь, он унизил меня, — жалобно обращаюсь к подруге, когда меня охватывает пьяная волна обиды.

— Эмилия, ты так и не сказала, как зовут этого инвестора? — обращается ко мне Алан, пропуская нас в салон автомобиля.

Он заваливается третьим на заднее сиденье, с трудом закрывая дверь.

— Я не запомнила его имя, — решаю не говорить, неприятностей с меня хватит. — Надеюсь, что он слишком занят, чтобы посещать все мероприятия Колумбийского, и мы больше не встретимся.

Но все же улавливаю в своем голосе некоторое разочарование. Надеюсь, это заметила только я.

— Жаль, я мог бы узнать о нем что-то мерзкое и использовать против него, — подбодрил меня Алан.

Когда мы трогаемся с места, я отворачиваюсь к окну, не желая участвовать в возобновившейся исторической дискуссии, в которой ничего не понимаю. Молча наблюдаю за бурлящей жизнью ночного Манхэттена. За окном проносятся яркие неоновые рекламы, разнообразные кафе и рестораны, бесконечный поток машин... Хочется выйти и просто насладиться свободой, окунувшись в ошеломляющую атмосферу острова.

— Дамы, мы на месте! — объявляет Алан и, открыв дверь, помогает нам по очереди выбраться из такси.

— Алл, нам до следующего дня не попасть туда, — Лена разочарованно указывает на толпу у входа, растянувшуюся далеко по тротуару.

Я сильнее затягиваю полы пальто, готовясь простоять на прохладном воздухе неопределенное количество времени. Все-таки нужно было ехать домой.

— Идемте, — Алан кивнул в сторону входа.

Мужчина весело подхватывает нас под руки. Мы, смеясь, что идем в ногу, обходим по обочине желающих попасть в клуб.

— Мистер Браун, добрый вечер, — обращается к Алану стоящий у дверей громила.

Крепкий парень расталкивает перед входом людей, пребывающих явно в раздраженном состоянии, что их снова проигнорировали. Алан, похлопав по плечу парня на фейс контроле, несколько высокомерно окидывает взглядом тех, кто пока не смог пробраться в обитель веселья.

— Что это было? Это твой знакомый?

Подруга внимательно осматривает Алана, приподняв выразительно одну бровь, словно впервые видит.

— Пусть это будет моим маленьким секретом, — он подмигивает ей, явно флиртуя.

У гардеробной нас встречает высокий молодой человек с надписью на

бейджике: «Калев Джонс. Помощник управляющего». Пока шатен по-джентльменски помогает снять верхнюю одежду, Алан, опершись о стену, сосредоточено набирает сообщение.

— Все в порядке? — осторожно обращаюсь к мужчине.

Быстро поправляю пряди волос, выпавшие из прически, когда замечаю свое отражение в зеркале.

— Ох, да. Все хорошо, — заверяет меня, убедительно улыбнувшись в ответ. — Нужно было решить некоторые вопросы.

— Мистер Браун, прошу за ваш столик, — Калев несколько неуклюжим жестом руки приглашает нас войти в открытую им дверь.

Поднимаю голову, где с высокого потолка свисает огромная стеклянная люстра, светящаяся блеклыми огоньками и окутывает все помещение алым цветом. Осматриваю интерьер клуба, который выполнен в черно-красных тонах. Пробегаюсь глазами по резным узорам барной стойки сделанной, как мне кажется, из натурального дерева и стеклянной подсвеченной витрине с разнообразными напитками. Стулья с бархатными сиденьями и небольшие столики расположены по периметру танцпола. Пульт ди-джея находящийся на возвышенности посередине помещения, напоминает сцену. Он, словно дирижер, руководит толпой двигающихся тел под ритмы музыки.

Управляющий ведет нас к лестнице с широкими перилами, которая связывает три уровня балконов. Любопытно осматриваю первые два, занятые компаниями молодых людей. Замечаю, что на каждом этаже по несколько столиков с расставленными по кругу мягкими креслами. Возможно, предназначенными для «особых» гостей. Поднимаемся на третий уровень, что выделяется на фоне других не только оформлением, но и по-хозяйски расположенным посередине стеклянным столом с расставленными друг напротив друга диванами.

Мое внимание привлекает полукруглый выступ, который имитирует небольшой балкон. Прохожу на него и опираюсь ладонями о перила. Рассматриваю пространство клуба сверху. Излучаемый магнетизм, окутанный нежным бархатом, и растворяющиеся в воздухе ароматы кожи, табака и пряной вишни ненавязчиво добавляют нотки особого восприятия этого места.

— Как вам первое впечатление? — Алан прервал недолгое молчание, выжидая поглядывая то на меня, то на Лену, которая уселась напротив него на диван.

— Мне это помещение что-то напоминает, — прищурив зеленые глаза, подруга внимательно окидывает взглядом этаж. — Это театр? — заинтересовано спрашивает она.

Лена закидывает ногу на ногу, а пальцы с маникюренными ноготками подхватывают бокал с напитком, который наполнил Алан.

— Да, он самый. Помещение спроектировал один чикагский архитектор в тридцатых годах прошлого столетия. За основу он взял театр «Аполло», но сделал его меньше, более уютным и дорогим. Это место — культурное наследие Нью-Йорка которое, к несчастью, забыли после пожара. Владельцу было невыгодно его реконструировать, так как до пожара театр переживал упадок. Единственное, что осталось менее поврежденным — потолок. Эта люстра пережила многое, как и барельеф, — указывает пальцем вверх, вынуждая поднять голову и еще раз рассмотреть витиеватые узоры. — В прошлом году его выкупили, сделали капитальный ремонт и открыли уникальный клуб, в который можно попасть только по карточкам.

Алан загадочно улыбается, снова вынимая смартфон из кармана брюк, и бегло читает

сообщение.

— Дамы, если вы не возражаете, к нам присоединятся двое моих друзей? — интонацией дает понять, что это уже решено без нас. — Они хорошие парни, с нами вам бояться нечего, — заверяет он, растянув губы в вежливой улыбке.

— Насколько хорошо ты знаешь Алана? — шепотом обращаюсь к подруге, присев почти вплотную к ней. — Еще два друга слишком, Лен.

Предстоящая компания двух незнакомых мужчин вызывает некоторое опасение за нашу безопасность. Алан Браун вызывает доверительные чувства, но отчего-то возникшие волнение и тревожность смешиваются в паршивое предчувствие.

— Эмми, все под контролем, расслабься. Алл хороший парень, если что-то будет угрожать нашей безопасности, мы просто уйдем отсюда.

Лена мило улыбается, кокетливо поглядывая на мужчину горящими в предвкушении глазами. Хочется цокнуть в ответ от ее приторного вида. Замечаю, что она «съела» наживку, брошенную мистером Брауном. Он богат и имеет хорошие связи, раз запросто прошел сюда.

ДЖОНАТАН

— Ты уверен, что у тебя традиционная ориентация? — спрашивает меня кузен, как только открывает дверь.

Улыбаясь, Спенсер запрыгивает на кожаное сиденье.

— Что ты имеешь виду? — холодным тоном даю понять, что мне этот разговор уже не нравится.

— Ты и я в красной машине едем по ночному городу, — понизив голос, он мечтательно закатывает глаза.

— Я не думаю, что красный цвет LaFerrari указывает на ориентацию, но если ты продолжишь, высажу на первой автобусной остановке.

Кинув сердитый взгляд на блондина, удобно устроившегося на алом сиденье, возвращаю внимание на мокрый асфальт, что играет бликами от фонарей. Пришлось сбавить скорость, так как Спенс уже встревожено поглядывает на спидометр и количество автомобилей значительно увеличивается по-нашему направлению.

— Не кипятись, Джонни, — поднимает руки в знак капитуляции. — А если честно, то твой развод с Лили и запрет на секс могут направить тебя по другой дороге, не запрещенный контрактом, — таинственным голосом заявляет он.

— Спенс, даже если мне придется ждать развода еще год, хотя не думаю, что он настолько затянется, я все равно не променяю влажную устрицу на сухой стручок, — говорю я, не отрывая сосредоточенный взгляд от дороги.

— О, Боже! Только не упоминай о сухом стручке при моих друзьях в гольф-клубе — сквозь смех проговаривает Спенсер, вынимая телефон из брюк. — Алан уже на месте. Пишет, что с ним две красотки, но нам это неинтересно: я гей, а ты временно не функционируешь, — делает вывод он.

— Ты так часто напоминаешь о своей ориентации, что мне кажется, пытаешься убедить себя в этом, — язвительно замечаю я и поглядываю на Спенса, который пропускает реплику мимо ушей, снова переключаясь на мою «проблему».

— Джон, ты же можешь переспать с любой. Лили об этом даже не узнает. Тем более она первая тебе изменила, — кузен выдвигает очередную идею-фикс. — Тебе давно пора скинуть напряжение.

— Дело не в том, кто кому изменил первый. Дело в том, что я не хочу осквернить

святость брака.

— Ты ведь несерьезно? — удивлено переспрашивает он, округлив глаза, при этом с трудом сдерживает приступ смеха.

— Совершенно серьезно. Я давал клятву в церкви перед ликами святых и свидетелями, для меня это многое значит. К тому же я любил Лили, — вспоминаю о совершенной ошибке, отчего крепче сжимаю руль до побелевших костяшек.

— Да, брат, не предполагал, что ты настолько свят, после всего, что я видел, — говорит он, все еще улыбаясь, когда мы паркуем машину.

Покинув салон автомобиля, поднимаю голову вверх, осматривая переливающуюся надпись «*Бархатная ночь*»³. Сегодня первый день работы клуба после долгих месяцев реставрации, ремонта и бумажной волокиты. Надеюсь, эта ночь пройдет без сюрпризов, и мы сможем достойно заявить о себе среди других элитных ночных заведений.

— Джеймс, проследи, чтобы ее отогнали в целостности домой и возвращайтесь, — даю указание подошедшему парню, передавая ключи от гиперкара.

— За тобой всегда следуют два водителя, если ты решил сам прокатить свой зад?

Кузен заинтересовано осматривает мужчину в черном костюме, слегка прищутив глаза.

— За это они получают деньги. И Джеймс не водитель, он секьюрити.

Толкнув Спенсера в бок, взглядом даю понять, чтобы даже не пытался подкатывать к персоналу.

— Пошли, Спенс. Нужно посмотреть, как обстоят дела с наполненностью клуба.

— Парень, ты стал невероятно крут, — говорит он, хлопая по моему плечу.

Спенсер явно пребывает сегодня в приподнятом настроении.

— Только не могу припомнить. Когда ты успел эволюционировать от парня с Ист-Сайда до мужчины мечты с Парк-авеню? — озвученные мысли Спенса так и остаются повисшими в осеннем воздухе.

— Добрый вечер, — приветствует нас управляющая моего клуба, стоит нам появиться на пороге. — Мистер Вуд, все под контролем, сейчас у нас полная посадка. Вас уже ожидает мистер Браун с двумя ...

— Спасибо, — останавливаю ее поток любезности. — Пусть принесут напитки и закуски, — холодно даю распоряжение.

Проходим сквозь толпу, которая при виде моего тела расступается, словно море перед Ноем. Чувствую на себе сотни любопытных глаз, исследующих каждый дюйм моей личности.

Задерживаюсь, чтобы поприветствовать Майкла Торна и его сестру Хлою. В детстве мы вместе проводили летние каникулы на Лонг-Айленде под контролем моей няни Аделаиды. Анита Торн, их бабушка, ранее была в Совете директоров компании.

Не задерживаясь надолго, поднимаемся выше, и я довольно осматриваю вид с балкона. Когда впервые увидел помещение, то сразу загорелся идеей открыть особенный клуб, куда может попасть определенный круг лиц. Внутренняя атмосфера манила меня. Возможно, уцелевший барельеф и дух прошлого столетия сыграли важную роль, а возможно, детские воспоминания поднялись из глубин души. Покойные дедушка и бабушка меня часто брали на светские рауты, а тем более не пропускали хорошие представления. Помню, как по сцене одного из театров мне разрешали побегать в период антракта.

При виде нас Алан выходит навстречу с широкой улыбкой и распахнутыми руками. Прошло несколько недель со дня последней встречи. Нам нечасто выпадает такая

возможность. Алан преподает историю в Колумбийском, Спенсер владелец клиники, а я управляю компанией. Каждый из нас пошел своей дорогой, но наша дружба проверена еще со школьных времен.

— Ребята, познакомьтесь с моими прекрасными спутницами, — объявляет он, когда мы подходим к столу.

Я говорил, что Манхэттен очень маленький остров и спрятаться на нем невозможно? Словно загнанная в угол мышь, на черном бархатном диване, моем диване, сидит мисс Шварц. Ее округлившиеся в недоумении глаза вызывают во мне легкий трепет, пробуждая ото сна интерес к этой особе, возникший еще на конференции. Удивление в ней сменяется раздражением и презрением, что немного задевает. Возможно, я надавил на нее больше, чем планировал. Прохожусь взглядом по ее соблазнительным ногам, черному короткому платью с длинными рукавами, выше по груди и шее, к алым бархатным губам. Пряди волос, выбившиеся из заколотой прически, сексуально спадают к лицу, завершая пьянящий образ.

— Леди, — слышу сбоку довольный голос друга, но все еще рассматриваю девушку, — это мои старые добрые друзья Джонатан Вуд и Спенсер Чейз. Парни, познакомьтесь — Лена и Эмилия.

Пока Спенсер, который не в курсе ситуации, как и Алан, обменивается рукопожатием с девушками, лукавая улыбка самовольно появляется на моих губах.

— Джон, может, все-таки присядешь, — Спенс указывает на свободное место возле Эмилии, а я улавливаю лишь укоризненный взгляд мисс Шварц.

Глава 4

*«Люди могут забыть,
что вы им говорили,
но они никогда не забудут,
что они с вами чувствовали»*

©Павел Калягин «По ту сторону сердца»

ЭМИЛИЯ

Мое тело буквально накаляется, воспринимая излучаемое им тепло. Джонатан выглядит более расслабленно, чем на конференции. В черных джинсах и темно-синем джемпере его не отличить от обычного тусовщика, которыми набит клуб. Стараюсь держаться как можно увереннее, проявляя внешнее спокойствие и безразличие. Но сердце сжимается в комок от смешанных чувств.

— Дамы, за знакомство, — празднично произносит Алан.

— За приятный вечер, — добавляет Джонатан.

Мне ничего не остается, как взять бокал с шампанским. Сложившаяся обстановка тяготит, и я планирую поскорее сбежать из этого места. А вот Лена одаривает нас обворожительной улыбкой — для нее прям рассадник потенциальных мужей.

— Алл, как ты познакомился с девушками? — в скептическом тоне Спенсера улавливается скрытый подтекст, который мне не нравится.

— Девушки приехали по преподавательскому гранту в Колумбийский. Лена проходит стажировку на моей кафедре, а Эмилия на кафедре компьютерных наук. Решил показать иностранным коллегам ночной город, — разъясняет он, недовольно взглянув на блондина, но тот

лишь безразлично кивает в ответ. — К тому же Эмилии нужно было расслабиться, какой-то придурок испортил девушке настроение на конференции.

Джонатан за малым не давится виски. Он с трудом проглатывает напиток, а я замираю с бокалом у губ. Наши глаза встречаются. Понимаю, что он сдерживает улыбку.

— Джон, ты не в курсе, кто в этом году инвесторы Колумбийского? — как бы между прочим спрашивает Алан, игриво накалывая шпажкой виноград и отправляет его в рот.

— Алл, понятия не имею, — спокойно отвечает Джонатан.

В подтверждение своих слов он изумлено округляет глаза и пожимает плечами. На это Спенсер молча переводит на него заинтересованный взгляд.

Мысленно благодарю мужчину, что не стал вдаваться в подробности нашего знакомства.

— Мне казалось, ты упоминал об инвестировании, — Алан, как мне кажется, подозрительно осматривает друга, вальяжно расположившегося на диване.

— Давайте не будем обсуждать работу и прочие дела. Тем более, если у девушки осталось не приятные воспоминания, — размеренным тоном Спенсер обращается к друзьям. — Лучше поздравим Джонатана с успешным началом нового дела — открытием клуба, — мужчина поднимает свой бокал, и мы повторяем за ним.

Джонатан благодарит собравшихся, взглянув на меня через свое широкое плечо. Я нервно поерзала на замшевом диване, а затем начала копаться в сумочке, делая вид, что что-то ищу. Но в миниатюрной сумочке долго рыться между телефоном и помадой не получается.

— Это же моя любимая песня, — восторженно визжит Лена, подскакивая с места. — Кто идет танцевать? — глазами выискивает среди мужчин партнера по танцам.

Она не обнаруживает в их взглядах такого же восторга, поэтому хватает меня за руку и волочит вниз. От ее быстрого шага с трудом успеваю переставлять ноги на высоких каблуках. Чудом успеваю схватиться за перила, чтобы кубарем не скатится с лестницы. Пробирается сквозь плотно танцующую толпу, словно танк, освобождая нам место возле сцены.

— Расслабься! — кричит мне на ухо и разворачивается лицом к сцене.

Пытаюсь вспомнить, когда последний раз была в клубе и чувствовала себя настолько свободно, как сейчас. Приглушенный свет заставляет сильнее проникнуться музыкой, извивая свое тело под приятные ритмы.

При очередном энергичном движении поднимаю голову, случайно цепляясь глазами за силуэт мужчины. Он по-хозяйски уперся руками на ограждение балкона, на котором стояла некоторое время назад я. Из-за мигающего света тяжело рассмотреть его лицо, но я точно знаю — это Джонатан Вуд. Несколько секунд освещение падает на его лицо, и я могу рассмотреть устремленный вниз взгляд.

Оторвавшись от очертаний мужчины, осматриваюсь по сторонам в поисках подруги, которая буквально растворилась в толпе. Пробираясь сквозь тесно стоящих рядом людей, пытаюсь сосредоточить зрение в мигающем свете.

— Красотка, потанцуй со мной, — кто-то говорит мне на ухо.

За талию нагло подтягивает незнакомый парень. Он трется своим телом об меня, от чего подкатывает тошнота. Пытаюсь скинуть его руки, но он сильнее сжимает в потных объятиях. Еще одна попытка вырваться остается без успеха. Он крепко удерживает за талию и утыкается носом в шею. Во мне начинают зарождаться нотки паники, но в одно мгновение

парень будто отлетает от меня. Шокировано наблюдаю, как он падает, цепляясь за платье перепуганной девушки. Шатаюсь на ногах, в недоумении осматривает кого-то за моей спиной. Проследив за его взглядом, оборачиваюсь, натываясь на недовольное лицо хозяина клуба. Джонатан Вуд, расправив гордо плечи, сверлит глазами парня, которого уже под руки выводит охрана.

Сердце набирает бешеный ритм, когда мы встречаемся глазами на столь близком расстоянии. Мысленно повторяю все молитвы, которые знаю, и прошу, чтобы кто-то разорвал этот зрительный контакт, который вихрем разрушает все внутри меня. Без единого слова Джонатан подходит ближе, сокращая дюйм за дюймом между нами. Я уже ощущаю запах парфюма и тепло его тела.

— Стоять, — приказывает тихим ровным голосом, когда хочу разорвать слияние феромонов. — Сбежать, как днем, у тебя не получится, — холодно произносит возле уха, заставляя задержать дыхание.

— Я и не пытаюсь никуда бежать. Мне нужно найти Лену, — нахожу первую причину и освобождаюсь от его рук. Делаю несколько шагов, но оказываюсь сжата в его объятиях. — Какого хрена, Вуд? — недовольно шиплю я.

Пытаюсь вывернуться из цепких лап, раздраженно глядя на мужчину. Его лицо расслабляется, смягчается взгляд, а на губах появляется мальчишеская улыбка, которой он одарил меня днем.

— Может, хочу узнать, какой придурак испортил тебе настроение? — произносит низким тембром, что так нежно ласкает мой слух.

Джонатан слегка задевает носом мочку уха, а по телу тысячи мурашек поднимают бунт. Стараюсь держаться холодно и трезво, но от его запаха и теплых рук на голой спине кровь течет быстрее.

— Расскажешь, как тут оказалась? — пронзительно смотрит в глаза, выискивая за что зацепиться.

— Я не понимаю...

— Ты думаешь, я поверю, что ты случайно появилась здесь с моим другом, прекрасно зная кто я? — спрашивает он, нависая надо мной. Джонатан смотрит в упор и, кажется, даже не моргает.

— Кажется, мания величия съела твои мозги! — указываю пальцем на его голову. — Если ты решил, что я специально все это подстроила, то боюсь огорчить, детектив Пикачу из тебя никакой.

На мою реплику он реагирует красивым гортанным смехом, цепляя что-то внутри. Теплые ладони все также удерживают за талию, будто невзначай дотрагиваясь до кожи выше кромки платья.

— Поверь, некоторые и не на такое идут, чтобы оказаться возле меня, — чувственно проговаривает практически в губы. — Потанцуй со мной, — властный голос вынуждает упиваться звуками его бархатного тембра, и тело самовольно выполняет просьбу.

Неуверенно двигаюсь с ним в такт медленной музыки, не в силах разорвать связь, сплетающую наши взгляды. Приглушенный мигающий свет толкает нас ближе к искушению и вплотную приближает друг к другу. Его теплые ладони скользят по обнаженной спине, нежно поглаживая кожу. Дотрагиваюсь до шелковистых черных волос, несколько раз пропустив их через пальцы. Джонатан усиливает объятия, сокращая и так отсутствующее пространство между нами. Этим он позволяет почувствовать твердость, упирающуюся в мое

бедро.

ДЖОНАТАН

Я дошел почти до грани, таща за собой объект моего возбуждения. Запах ее кожи действует на меня каким-то невероятным образом, заставляя желать Эмилию прямо здесь и сейчас. Прижимаю хрупкое тело девушки сильнее. Пальцами одной руки впиваюсь в кожу на спине, а другую кладу на затылок, зарываясь в собранные волосы. Во мне просыпается дикий интерес к накрашенным алой помадой губам. Оставшийся дюйм между нами и мы сольемся в поцелуе.

— Мерзавец! — сначала слышу знакомый голос за спиной, а после ощущаю шлепок по спине, который вырывают из сладостных грез. Резко развернувшись, прячу девушку за спиной.

— Что ты тут делаешь? — взываю, обращая на нас внимание некоторых танцующих.

— Я все еще миссис Вуд, дорогой, — жена сверлит яростным взглядом. — Хотела выразить поддержку в честь открытия клуба, — ноты печали в ее голосе задевают невидимые струны во мне.

— Это ни к чему, Лили, — холодно отвечаю, осматривая ее, а она гордо расправляет плечи. — Зачем ты здесь?

— Джон, ты унижаешь меня, целуя при всех *эту*... — произносит так, словно Эмилия мусор под ее ногами и брезгливо морщит нос.

— Однако ты не заботилась моим положением, когда... — прерываю себя на полуслове.

— Я говорила правду. Хочу наладить наши отношения, — настаивает она, по-детски топнув ногой. — Поэтому я здесь.

Вижу, как сдерживает закипающие в ней эмоции. Что-то произошло. Она бы просто так не явилась сюда, переступив через себя. Я не видел жену несколько недель, за это время она заметно похудела и стала более раздраженной.

— Я уйду, — Лили тяжело вздыхает. — Джонатан, только с тобой, — говорит сквозь зубы и протягивает руку с тонким запястьем. Обручальное кольцо, которое я надел в день нашей свадьбы, цепляет взгляд.

— Лили, я не буду сейчас выяснять отношения. Вердикт тебе известен: развод. Джеймс проводит тебя, — недовольно киваю охраннику, который допустил эту ситуацию.

Как будто током ударяет, заставляя обернуться назад. Эмилии нет. Сердце пропускает несколько незнакомых болезненных ударов.

— Я должен идти... — безразлично говорю Лили и обхожу ее.

Быстрым шагом направляюсь на балкон, осматриваясь по сторонам. За столом Эмилии то же нет. Осматриваю помещение с высоты, пусто. На ходу подхватываю с дивана свой пиджак и быстрым шагом спускаюсь к выходу.

— Мистер Вуд, девушка пошла в том направлении, — охранник указывает на одну из слабо освещенных улиц от клуба. — Она была без пальто. И, похоже, плакала, — он неуверенно пожал плечами.

— Предупреди Джеймса и Спенсера. Скажи им, что я ушел, — даю распоряжение и быстрыми шагами перехожу на другую сторону, двигаясь по тротуару в поисках Эмилии.

Через некоторое время замечаю силуэт на обочине под фонарем, что освещает небольшой участок дороги. Увеличиваю темп и уже могу рассмотреть девушку, которая обнимает себя руками, возможно, пытаюсь согреться от холодного ветра. Снимаю свой

пиджак и накидываю на хрупкие плечи.

— Зачем ты ушла? Это опасно.

Осматриваю пряди волос, что выбились из прически и прилипли к мокрым щекам. Рука сама поднимается и убирает локоны с ее лица, но мой вопрос так и остается без ответа.

— Что случилось? — смягчив тон, спрашиваю Эмилию, но в ответ снова тишина. — Пойдем, я отвезу тебя домой, — говорю спокойным тоном и жестом указываю в сторону клуба, где припаркована машина.

Понимаю, что диалога не будет, а выуживать из девушки объяснения не вижу смысла. Кладу руку на ее плечо, чтобы развернуть в нужном направлении. Эмилия, увернувшись, скидывает пиджак. Смотрю, как он лужицей расстилается между нами. В недоумении перевожу взгляд на ее лицо, которое не выражает ни одной эмоции. Я не понимаю, в чем виноват и почему Эмилия так реагирует на безобидное действие. Но меня это задевает.

— Мне не нужны твои помощь и забота, — отвечает бесцветным голосом, смотря словно сквозь меня.

Наступаю на лежащий пиджак на асфальте и подхожу к девушке, на что она в защите выставляет руки, не давая приблизиться.

— Отвали от меня, — требует она и пытается оттолкнуть.

Ненависть в глазах мисс Шварц сильнее разжигает во мне вспыхнувший огонь. Если честно, даже по моим меркам, я веду себя неадекватно. Сжимаю девушку против воли в крепких объятиях и ищу ее губы, желая напомнить, что некоторое время назад она была не против.

— Джонатан, — крикнув, Алан вырывает из моих рук Эмилию. — Что на тебя нашло? — друг шокировано осматривает меня и причину моего перевозбужденного состояния.

— Лена, забери ее. Вас отвезут домой, — Алан указывает на одну из припаркованных на обочине машин. — Я напишу тебе, — говорит он девушке на прощание перед тем, как она и Эмилия скрываются в черном седане.

— Эй, ты в порядке? — Спенсер, удерживая меня за локоть, удивленно сканирует взглядом.

Скидываю руку кузена и наклоняюсь, чтобы поднять злополучный пиджак.

— Хочешь, поговорим об этом? — Спенс понижает голос, интересуясь происходящим, хотя прекрасно знает, как я отношусь к его практике.

— Не надо, Спенсер, всех этих твоих приемов! Я не дам копаться у себя в голове, — шиплю в ответ и направляюсь к своему внедорожнику. — Вы долго будете пялиться на меня, словно на сумасшедшего? Или предпочитаете добираться домой на такси?

Замираю у открытой двери, провожая взглядом скрывающуюся за поворотом машину...

По дороге домой в салоне полная тишина, которая сейчас мне необходима. Лили пришла неслучайно, что-то случилось. Хотя не исключаю, что ей снова нужны деньги. Я оставил ее, погнался за практически незнакомой девушкой. Чувствую себя слабым, убегая от собственных проблем. У меня давно не возникало желания целовать кого-то кроме Лили. Когда я увидел Эмилию в руках этого придурка, захотел защитить ее, почувствовать свое превосходство над ним.

Глава 5

«Весь мир не в силах сокрушить нас,

и только мы сами изнутри разрушаем себя»

©*Маргарет Митчелл «Унесенные ветром»*

ЭМИЛИЯ

Пословица «Утро вечера мудренее» убедила меня в том, что имеет сакральный смысл, и ночные приключения уже не кажутся такими существенными. Этой ночью я испугалась яркой волны чувств, что охватила мое тело в крепких объятиях Джонатана Вуда. Перед тем, как уснуть, я долго размышляла о случившемся и в итоге пообещала себе, что *это* больше не повторится. Я стараюсь давно не копаться в себе, не искать объяснений поступкам, которые могут разворошить давно забытые и закрытые на замки участки памяти.

Поворачиваюсь на бок, разглядывая пасмурный вид за окном. С момента приезда в Нью-Йорк я ни разу не видела чистого солнечного неба, только угрюмые облака, что никак не прольют слезы на «город контрастов». Кажется, погода и мой внутренний мир объединились и точно играют против меня.

— Эй, Эмми, — тихим голосом обращается подруга.

Поворачиваю голову в сторону двери и вижу, как сначала появляется рыжая непричесанная голова Лены, а потом фигура девушки, одетая в пижаму голубого цвета.

— Доброе утро. Как ты себя чувствуешь? — мягким тоном продолжила она.

Лена ложится рядом на кровать, подкладывая под голову небольшую подушку. Молочная кожа подруги будто сделана из фарфора, а россыпь небольших веснушек мило украшает вздернутый носик.

— Как будто по мне ездили несколько раз туда-сюда, — в воздухе вожу рукой, изображая проехавший автомобиль по моей голове.

— Эмми, я не хочу снова тебя расстраивать, но утоли женское любопытство, что вчера произошло между тобой и другом Алана? Это я потащила тебя в этот клуб, — она в смятении прячет глаза, как будто в чем-то виновата.

Вчера мне чудом удалось избежать этого разговора, сославшись на самочувствие и поздний час.

— Не переживай из-за меня. Все в порядке. Но если честно, я не хочу это обсуждать. Могу сказать одно: между нами возникло небольшое недопонимание, — безразличным тоном объясняю подруге. — Все хорошо — это главное. Спасибо, что беспокоилась обо мне, — стараюсь быть убедительной, при этом проглатываю образовавшийся ком в горле.

Возвращаю внимание к белому потолку, а воспоминания самовольно всплывают в памяти. Чувствую, как Лена несколько секунд выжидательно смотрит на меня. Но за годы самообмана я также научилась искусно лгать и окружающим.

— Какие на сегодня планы? — Лена меняет тему, за что мысленно ее благодарю.

— Выпить кофе, принять душ, позвонить мужу и дочке, пока они не легли спать, — обыденно отвечаю ей.

Из-за разницы во времени нам не часто удается созваниваться по видеосвязи. Но сегодня мне необходимо увидеть дочь. За прошедшие дни Алекс ни разу не спросил о делах в университете — впрочем, неудивительно. Последнее время наши отношения заметно охладели, но каждый из нас делает вид, что ничего не происходит.

— Тогда сделаю самый крепкий кофе для нас. Может, закажем еду? — интересуется Лена.

Она выходит из комнаты, на ходу перекидывая за плечо копну рыжих волос, оставляя

дверь открытой.

— Я бы не отказалась от чего-то мексиканского, — говорю ей в след, поднимаясь с «нагретой» кровати.

Расправляю одеяло и закидываю многочисленные разноцветные подушки поверх него. Прохожу в небольшую ванную, оформленную кафелем серого цвета, но с довольно большой душевой. Останавливаюсь у зеркала и, повернувшись спиной, осматриваю спутанные длинные пряди русых волос.

Встретившись взглядом со своим отражением, на секунду прикрываю глаза. Гнетущее состояние началось пару лет назад, когда тягостные чувства и мысль, что проживаю не свою жизнь, сильнее засели в голове. Вокруг меня бурлили события. Я получала все, к чему стремилась. Но изо дня в день продолжала подавлять себя, отравляя остатки хорошего и светлого. Спасением была Ева и работа, но и эти якоря не всегда срабатывали, заставляя сильнее захлебываться в прописанном кем-то «сценарии жизни». Соглашаясь на программу, я не только хотела повысить уровень преподавания и добиться повышения, но и спрятаться от разрушающего меня существования. Возможно, проведенное время вдали от семьи и обыденности заставят вспомнить их особую ценность.

Снимаю пижаму и забираюсь в душ, плотно задвигая двери. Впервые с момента похолодания мне захотелось согреться, поэтому делаю воду намного горячее обычного. Закрываю глаза, пока вода стекает по волосам, шее, груди...

В голове, словно вспышками, прокручиваются фрагменты моего временного помутнения рассудка в лице Джонатана. Вспоминаю его теплые руки на своей спине, слегка сжимающие кожу или нежно поглаживающие позвонки. Сердце болезненно сжимается, понимая, что раньше такого чувствительного контакта «кожа к коже» мое тело не испытывало.

Невидимая дымка окутывает с головы до пят, заставляя сладостно пульсировать между ног. Находясь в своей реальности, сжимаю налитые от возбуждения груди, слегка сдавливая соски. Вода скользит по телу, распаривая каждый дюйм кожи. От нехватки его рук на теле издаю разочарованный стон. Перемещаю руку между ног, надавливая на болезненный от возбуждения узелок. Мысли сменяют друг друга, но его глаза и возбужденное горячее дыхание возле уха подталкивают меня к грани. Пару мгновений и теплая волна раскатывается по телу...

Глава 6

*«Всегда можно закрыть глаза на то,
что видишь, но нельзя закрыть сердце на то,
что чувствуешь».*

©Фридрих Ницше

ДЖОНАТАН

После полуторачасовой пробежки и холодного душа мои мысли упорядочиваются в алфавитном порядке. Я готов посетить своих родителей. У Джеймса и Стивена сегодня выходной, поэтому приходится самому сесть за руль, чтобы добраться на Лонг-Айленд.

Подъезжаю по мощеной дороге к зданию с вековой историей, расположенному в Хэмптонсе. «Ночное сияние» — так называется семейный особняк, который был построен по проекту моего прадеда Гарольда Вуда. Высокая колоннада принадлежит уже несколько

поколений моей семье и вызывает уважение к этому удивительному месту на берегу Атлантики.

Здание представляет собой двухэтажное строение с большими окнами и барельефным фризом, что обрамляет все здание под крышей. Название «Ночное сияние» особняк получил из-за маяка, который находится на территории усадьбы. С момента постройки здание изменялось дважды. Последние весомые изменения внесли в семидесятых годах прошлого века, тогда было достроено южное крыло.

— Джонатан, сынок, ты приехал! — радостно восклицает хрупкая женщина, только с виду, сбегающая по ступеням к машине.

Мама выглядит отдохнувшей, все-таки переезд за город идет ей на пользу. Она сжимает меня в объятиях и целует в щеку.

— Я так рада, что ты здесь. Проходи, отец начал беспокоиться, что тебя долго нет, и Аделаида уже накрывает на стол.

Заходим в просторный светлый холл, где из большого окна по центру виднеется бескрайний океан. В детстве я часто гулял по берегу и кормил чаек, строил песчаные замки или просто сидел с книгой. В подростковом возрасте я не изменял любимому месту, только вид занятий не был так невинен. По белоснежной мраморной лестнице спускается отец в футболке поло и льняных штанах. Странно видеть его без костюма.

— Сынок, ты дома. Рад тебя видеть, — тепло приветствует отец и пожимает мне руку. Он по-детски взлохмачивает мне волосы, на что я закатываю глаза и поправляю прическу в исходное положение.

— Аделаида сделала свое фирменное жаркое и испекла твой любимый ягодный пирог, — довольно оповещает отец, подталкивая меня в спину, этим жестом направляя в сторону столовой.

Возле большого стола крутится худенькая пожилая женщина в черном платье. Она расставляет блюда и поправляет приборы, полностью сконцентрировавшись на своем занятии.

— Кхм... — наигранно прочищаю горло.

Мне скорее хочется увидеть теплоту ее глаз. Женщина разворачивается к нам, расплываясь в широкой улыбке.

— Мальчик мой, — нежно проговаривает она и тепло заключает в объятия, а я отвечаю ей тем же. — Наконец-то ты приехал. Присаживайтесь скорее. Все готово, — рукой указывает на искусно сервированный стол.

Аделаида работает у нас, сколько себя помню, поэтому с уверенностью могу сказать: я вырос на ее руках. Она была со мной всегда. Дели первая спешила на помощь, если я разбил коленки или падал с дерева, а такое случалось довольно часто. Помню, как она взяла меня под защиту, возразив деду. На четырнадцатый день рождения я напился в стельку и разбил витражное окно девятнадцатого века в его кабинете.

Голова Дели полностью покрылась сединой, но она остается в прекрасной физической форме. Надеюсь, Аделаида увидит моих детей и позаботится о них также, как когда-то заботилась обо мне.

Глаза разбегаются от приготовленных блюд, а обоняние улавливает запах домашней еды. Обычно я питаюсь ресторанной или тем, что приготовит домработница. Начинаю трапезу с жаркого, съедая все до последней крошки. После переключаюсь на утку в каком-то невероятном маринаде и запиваю вином из семейных запасов. Облизываю пальцы, забывая

все правила этикета.

Сытый и довольный, что Лили здесь нет, позволяю себе пошутить о Спенсере. В прошлом году он устроил настоящий праздник, явившись на семейный вечер со своим новым бойфрендом. В нашей семье к нетрадиционным парам относятся спокойно, но их страстный поцелуй на антикварном диване мама не оценила.

Отец рассказывает веселый случай, который с ним недавно произошел на гольфе, а мама предупреждает, чтобы я не строил никаких планов на День Благодарения. Подготовка к семейному празднику идет полным ходом: родственники получили приглашения и даже подтвердили свое присутствие. В нашей семье только так и встречаются, договариваясь заранее.

— Как у вас складываются отношения с Лили? — между прочим вставляет мама, манерно отрезая кусочек пирога. — Она звонила вчера, жаловалась на плохое самочувствие.

Вот нужно было испортить хорошее настроение, мама.

— У нас нет отношений, чтобы они как-то складывались. Я уже говорил не раз, мы подали на развод, — несколько грубо отвечаю ей и откладываю вилку, замечая напряженные взгляды на себе.

— Может быть, вам следует посетить семейного психолога или съездить отдохнуть? Да зачем ехать далеко! Приезжайте к нам, у нас места хватит всем! Джон, дома и стены лечат... — не понимает мать, заглядывая своими изумрудными глазами в мои, потемневшие от гнева.

Я знаю, что в разводе она винит именно меня, поэтому не хотел приезжать. Каждый визит заканчивается этим бессмысленным разговором. Маленького мальчика внутри меня обижает поведение мамы, ведь ее любовь и вера должны быть безусловны ко мне.

Возможно, я был не прав, когда скрыл истинную причину развода. Лили для них невинное брошенное создание, а я мужчина, который не смог сохранить семью. Однако это лучше, чем принимать соболезнующие взгляды от всех родственников.

— Вивьен, хватит на него давить. Сыну тридцать четыре, и он в состоянии разобраться с женой, — раздраженно говорит отец. Он недовольно отставляет бокал, поднимаясь с места.

— Сынок, давай пройдем в кабинет и выпьем по бокалу виски. Расскажешь, как обстоят дела с итальянцами.

Напоследок он кидает негодующий взгляд на маму перед тем, как скрыться за дверью.

— Маршалл! — она только и успевает выкрикнуть имя отца.

Проходим в просторный кабинет, где у большого английского окна стоит стол из красного дерева, принадлежащий еще прадеду. На нем аккуратно сложена стопка бумаг, лэптоп и кубинские сигары в кедровой коробке. Посередине комнаты расположены два черных кожаных дивана, мраморный кофейный столик, а возле стены гранитный камин, построенный еще во времена Гарольда Вуда.

Мой взгляд притягивает вид из окна. Пока отец разливает напиток, раскрываю шторы и любуюсь беспокойной водной гладью. Сквозь приоткрытое окно врывается освежающий океанский бриз. Вдыхаю этот с детства знакомый запах, вызывая воспоминания из глубин памяти. Тогда было все по-другому. Во-первых, я был свободен от множества обязательств, а во-вторых, были живы дед, дядя и мой друг Эндрю.

Девять лет назад вице-президент компании мой дядя Майкл, ведущий юрист Роберт Торн и Эндрю Мейер, который проходил стажировку, летели из Португалии на самолете нашей компании. Все пассажиры, включая бортпроводника и двух пилотов, погибли.

Экспертиза показала возгорание двигателя самолета, а крушение расценили как несчастный случай. Отец несколько раз говорил, что не верит в расследование, проведенное ФБР, по его мнению, слишком много не состыковок.

Присаживаемся на диван и обсуждаем поездку в Италию. Отец напрямую отошел от дел, но по его наставлению я заключил выгодный контракт на реставрацию здания в Венеции. Мы сможем его восстановить и превратить в прибыльный отель.

ЭМИЛИЯ

— Эмилия, все в порядке? Ты выглядишь грустной, — тревожным голосом говорит муж.

Алекс подвигается ближе к экрану, стараясь меня рассмотреть. Его замечание удивляет, так как в последнее время муж мало что замечал, особенно если это касалось меня. Макияж немного скрыл последствия раскаяния, и я заставляю себя играть любимую роль счастливой жены.

— Все в порядке, — с трудом проговариваю с широкой улыбкой, что аж сводит скулы. — Просто скучаю по вам и немного устала. Как ваши дела? — Намеренно ухожу от темы внешнего вида, не желая больше обсуждать с ним свое состояние.

— Привет, мам. Посмотри, что я тебе нарисовала, — на экране появляется угловатый рисунок дочери.

— Моя малышка, я очень скучаю по тебе. Ева, у тебя получилось замечательно, спасибо, — благодарю дочь. Не выдерживаю, и слезы текут ручьями по щекам, осматривая дочь на экране лэптопа.

— Эмилия, что ты плачешь? — фыркает в ответ Алекс, даже не пытаюсь скрыть раздражение в голосе.

— Вы за тысячи миль от меня, — сквозь слезы говорю я и стираю салфеткой потекшую тушь. В душе тоскуя только за дочерью.

— Эми, давай не будем расстраивать Еву. Нам тоже тяжело без тебя, но это твой выбор, — с укором говорит муж, усаживая удобнее малышку к себе на колени.

В голове всплывает последний разговор с ним, завязываясь тугим узлом внутри...

«— Эмилия, я не понимаю! О чем ты думала, когда снова подала документы на эту программу? Почему ничего не сказала? Мы через многое прошли, но ты снова сама все решаешь. Три месяца, Эмилия, три чертовых месяца ты будешь находиться на другой стороне планеты. А как же наша дочь? Ей всего пять. Что прикажешь делать мне? Уволиться? Так позволь напомнить, что мы живем на мною заработанные деньги. От твоего «клуба по интересам» толка мало, — на повышенных тонах причитал Алекс, нервно жестикулируя и расхаживая по комнате. — Я не смогу взять больничный, если Ева заболит. Дорогая, я понимаю, что это твоя мечта. Но вспомни, я тоже отказался от многого, когда мы переехали сюда. В этом и заключается семейная жизнь — в самопожертвовании. В конце концов, где взять деньги на твою поездку? — запустив руки в карманы брюк, муж гневно посмотрел на меня.

Устроившись в своем любимом кресле у окна, я спокойно наблюдала за стараниями мужа призвать меня к благоразумию. Несколько лет назад я уже уступила Алексу и отказалась от стажировки. Пусть мое желание эгоистично, но в этот раз я сделаю так, как хочу.

— Я не откажусь, третьего шанса не будет! — подумала тогда я и мысленно собрала чемодан.

— Мам, я скучаю. Когда ты приедешь домой? — тоскливо протягивает дочка, вырывая из воспоминаний. — У нас скоро праздник в детском саду. Я не хочу, чтобы ты его пропустила, — малышка оттопыривает нижнюю губку, ожидая ответа.

— Милая, мы с тобой об этом говорили. На праздник приду я и бабушка, — ласково отвечает ей Алекс, пытаясь сгладить ситуацию, что вызывает еще большее удивление.

— Но я хочу, чтобы пришла мамочка! — Ева всхлипывает, а мое сердце болезненно сжимается, вызывая болезненные чувства.

Моя малышка горько плакала, когда мы прощались в аэропорту. Ее крохотные ручки сжимали мою шею, а горькие слезы скатывались по щекам. Помогли обещания о самой красивой кукле. Ева отпустила меня, но продолжила всхлипывать в объятиях папы. Наше расставание самое болезненное в моей жизни. В тот момент обвинения мужа в бессердечности и эгоизме эхом разносились по телу.

— Доченька, послушай, папа позвонит мне по видеосвязи, и я буду смотреть ваш концерт. Идет? — предлагаю ей единственное, что приходит на ум. Она о чем-то думает, хмурит бровки, но в итоге кивает в знак согласия.

Глава 7

*«Разочарование — это то состояние,
когда бабочки внутри сдохли»*

©Ринат Валиуллин

ДЖОНАТАН

Вместе со щелчком двери пробуждаюсь ото сна. Разум возвращается в тело, но глаза все еще не хотят открываться. Сегодня какой день недели? Четверг? Или, может быть, пятница? Если пятница, то я уже опоздал. В этот день, как правило, у нас совещание.

— Мистер Вуд, вам пора вставать... — проговаривает знакомый голос, а прохладная рука касается плеча. — Мистер Вуд, вы опоздаете, — снова звучит эхом голос в моей голове.

Сквозь панорамные окна врывается солнечный свет, ярко освещая комнату. Накрываюсь одеялом, но его срывают с меня, заставляя задуматься о наличии пижамных штанов. Не думаю, что Сара увидит что-то новое, ее вообще тяжело чем-то сразить. Возможно, прожитые годы не позволяют обращать внимание на абсурдные ситуации.

— Мистер Вуд, — более настойчиво повторяет женщина, — вы передумали разводиться?

Последняя фраза действует на меня отрезвляюще, и я наконец-то открываю тяжелые веки.

— Спасибо Сара, я проснулся, — благодарю домработницу, ощущая, как гудит в голове.

Первое, что я вижу — закинутые на прикроватную тумбу брюки и нижнее белье. Все-таки я голый. Радует, что лежу на животе.

— Мистер Вуд, завтрак, утренняя корреспонденция и Тайленол на столе в столовой, — обыденно перечисляет она перед тем, как закрыть за собой дверь.

Потерев лицо, переворачиваюсь на спину, где встречает мое «помятое» отражение на потолке. Чувствую, как болезненно пульсируют виски, напоминая, что последние две ночи я провел в клубе, добросовестно дегустируя бар.

После разговора с отцом я долго гулял на пляже, обдумывал жизнь и последние в ней драматические события. Не считаю, что алкоголь решил все мои проблемы, но пару душевных ран точно затянул.

За короткое время принимаю контрастный душ, который временно освобождает голову от посторонних мыслей. Еще пятнадцать минут и я, одетый в один из дорогих костюмов, присаживаюсь за стол.

— Сара, будь добра, принеси чашку кофе большего размера, — указываю на миниатюрную чашечку на столе, недовольно нахмурившись.

Одной рукой поливаю оладьи вишневым сиропом, а другой открываю газету с пестрящими заголовками. Отрезаю кусочек свежей выпечки, отправляя его в рот. Листаю черно-белые страницы, просматривая и читая новости, произошедшие буквально за последние двадцать четыре часа. Останавливаюсь на статье о новой реформе президента и на несколько секунд перестаю жевать.

— Идиот, — вырывается у меня, когда дочитываю ее до конца.

— Мистер Вуд, вам передали, — Сара неуверенно кладет белый конверт на краешек стола.

— Что там? — озадаченно интересуюсь я.

Откладываю газету, сложив ее пополам, и заинтриговано смотрю на бумажное сообщение.

— Помощница миссис Вуд принесла рано утром. Настойчиво просила, чтобы вы прочитали, — сочувствующе посмотрев на меня, подталкивает его ближе ко мне.

— Порви и выкинь, — шиплю в ответ, а женщина еле заметно ежится от стального безразличия в голосе.

— Может, вы посмотрите, что там? Вдруг что-то очень важное?

Не выдержав жалостливого взгляда Сары, подрываюсь со стула.

— Очередные счета? Требования? Или дай угадаю... — задумчиво смотрю в потолок, скрестив руки на груди. — Точно! Фотографии ее новой интрижки! — заключаю я, глуповато улыбаясь.

— Простите, сэръ, но вы сейчас напоминаете своего пятнадцатилетнего кузена Томаса. Можете меня уволить, если пожелаете, но вы ведете себя как подросток, который показывает свою взрослость и безапелляционное суждение окружающих, но боится принять ответственность за происходящее.

Почтенный возраст Сары и все-таки хорошее воспитание, не дают грубо ответить на этот выпад, но ее слова подливают масла во вспыхнувшее раздражение.

— Я думал, ты на моей стороне, — холодно говорю в ответ и мысленно успокаиваю в себе обиженного мальчика.

Недовольно обхожу женщину, сгребая документы в папку. Сара подходит ближе и кладет ладонь мне на плечо.

— Мистер Вуд, я всегда на вашей стороне. Даже такие мужчины, как вы, могут сбиться с пути. Вы запутались. В этом нет ничего страшного.

— Сара, — твердым тоном обращаюсь к женщине и убираю ее руку, — я благодарен тебе за многое, но сейчас ты переходишь черту. Порви и выкинь, — кидаю напоследок и направляюсь в сторону лифта.

Возмущенно взглянув на женщину, стоящую с конвертом в руках, подхватываю портфель со спинки дивана.

Я никому не позволю копаться в себе, а тем более указывать на ошибки. Но зачерствелое сердце болезненно сжимается, понимая, что я действительно боюсь разложить все по полочкам и понять истину происходящего.

Несколько часов мы обсуждали с адвокатом план действий и решение форс-мажорных ситуаций, которые могут возникнуть. Развод не будет тихим, его уже анонсировали в СМИ. Нужно быть готовым к неприятным поворотам и фактам, которые откопает пресса. Усаживаюсь в кресло, осматривая остров с высоты. Как только солнце скрывается за горизонтом, появляются миллионы маленьких светящихся точек со всех сторон.

— Мистер Вуд, — неуверенно говорит Элисон за моей спиной, — нужно спускаться в конференц-зал. Охрана сообщила, что миссис Вуд на парковке, — проинформировала она, а я киваю в ответ, не отрывая взгляда от манящих огней...

«— Джон, — тихий ласковый голос зовет меня сквозь сон. — Джонни, — снова повторяет, а на моих губах расплывается довольная улыбка.

Рука автоматически нащупывает обнаженное тело, подтягивая ближе. В ответ слышу залихватый смех Лили, она безумно боится щекотки. Даже малейшие касания в области ребер приводят к безудержному смеху.

— Ну же, Джон, вставай!

Извивается в моих руках, а я упираюсь ей в бедро давно проснувшейся частью тела.

— Я не это имела в виду!

Быстро перевернувшись лицом ко мне, целует в губы.

— Дорогой, мы опоздаем, — мурлыкает она.

Открываю тяжелые веки и встречаюсь с голубыми глазами, светлыми кудрями и фарфоровой кожей — Лили ангельски красива. Не сдерживаюсь и провожу пальцем по щеке вниз, касаясь губ. Она нежно целует его, заглядывая лазурным взглядом. Чертовка. Набрасываюсь на ее губы, укладывая под себя, но Лили разрывает поцелуй, слегка отталкивая.

— Опоздаем, — повторяет она, взглянув неприступными омутами. — Нас все будут ждать.

Скатываюсь на кровать и громко вздыхаю в наигранном разочаровании. Сегодня праздник в честь нашей помолвки, буквально неделю назад мы объявили об этом родственникам и друзьям.

Прошло всего полгода, как я впервые увидел мисс Купер на приеме в Белом доме. В тот момент я сразу понял: Лили та, кто мне нужна.

Она блистала в тот день в прямом смысле слова в своем золотом платье. А светлые кудри, собранные в прическу, оголяли тонкую шею, украшенную бриллиантовым колье.

Сенатор Купер, ее отец, выступил в роли купидона и познакомил нас. Отношения развивались стремительно. Через два месяца я перевез ее к себе, желая видеть Лили каждую свободную минуту.

— Джон, душ свободен, — голос будущей миссис Вуд доносится из-за приоткрытой двери, вызывая довольную ухмылку.

На ее телефон приходит сообщение, уведомляя тихим звуком. Беру его и направляюсь в ванну. Мисс Купер крутится возле зеркала, перебирая маленькие баночки.

— Тебе сообщение, — хриплым ото сна голосом говорю я и протягиваю руку, передавая смартфон. Она несколько секунд встревожено смотрит в глаза и осторожно, еле касаясь пальцами, забирает его.

— Спасибо, милый, — благодарит она и целует в щеку, так и не просмотрев сообщение.

— Все в порядке?

Мне не нравится образовавшееся напряжение между нами.

— Просто у Мэл снова проблемы, — робко поясняет она, зная, как я терпеть не могу эту девчонку.

Обхожу Лили, стоящую с телефоном в руках, и захожу в душ. Но внутренний голос не дает покоя...».

Возвращаюсь в реальность, когда открывается дверь лифта, приглашая войти.

Дурак.

Приподнимаю в ухмылке уголки губ. Она уже тогда наставляла мне рога.

Мэл.

Мэл в то время была в рехабе. Телефоны там запрещены, об этом сказал в тот же вечер Алан. Я упустил это, расслабился в выдуманном счастье.

Глава 8

*«Распалется пламя ветром,
а влечение близостью»*

©Сократ

ДЖОНАТАН

Переговоры не приводят нас к компромиссу, поэтому берем часовой перерыв и расходимся по кабинетам с адвокатами. Мой адвокат Майкл Торн устало усаживается в кресло, а я выпиваю содержимое стакана залпом.

— Джон, — начал он, — твоя жена оказалась не так наивна. Почему ты не сказал, что Лили видела тебя с девушкой?

— У нее нет доказательств моей измены, — отрезаю я. Ослабляю галстук, который обвивает шею, словно удав, и усаживаюсь в кресло.

— Лили показала фотографии, как ты обнимаешь симпатичную молодую женщину. Теперь она может обратиться в суд и оспорить ваш договор. Тебе есть что сказать? Я должен знать, чтобы правильно выстроить твою защиту.

— *Мою защиту...* — эти слова вызывают ухмылку.

— Тебя интересует, был ли у нас секс? Нет, не было. А жаль. Я бы хотел посмотреть на выражение лица жены, — отчего-то сказанное хочется забрать обратно.

Эмилия. Могла ли она стать разменной монетой, или я действительно почувствовал утерянные чувства?

Два года я был женат на Лили. Этот кошмар будет не так просто забыть. Уже около полугода мы не можем прийти хоть к какому-то компромиссу, чтобы разойтись разными дорогами. Да, несколько раз мы пытались помириться. Еще больше нескольких раз занимались сексом, но это усугубляло ситуацию. Мириться с предательством я не намерен. Хочу наказать ее, а самый лучший способ — оставить ни с чем.

— Джон, ты слышишь меня? — говорит Майкл, не поднимая на меня взгляд, пока что-то ищет в портфеле между бумагами.

— Пусть подает в суд, — спокойно отвечаю ему.

Адвокат снимает очки, нервно откидывая найденные документы на стеклянный столик, стоящий возле кресла.

— Прости, что?

— В суд. Мы идем в суд! — восклицаю я, улыбаясь словно дурочек, и ударяю рукой по

столу.

— Ты в своем уме? Ты сам просил все замять тихо, но какой месяц никто из вас не идет на уступки...

— Что за день такой? — разочаровано говорю я, поднимая взгляд на потолок и подскакиваю с кресла. — Майкл, ты мой адвокат! Сам сказал, что должен защищать мои интересы! — повышаю голос, упершись двумя руками на стол.

— У вас все прописано в договоре! Пункт измены на первом месте. На нее у тебя есть доказательства, на тебя спорно. Зачем тебе огласка перед сделкой с Говардом? Отдай ей, что полагается и подпиши эти чертовы бумаги, Джон! — не сдерживается Майкл.

Он кидает свою золотую ручку от Parker⁴ мне на стол, которая скользит по черному стеклу и падает на пол.

— Джонатан, ты обезумел от своей идеи мести! Либо делай, что задумал, но готовься ответить, либо отдай положенные деньги и забудь о ней! — на одном дыхании выдает он.

Я изо всех сил стараюсь держать эмоции под контролем, которые овладевают моим рассудком.

— Если бы ты не был лучшим адвокатом на побережье, я бы врезал тебе, как в юности Майк, и Аделаида бы тебя не защитила, — нарушаю недолгое молчание. — Майкл, в суд! Это окончательное решение.

Уваливаюсь в кресло, демонстративно переключая внимание на проснувшийся лэптоп.

Майкл забирает свою папку, портфель и поднимает ручку с пола. Через несколько секунд после громкого хлопка дверью, я остаюсь в тишине.

Эмилия. Я гнал мысли о ней, хотел не усугублять свое шаткое душевное состояние. Закрываю глаза, где отчетливо вижу ее губы, чувствую нежную кожу под пальцами и ощущаю дыхание на моей щеке...

Если бы не Лили, смог бы я переступить через границы, которые сам давно установил? Не знаю. В тот момент я был в дурмане.

ЭМИЛИЯ

Я отбросила чувства тревоги и вины в самый далекий ящик души. Предварительно выкинув ключ. Три лекции проходят, будто в тумане, беспристрастно нажимаю клавиши на ноутбуке, конспектируя профессора.

Покидаю лекционную, останавливаясь, чтобы купить кофе. Обклеенный рекламой автомат предлагает различного рода товары, в том числе экскурсии по городу. Внимание притягивает небольшой листик со всеми оборванными номерами, но с яркой фотографией Таймс-сквер. В голову лезут дурные мысли, и я принимаю спонтанное решение: взять такси и отправиться туда. Пишу Лене сообщение, что задержусь в университете. Врать окружающим и самой себе давно вошло в привычку, при этом моя совесть молчит.

Через полчаса оказываюсь на одной из самых узнаваемых улиц, которая переливается, как рождественская елка. Иду по направлению к Бродвею, стараясь не отставать от толпы, и безучастно осматриваю здания и витрины. Тысячи рекламных роликов сменяют друг друга, заманивая новомодными коллекциями или премьерами фильмов. Среди этого огромного количества неизвестных людей я чувствую себя еще более одиноко. Может быть, это банально, но я чужая на этом празднике жизни. Я не чувствую ни радости, ни боли, ни разочарования, ни каких-либо других эмоций. Весь спектр чувств отключился в одночасье, закрываясь от всего вокруг. Никогда бы не подумала, что желания приведут к пустоте, наполняющей меня внутри.

Я хорошо делаю свою работу, но действительно ли это то, чего хочу? Или, когда мечты сбываются, они балуют нас, заставляя просить большего? Может быть, Алекс был прав? Не все мечты должны сбываться, чтобы мы были счастливы?

Остановившись возле небольшого уличного кафе. Заказываю большой латте и клубничный десерт. Присев за самый крайний стол, слушаю, как поет и играет на гитаре художавый парень.

Переступаю порог квартиры, погруженной в вечерних сумерках, и облегченно вздыхаю, что не обнаруживаю подруги. Но стоит мне включить свет, как из спальни выбегает встревоженная Лена.

— Эмилия! Где ты была?

— Привет. Решила прогуляться, — как ни в чем не бывало говорю я.

Вешаю в шкаф пальто и шарф, а сапоги небрежно закидываю на полку. Лена ставит руки в бока, словно моя мама.

— Я час тебе звонила, ты не отвечала, — отчитывает она меня. — Я переживала за тебя. Ты же написала, что задержишься в университете, но уже почти полночь. Что-то случилось?

— Прости. Хотела побыть со своими мыслями наедине. Не было времени на объяснения.

Прохожу мимо и усаживаюсь на потрепанный временем диван.

— И где, если не секрет, ты была? — спрашивает она, недовольно хмурясь.

Лена присаживается рядом, задумчиво меня осматривая.

— На Таймс-сквер.

— Не самое тихое место, — удивленно произносит она, округлив глаза. — Два дня ты просидела у себя в спальне, почти не разговаривая, теперь ты гуляешь на Таймс-сквер и не отвечаешь на звонки. Что происходит?

Хочется сказать, что не хватает лампы для допроса.

— У меня не самый удачный период в жизни, — поясню я, избегая пронзительный взгляд зеленых глаз.

— Не самый удачный говоришь... Ты в своем уме? — Лена подпрыгивает с места, всплескивая руками. От неожиданности вжимаюсь в диван, наблюдая за взбодораженной подругой.

— Тебе выпал шанс на миллион! Ты проходишь стажировку в Колумбийском университете, живешь в тридцати минутах от Центрального парка, а дома тебя ждет муж и дочка. Что творится в твоей голове, Эмилия Шварц? — она несколько раз больно тыкает пальцем в голову. Изворачиваюсь от ее руки и грустно улыбаюсь.

— Не знаю. В этом и вся проблема. Я должна прыгать от счастья, радоваться каждому дню, но внутри пустота, — кладу руки на грудь, сдерживая подступившие слезы.

— ПМС? — серьезным тоном спрашивает Лена, этим заставляя улыбнуться. — Прости нужно сразу исключить этот вариант, — нервно хихикнув, удобнее устраивается рядом, подперев ладонью голову.

— Я серьезно, Лен.

— Это как-то связано с ситуацией в клубе?

Делаю невозмутимый вид, показывая, что не понимаю, о чем она говорит. Но от воспоминаний сердце учащенно бьется и мне сложнее сохранять безразличие.

— Что было в тот вечер, Эмилия? После того дня ты стала такой замкнутой, — замечает

она.

Сочувствуя, взглянув, Лена берет меня за руку, очевидно считая, что этим действием сможет выведать подробности.

Несколько дней я топила в себе воспоминания о чувствах, которые испытала рядом с ним — чужим мужчиной. Женатым мужчиной. За почти семь лет отношений с Алексом я не испытала и сотую долю того, что смогла почувствовать от прикосновений Джонатана Вуда. Хотела бы я увидеть его снова? Нет. Боюсь не справиться с окончательным разочарованием примитивности жизни.

— Мне нужно позвонить дочке и мужу, — ухожу от темы разговора, игнорируя ее попытку выведать хоть крупицу информации от меня.

Слышу перед тем, как закрыть дверь спальни:

— Когда будешь готова поделиться этим, я выслушаю тебя. Только не затягивай. Помни, когда мы держим все в себе, мысли съедают нас изнутри.

Она права, но я не хочу ни с кем делиться своими больными мыслями. Они мои, и я лелею их изо дня в день.

Глава 9

*«В мужском влечении две ипостаси —
мечтаю обладать
и не могу избавиться»*

ДЖОНАТАН

Майкл вернулся через час и доложил, что я добился своего: Лили подает в суд. Мне не жалко денег, я могу перевести всю сумму прямо сейчас, но сидящая внутри обида и унижение не дают этого сделать.

До Дня благодарения осталось несколько дней, поэтому подготавливаю заранее документы по намеченной сделке с Говардом Фелчем, крупным предпринимателем. «Ночное сияние» может затянуть не хуже бермудского треугольника. Он один из немногих людей, с которым я бы не хотел иметь ничего общего. Но на данном этапе моя компания нацелена расширить сферу влияния на западном побережье, а без него это сделать крайне тяжело.

— Мистер Браун, — возмущенный голос Элисон доносится из-за двери, — мистер Вуд никого не принимает.

Распахивается дверь. Я могу увидеть, как Алан посылает девушке воздушный поцелуй перед тем, как забежать в кабинет.

— Долго будешь прятаться в своей башне, чудовище? — весело спрашивает он, растягивая губы в своей фирменной улыбке, и усаживается напротив в кресло.

— Я работаю, как видишь, в отличие от вас бездельников.

Закрываю лэптоп и потираю от усталости переносицу.

— Как дела с разводом?

Бегло смотрит то на меня, то на экран своего телефона, быстро нажимая пальцем по экрану.

— Идем в суд, — коротко поясняю я.

Наблюдаю, как Алан с дурацкой улыбкой набирает сообщение, но мысленно благодарю, что не требует подробностей.

— Что ты хотел? — спрашиваю его, так как этот довольный вид слегка раздражает.

— Ты стал нервный, Джонни.

Алан, нахмутив брови, прячет телефон в карман. Теперь все его внимание сосредоточено на мне.

— Хотел пригласить тебя в ресторан, — просто говорит он.

Алан удобнее устраивается в кожаном кресле.

— Ресторан? — удивленно переспрашиваю, склонив голову на бок. — Есть какой-то повод?

— Нам когда-то он был нужен?

Алл, взглянув на настенные часы, достает чертов телефон и копается в нем снова. Когда он очередной раз уведомляет о новом сообщении, я не выдерживаю и выхватываю его из рук.

— Джон, отдай. Я не буду гоняться за тобой, — невозмутимо просит он и скрещивает руки на груди, а я нажимаю «открыть»:

«Алан, прости, но я не смогу бросить Эмми», — читаю несколько раз и в упор смотрю на друга.

— Эмми? — удивляюсь я, приподняв уголки губ в лукавой улыбке.

— Нет, Джонатан, даже не думай! — протестует он, быстро подскочив с места. — Разберись для начала со своими проблемами!

Друг игнорирует входящее сообщение, пытаюсь пересмотреть меня, но моргает первым.

— У меня нет проблем, Алл, — уверяю его. — Так что с Эмилией?

Стараюсь сделать как можно более незаинтересованный вид, но он видит, как шестеренки в моей голове закрутились сильнее.

— Это ты мне ответь: что с Эмилией? Ты так и не рассказал, что между вами произошло, — Алан бросает на меня укоризненный взгляд, намекая, что последнее время я держусь особняком.

— Я не должен отчитываться, — холодно отвечаю в наигранной скуке, подпирая щеку рукой. Разговор начинает меня напрягать.

— Мне не нужен отчет, а всего лишь дружеский диалог. Ты стал невыносим. Я понимаю, что у тебя не самые приятные времена. Но ты отталкиваешь нас со Спенсером, хотя мы этого не заслужили, — с укором говорит он.

Алан встает из кресла, подходит к бару и наполняет два стакана крепкой коричневой жидкостью известной марки.

— Алан, я не знаю, что случилось с Эмилией. Я хотел помочь, она отказалась, — в притворной досаде развожу руками, игнорируя жалобу в мой адрес.

— Поэтому ты накинулся на нее? — сарказм в его голосе заставляет улыбнуться. — Выглядел ты, кстати, в тот вечер, как маньяк из подворотни.

Алан демонстративно передвигается от бара к моему столу и ставит передо мной сорокаградусный напиток. Усевшись в кресло, пристально смотрит в глаза, скорее всего ожидая ответ.

— В чем ты меня обвиняешь? — спрашиваю недовольным тоном.

— Хочу понять, что с тобой происходит последнее время. Хотя мы и раньше не устраивали пижамные посиделки с душевными разговорами, однако между нами не было недосказанности.

Синхронно отпиваем обжигающую горло жидкость.

— Тогда становись в очередь, не один ты пытаешься покопаться в моем дерьме, —

несколько резко заявляю я и допиваю содержимое стакана до дна.

— Джон, не приравнивай меня ко всем. Мы прошли вместе через многое. Если тебе требуется помощь или просто поговорить, как раньше, я всегда на твоей стороне, — серьезно говорит Алан, явно обидевшись за сравнение.

Он прав, мы давно дружим и многое пережили вместе, но происходящее не их со Спенсем забота.

— Возможно, ты мне поможешь, — хитро проговариваю, когда в голову влетает большая мысль, трезвоня в колокола.

— Говори.

— Пригласи Эмилию и ее подругу, с которой ты мило переписываешься, в ресторан, — с улыбкой прошу друга, наблюдая, как меняется выражение его лица. — Я не трону девчонку, ты же знаешь: *контракт*, — продолжаю наигранно-серьезным голосом, а он гримасничает в ответ.

— Я не стану тебя отговаривать, но не пытайся забыться в ее объятиях, так и не разобравшись с Лили, — Алан дает веский, по его мнению, совет.

На его очередную попытку призвать меня к совести, делаю безразличный вид и нажимаю кнопку на телефоне:

— Элисон, закажи столик в «Pure Sky»⁵.

ЭМИЛИЯ

— Собирайся! — с визгом говорит Лена, залетая в комнату так, что дверь ударяется о стену. От неожиданности подсакиваю на кровати, пытаюсь успокоить учащенное сердцебиение.

— Что случилось?

— Эмилия вставай. У тебя есть полчаса, чтобы привести себя в порядок! — требует подруга и включает свет, который на несколько секунд ослепляет меня.

Лениво растираю глаза, восстанавливая четкость зрения, и обратно падаю на подушки, укутываясь в махровый плед. Но подруга не думает отступать и подходит ближе к кровати, нависая над ухом:

— Полчаса Эмилия. Потом я соберу тебя сама. Будем избавлять твою голову от дурных мыслей, так что поторапливайся!

Лена берет меня за руку, вытягивая из нагретого места, и волочит в ванную в свойственной ей манере.

Как только хочу возразить, что и последнего раза вполне хватило, перед моим лицом закрывается дверь. На несколько секунд замираю, всматриваясь в текстуру дерева. Возможно, мне действительно нужно отключить мозги и напиться в каком-нибудь клубе, танцуя до утра. К тому же завтра в университет идти не надо, разработку лекции я уже скинула, Алекс и Ева уехали к родственникам...

Пока перечисляю все «за», приходит самая гениальная мысль — к черту все!

За рекордное время принимаю душ, и укладываю волосы легкими волнами. Делаю макияж ярче обычного: выделяю черной подводкой глаза и крашу губы новой помадой известной марки цвета марсала.

— Я рада, что капля здравого смысла осталась в тебе, — довольно произносит Лена, любопытно заглядывая в шкаф через мое плечо.

— Куда мы идем — интересуюсь, осматривая вешалки с одеждой. Было бы неплохо сходить на шопинг.

— Алан сказал, что это сюрприз, — просто отвечает она, перебирая содержимое шкафа, а мое тело пронзает со всех сторон, словно током. — Это проблема? — спрашивает Лена, изучающе наблюдая за моим несколько обеспокоенным состоянием. — Эми, если ты не хочешь, я могу отказаться, — решительно предлагает она, вручая мне подобранный образ на вечер. Хочу ответить: «да», но что-то не дает этого сделать.

— Все в порядке. Просто я думала, что мы будем вдвоем.

Натягиваю штаны, избегая ее подозрительных глаз, выделенных темно-оливковыми тенями. Дрожащими руками застегиваю пуговицы на блузке и снимаю с вешалки пальто.

— Тогда отлично, у нас в запасе есть еще пару минут. Может, выпьем по бокалу вина? — предлагает подруга и выходит из спальни, оставляя меня одну на несколько секунд.

Волнительно вздыхаю и иду за Леной, которая достает из кухонного шкафа припрятанный алкоголь. И это как раз то, что сейчас нужно.

— Так ты и Алан? — понижаю голос, делая его заговорщическим, и растягиваю губы в хитрой улыбке.

— Нет, — загадочно проговаривает, явно что-то скрывая, — мы просто общаемся, и иногда Алан помогает мне в университете.

— Тебе он нравится?

Пронзительно смотрю в глаза подруги, а ее щеки покрываются румянцем. Сегодня роль детектива досталась мне.

— Хотя вряд ли есть те, кому он не нравится, — делаю вывод, вспоминая статного мужчину, больше напоминающего кинозвезду, нежели преподавателя Колумбийского университета.

— Не знаю, — тихо отвечает Лена, но ее губы растягиваются в сладкой улыбке. — Он очень привлекательный мужчина, но не стоит забывать об этике делового общения. За интимную связь с куратором могут и гранта лишить, — жалобно протягивает она, постукивая пальчиками с острым маникюром по столешнице.

— Не думаю, что Алана волнует этика, — игривым тоном заключаю я. — Мне кажется, он бы не стал снова приглашать тебя на ужин только ради того, что ты его коллега.

— Эмми, он пригласил нас, а не меня одну. И скорее всего он будет с друзьями.

Чокаемся и синхронно отпиваем из бокалов. Подруга печально вздыхает, а мое сердце пропускает несколько глухих ударов о возможной скорой встрече с Джонатаном.

С каких пор я ищу с ним встречи? Возможно, нужно просто увидеть его на трезвую голову и понять, что эмоции между нами — плод воображения. За все время отношений с Алексом, хотя и бывают частые недопонимания и ссоры, мое тело всегда принадлежало только ему.

Выходим на улицу, где прохладный воздух пронизывает до костей, напоминая, что осень в Нью-Йорке уже наступила и скоро понадобится одежда теплее. Возле черного внедорожника стоит Алан в пальто нараспашку. От этого вида меня передергивает от холода, заставляя затянуть пояс на пальто сильнее.

Сердце пропускает несколько ударов в какой-то скрытой надежде, когда осматриваю улицу. Никого.

— Добрый вечер, — приветствуя, целует нас в щеки, задерживаясь немного дольше на Лене.

Усаживаемся в машину, и я чувствую небольшое разочарование. Мои тараканы в голове

уже успели проснуться.

— Куда направляемся? — безразлично интересуюсь я, откидываясь на сиденье. Безучастно наблюдаю в окно за панорамой города на противоположном берегу.

— О-о-о, — таинственно протягивает мужчина, уверенно управляя автомобилем. — Это секрет! Но могу сказать, что это место вам понравится, — говорит он, улыбнувшись через плечо, и нажимает на газ.

Глава 10

*«Если бы мы жили в открытом космосе,
нас бы так не тянуло друг к другу...»*

ДЖОНАТАН

Поднимаюсь на восьмидесятый этаж, а в голове полный сумбур. Я был пьян и вел себя неправильно, хотя не жалею об этом. Уж очень странно Эмилия подействовала на меня. Не знаю, чего жду от этой встречи. Просто хочу увидеть ее, понять действительно ли она тронула что-то во мне или это алкоголь сыграл злую шутку.

После брака с Лили я еще долго не буду готов к серьезным отношениям, а тем более к повторному браку. Это стало уроком, и я его вполне усвоил. В ресторан приезжаю первым, поэтому у меня есть время, чтобы привести голову в порядок.

— Мистер Вуд, добрый вечер, — встречает меня темноволосая девушка-администратор, стоит мне переступить порог ресторана. — Позвольте мне вас проводить, — слащаво произносит брюнетка. Я улыбаюсь в ответ, а она чуть ли не лужицей растекается под моими ногами.

Проходим через зал, который полон людей. Возможно, я выбрал не самое удачное место для непринужденной беседы.

— Все как вы любите — столик у окна. Приятного вечера, — она указывает на стол с белоснежной скатертью. — Могу я предложить чай, кофе, воды, пока вы ожидаете мистера Брауна?

— Кофе, пожалуйста.

Осматриваю из окна шпиль всемирно известного Эмпайр-стейт-билдинг. Он придает более пикантную атмосферу ресторану. Ночью Манхэттен невероятно красив, окутанный миллионами светящихся огней, что создают иллюзию открытого пространства. Подпираю подбородок рукой. Я безумно устал за последнее время и хотел бы просто оказаться дома на диване. Но вместо этого повелся на поводу у навязчивой идеи.

— Джонатан! — знакомый голос, вынуждает меня обернуться. Это сенатор. Какого черта он тут делает среди недели?

— Сенатор Купер, — встаю со стула, приветствуя тестя. Пожимаю ему руку и замечаю слабо прикрытое недовольство.

— Как хорошо, что я тебя встретил. Все хотел поговорить о вашем разводе. Я переживаю о Лили.

Сенатор взглядом сверлит во мне дыру, а мне хочется хмыкнуть в ответ. Скорее, он волнуется о финансировании предвыборной кампании, которое получает от моей семьи, чем о своей дочери. Боковым зрением улавливаю Алана с девушками.

— Теодор, я приехал поужинать, сейчас у меня нет желания — это обсуждать.

Встретимся после Дня благодарения, — даю понять, что разговор окончен и наиграно улыбаюсь уголками губ.

— Встретимся на День благодарения, Джон. Вивьен и Маршалл нас пригласили. Мы все еще официально семья, — шипит в ответ, испепеляюще глядя в глаза.

Поправив запонку, сенатор демонстративно развернулся на каблуках туфель и зашагал в сторону лифта.

— Тогда до встречи, — в спину кинул я, сдерживая себя, чтобы не выругаться вслух.

У лифта неизвестная блондинка берет его под руку, и она явно не моя теща.

ЭМИЛИЯ

— По-моему, мы неподходяще одеты, — тихо говорю подруге, когда мы проходим по залу ресторана.

В кожаных штанах и белой блузке, которые выбрала для меня Лена, я чувствую себя нелепо. Вокруг мужчины в костюмах, а женщины в элегантных платьях. И, если мужчины нас осматривают с интересом, то женщины с явным презрением.

— Алл, надо было предупредить, — тяну за рукав его джемпера, взглядом показывая на свой внешний вид.

— Эмилия, не обращай внимание. Здесь нет официального дресс-кода, они сами выдумали эти рамки и следуют им, — безразлично говорит Алан, уверенно пробираясь между столиков и изредка кивает знакомым.

Сердце пробивает несколько ударов, обрывается и падает где-то на уровне пупка, когда замечаю Джонатана. В темно-сером костюме он выглядит чертовски сексуально, приковывая внимание многих женщин. Встречаюсь с зеленью его глаз. От волнения шум ресторана меркнет в громких ударах моего сердца.

— Добрый вечер, — произносит глубоким бархатным тембром, который ласкает мой слух и разносится по телу сладостной дрожью.

— Добрый вечер, — отвечаю, как можно холоднее, а у самой мурашки бегают табуном по нервным сплетениям.

— Присаживайтесь, — Джонатан галантно отодвигает для меня стул, этим приглашая присесть.

По иронии судьбы он садится рядом. Не знаю, сколько времени люди живут без воздуха, но я не могу вдохнуть от волнения, захлестнувшее волной мое тело. Официант наполняет наши бокалы и раскладывает перед нами меню. Не чокаясь, делаю несколько глотков, замечая заинтересованно-сканирующий взгляд Джонатана Вуда.

Мне кажется, стол стал меньше с того момента, как мы за него сели. Он слишком близко ко мне, и я могу уловить запах уже знакомого парфюма. В голову на бешеной скорости врываются воспоминания о той ночи, когда мой взгляд падает на его крепкую ладонь с изящными пальцами. Помню, как они скользили по мне, дотрагиваясь до обнаженной кожи.

— Эмилия, что закажешь? — обращается вежливо Джонатан, слегка склонившись ко мне. Как бы невзначай заглядывает в меню, открытое на первой попавшейся странице. — В этом ресторане традиционная американская кухня. Тут готовят самые лучшие стейки на всем побережье, — дружески проинформировал он.

— Тогда доверюсь твоему выбору, Джонатан, — смущенно отвечаю, словно меня застали за неподобающим занятием.

Обращаю внимание на вид из окна. Невероятно, но за стеклом Эмпайр-стейт-билдинг.

Он совсем рядом, а его шпиль горит разноцветными огоньками. Смотрю на ночной остров, словно зачарованная, переливающийся со всех сторон. Это невероятное зрелище.

— Эмми, — голос Лены возвращает мое внимание, заставив оторваться от панорамы острова, — предлагаю тост за отличный вечер.

За нашим столом раздается звон хрусталя, когда наши бокалы встречаются в воздухе. Подруга уютно устроилась по соседству с Аланом. Кажется, воздух между ними еще немного и заискрится от многозначительных перегибдов.

— Эмилия, напомни мне, на какой кафедре ты проходишь стажировку? — Джонатан неожиданно обращается ко мне, заставляя врасплох. Он прервал друга, который старается задать ритм приятной беседы. Перевожу удивленный взгляд на мужчину, однако сразу вспоминаю, что никто не знает о нашем знакомстве на конференции.

— Кафедра компьютерных наук, — бегло говорю я, заглянув в хитро блестящие глаза. Замечаю, как из-за соседнего стола на него кокетливо поглядывает девушка из-под длинных ресниц.

— Позволь узнать, кто твой куратор? У меня много знакомых в Колумбийском, — слегка высокомерным тоном интересуется Джонатан, но я стараюсь не подавать вид, что волнуюсь.

— Профессор Роджер Салливан. Тебя интересует что-то еще? — холодно говорю, игнорируя его взгляд.

Лена заливисто смеется на отпущенную Аланом колкость, не обращая внимания на нас.

— Эмилия, расскажи нам, как попала в Программу преподавательского гранта? — не унимается он.

Джонатан невинно хлопает ресницами, отпивая из бокала. А меня начинает раздражать его поведение.

— Несколько лет назад я уже выигрывала грант. К сожалению, была вынуждена отказаться из-за личных проблем.

На его лице не дрогнула ни одна мышца, но я могу поклясться, что он удивлен.

— Что же, тогда ты просто находка для Колумбийского, если второй раз обогнала соперников, — холодно замечает он. Джонатан отставляет напиток на стол, будто невзначай дотрагиваясь до моей руки.

— Никаких соперников. Мои коллеги, которые участвовали со мной в конкурсе, достойные специалисты из многих университетов. Просто нам повезло, — подмигиваю Лене, которая кивает в знак согласия, наконец-то заметив нас.

— Эх, случайности не случайны. Разве ты не знаешь об этом? Это судьба, Эмилия. задолго предначертанная до нас.

Джонатан мягко улыбается уголками губ, не разрывая зрительной связи между нами.

— Разве не мы влияем на свою судьбу?

Собрав силы, отворачиваюсь к окну и отпиваю из бокала на высокой ножке. Даю себе немного времени, чтобы усмирить вскружившие мой рассудок эмоции.

— Я отказалась от гранта в первый раз — тоже судьба? — спрашиваю Джонатана, который, как оказалось, верит во все эти штуки.

— Мне кажется, судьба независима от человеческой воли. Так было суждено, чтобы возникли определенные трудности в тот период жизни, и ты не приехала к нам, в Нью-Йорк. Возможно, тебя уберегли от чего-то плохого, а, возможно, лишили чего-то лучшего. Но думаю, что второй шанс ты получила неспроста.

— Я удивлена в твоих познаниях бытия. Но, скорее всего, мне нужно быть благодарной за исполнение возможности инвестору гранта. В моем случае, он выступает в роли вершителя судеб, — безразлично проговариваю, хитро улыбаясь мужчине уголкам губ.

— Да этот инвестор просто высокомерный кретин, — неожиданная констатация факта, которым решает поделиться Лена, вынуждает уронить вилку. — Возможно, его стоит поблагодарить за потраченные деньги, но он принизил Эмилию перед всеми.

— Думаю, что инвестор человек вполне серьезный, — спокойно начал Джонатан, сдержанно взглянув на Лену. — Он не мог себе позволить неучтиво отнестись к мисс Шварц. Скорее всего, было некое недопонимание с обеих сторон. Все же вынужден согласиться, инвестор — кретин.

— О, Боже, — одними губами говорит Алан и прячет широкую улыбку за ладонью. — Не может быть!

— Эмилия, ты можешь заказать что-то другое, — все еще улыбаясь, Джонатан обращается ко мне, когда замечает, что я перебираю вилкой содержимое тарелки. Все-таки нужно было полистать меню, а лучше всего остаться дома и поработать, чтобы не оказаться за одним столом с Джонатаном Вудом.

Глава 11

*«Эмоциональная связь зарождается в одно мгновение,
одна минута — и все.*

А чтоб разорвать ее, порою нужны года»

ДЖОНАТАН

Время летит незаметно: часы перевалили за полночь, начиная новый день. Впервые за долгое время разговоры не касаются развода или дел компании, поэтому чувствую приятное расслабление. Полученные эмоции в тот вечер оказались более, чем реальными. Я запутался еще сильнее, ощущая рядом с ней спокойствие. Также я озадачен обидой Эмилии из-за моего поведения на конференции. Не хочу, чтобы она считала меня высокомерным кретином.

Встретившись взглядом, еле сдерживаю себя, чтобы не провести рукой по шелковистым волосам. Или не прижать ее ближе к себе, снова почувствовав приятное тепло женского тела.

— Джонатан, а чем занимаешься ты, кроме того, что владеешь клубом? — спрашивает Эмилия, повернувшись ко мне. Ее миндалевидные глаза с интересом рассматривают меня. Девушка откидывает непослушный локон за плечо, открывая моему вниманию оголенный участок шеи.

— О, Эми, я могу тебе рассказать, — вставляет свои пять центов Алан. — Джонатан довольно-таки многогранный экземпляр.

— Мы дали вам, мистер Браун, время выговориться, — тоном даю понять, чтобы помалкивал. — Теперь дайте это сделать другим.

Жестом подзываю официанта, который наполняет нам бокалы в очередной раз. За столиком повисло молчание в ожидании моего ответа.

— Владельцем клуба я стал относительно недавно. В основном занимаюсь строительством и реставрацией зданий. Иногда моя компания работает с движимыми объектами: суда и самолеты.

— Ты сам основал компанию? — в ее голосе, несмотря на вопрос, уловимо некоторое

безразличие.

— Это семейный бизнес. Компанию основал мой прадед Гарольд Вуд еще в начале двадцатого века. По личным причинам он не мог больше оставаться на Родине в Туманном Альбионе, поэтому после смерти отца распродал имущество и отправился в Новый свет. В Америке в это время происходил индустриальный подъем и расцвет торговли, что сыграло моему предку на руку.

— Как ин-те-ре-сно, — протягивает Лена. — Наверное, можно написать целую книгу о приключениях твоего прадеда и становлении семьи.

Рыжая мечтательно разглядывает меня, растягивая губы в улыбке.

— Вполне хватает статей из журналов, — несколько резко заключает Алан и откладывает вилку, покончив с десертом. — Как насчет клуба?

Кидаю сердитый взгляд на друга за то, что прервал мою «Минуту славы».

— К сожалению, завтра много дел. Но вы можете поехать без меня, — нехотя отказываюсь от предложения. — Если хотите, езжайте в «Бархатную ночь». Вас там будут ждать, — предлагаю я и отправляю короткое сообщение администратору.

С трудом сдерживаюсь, чтобы не поддаться внезапному порыву и не отправиться вместе с ними. Мысленно напоминаю себе, что документы для итальянского партнера должны быть готовы к утру, а там еще есть над чем поработать.

— Тебе же хуже, — с ухмылкой говорит Алан и демонстративно убирает салфетку с колен, игнорируя мое каменное лицо. — А мы с девчонками оторвемся на полную.

Алан прижимает рыжеволосую ближе к себе, а она расплывается в довольной улыбке. У меня двойное чувство насчет этой парочки.

— Извините, но в этот раз без меня. Уже поздно и я устала, — решительно сказала Эмилия.

Заметив мое равнодушие к ее словам, она покрывается румянцем. В моей голове уже крутится возможный сценарий.

— Спасибо вам за приятный вечер, — благодарит Эмилия, и достает из сумочки кошелек.

— Убери обратно, — тихо шиплю я, склонившись к девушке, пока рыжеволосая и Алл поедают друг друга глазами. — Ужин оплачен.

— Тогда спасибо за ужин, мистер Вуд, — холодно произносит Эмилия. Неужели, она до сих пор злится за конференцию?

— Алан еще раз спасибо, что показал нам этот замечательный ресторан с удивительным видом. — Эмилия тепло обращается к другу, а меня одаривает ядовитым взглядом. — Встретимся дома, — говорит подруге, готовясь сбежать.

— Эмилия, мы отвезем тебя, — предлагает Алан, а я пытаюсь сообразить, когда закончился этот прекрасный вечер. — Одной передвигаться ночью по Манхэттену небезопасно...

— Я отвезу ее, а вы поезжайте развлекаться, — перебиваю Алла, делая, как можно более флегматичный вид.

— Не стоит... — Эмилия хочет возразить, но по моему выражению лица понимает, что спорить без толку.

— Джон, вам не по пути, — убедительный тон и напористый взгляд Алана явно дают понять, что он не о месторасположении квартир.

— Не переживай, Джеймса это не затруднит. Доставим Эмилию домой целую и

невредимую, — невинно говорю другу, делая вид, что не понимаю, о чем он. — Выходим? — прерываю недолгое молчание.

ЭМИЛИЯ

Пока мы спускаемся на парковку, алкоголь моментально улечивается из организма. Я могу трезво оценить сложившуюся ситуацию. От волнения пробивает дрожь, буквально через несколько минут я окажусь с Джонатаном в замкнутом пространстве.

Несколько раз ловлю сосредоточенный взгляд Лены, но никак не реагирую, проявляя внешнее безразличие. Джонатан стоит рядом, опершись спиной о металлическую кабину лифта. Запустив руки в карманы брюк, внимательно наблюдает за меняющимися цифрами на табло, пока лифт спускает нас на нужный этаж.

Возможно, стоит вызвать такси или согласится на предложение Алана, но я иду за Джонатаном, словно привязанная невидимой нитью. Несколько раз пересекаемся взглядами. Кажется, мы понимаем друг друга без слов, отчего становится тошно.

Мистер Вуд молча подходит к черному автомобилю с тонированными стеклами и открывает заднюю дверь. Остановившись в нескольких футах от него, осматривая салон с приглушенным светом. Подняв глаза, встречаюсь со спокойным зеленым взглядом, который покорно ожидает ответ на немой вопрос. Все это до боли неправильно, и я обязана уйти. Но не могу. Еще немного и я поверю в магию и волшебство, ничто другое не объяснит мое поведение.

— Доброй ночи, мисс Шварц, — обращается ко мне водитель, когда присаживаюсь на прохладное кожаное сиденье.

— Здравствуйте, — удивлено отвечаю парню в черном костюме, который слегка освещен приборной панелью.

Джонатан закрывает дверь, обходит машину и присаживается рядом. Чувствую, что от волнения трясутся руки и барабанит сердце под ребрами.

— Стивен, отвезем мисс Шварц домой, — сухо отдает приказ, вызывая во мне некоторое разочарование.

— Откуда ты знаешь, где я живу? — спрашиваю его. — Этого нет в анкете.

За окном мелькают ожидающие своих хозяев автомобили, а витающий в салоне аромат пряной вишни и табака, такой же, как в клубе, проникает в мои легкие.

— Хм...

Мне не удастся рассмотреть выражение его лица, но по голосу ощущаю улыбку.

— Я знаю многое о тебе, — бархатистый голос Джонатана, вынуждает мое сердце сделать несколько кульбитов. То ли от его дыхания в нескольких дюймах от меня, то ли от того, что он может знать об Алексее. С каких пор муж стал для окружающих тайной?

— А я ничего о тебе не знаю, — неуверенно шепчу я. Уже чувствую, как вспыхнули щеки, желая забрать слова обратно.

— Ты можешь узнать. Просто задай любой вопрос, и я отвечу. Смелее Эмилия, — подталкивает, словно к пропасти, в которую я не боюсь свалиться.

В голове возникают сотни, откуда не возьмись, вопросов, но меня интересует лишь один:

— Ты женат?

— Да, — стальным голосом отчеканивает это маленькое слово, а я гоню возникшую досаду.

— Хорошо, — только и могу выдавить от образовавшегося кома в горле.

Между нами повисает напряжение. Но неожиданно Джонатан берет мою руку, согревая ее в своих ладонях.

— Спрашивай еще, — с надеждой произносит он, поглаживая подушечки моих пальцев.

— Почему ты решил инвестировать в образование? — задаю совсем не тот вопрос, который хотела.

Стараюсь унять знакомую расплзающуюся дрожь в теле, заметив, как поднимается его грудь под рубашкой от учащенного дыхания.

— Мне нужно куда-то вкладывать деньги, — просто отвечает он, как будто сходил за продуктами в Costco.

— Гордыня — это смертный грех, мистер Вуд.

Требуется немало усилий, чтобы не прильнуть к его губам, растворяясь в пряном аромате.

— Это не гордыня, мисс Шварц. У меня есть финансовые возможности, а у вас цели, надежды, мечты — называй, как хочешь, и я их исполнил, вложив пару миллионов.

— А как же судьба, Джонатан?

— Эмилия, — нежно говорит он и проводит подушечкой пальца по щеке, — если бы Гарольд Вуд не приплыл в Нью-Йорк, если бы не основал компанию, я бы не смог финансировать в образование, и мы бы не встретились.

— А если бы я оказалась здесь несколько лет назад, когда впервые выиграла грант?

— Если бы ты приехала тогда, то попала на мою свадьбу. И, возможно, не дала бы совершить ошибку, — грустно отвечает Джонатан. Он тяжело вздыхает и переплетает наши пальцы.

— Почему свой брак ты называешь ошибкой?

— Я бы не хотел омрачать прекрасный вечер своими проблемами.

Замечаю его вымученную улыбку, когда нас освещают фары автомобиля.

— Ты не ответил на мой вопрос: почему именно образование, мистер Вуд? — повторяю его интонацию с конференции, придвигаясь ближе.

— Забавно, мисс Шварц, — Джонатан хитро улыбается, прижимая меня к себе одной рукой за талию. Это прикосновение не дает мыслить здраво, создавая помехи в рассудке.

— Это бизнес, мисс Шварц. Вложив сейчас в образование, мы получим более квалифицированных сотрудников в дальнейшем, которые будут представлять интересы Колумбийского университета в своих далеких государствах. Возможно, кто-то захочет остаться и будет работать на меня или такого как Хейс. Для этого созданы все условия. В прошлом году семьдесят восемь преподавателей приехали по программе и только девятнадцать захотели уехать обратно, обосновывая семейным положением или другими обстоятельствами, — выдержанным, деловым тоном поясняет он. Последние слова, мимолетно напоминая о муже, вызывая далекий голос вины, но также быстро исчезает.

— Банально, мистер Вуд.

Хренов бизнесмен. Почему я не могу оторвать от него взгляд? Джонатан приковывает меня, манит, словно что-то диковинное.

— Ты играешь с огнем, мисс Шварц, — предостерегает он.

Джонатан очерчивает нежно скулу, следуя вниз к шее, заставляя этими действиями в предвкушении закрыть глаза.

— Смотри на меня, — тихо шепчет в губы.

Меня затягивает в зеленый омут. Все глубже и глубже. Но самое печальное, я не желаю

спасения. Делаю то, что хотела весь вечер: касаюсь его щеки, слегка покалывающую ладонь. Странно ощущать происходящее внутри меня.

Не дает опомниться и нежно целует, словно пробуя на вкус. Сердце замирает в ударе, трепетно ожидая продолжения.

— Заберу тебя вечером. Не опаздывай, — шепчет в губы, разрывая недолгий поцелуй.

Понимаю, что мы приехали по моему адресу и остановились возле входа в кондоминиум.

— Катись к черту, Вуд, — шиплю на прощание, вылетая из машины.

В ночном воздухе слышу летящие за мной слова: «В семь, Эмилия!».

Глава 12

*«Остерегайтесь желаний —
они способны разрушить вас».*

©Петр Квятковский

ДЖОНАТАН

Традиционная утренняя пробежка была испорчена проливным дождем. Также из-за непогоды пришлось поменять некоторые планы на вечер. Сегодня чувствую себя лучше, чем за последние несколько месяцев. Во мне бьется разрядами энергия, которая пробуждает внутри еле ощутимое волнение. Разбираться с этим я не намерен, поэтому оставляю психоанализ до лучших времен.

С самого утра мама оборвала телефон, факс и почту. Игнорирую все попытки связаться со мной. Через несколько дней День благодарения, а я все еще зол на эту женщину после встречи с сенатором.

— Мистер Вуд, — шепчет Элисон, приоткрыв дверь, — Венеция на линии, — говорит одними губами и указывает пальцем на телефон на моем рабочем столе.

— Соедини, — даю указания и подъезжаю на кресле ближе, сразу же включая лэптоп.

— Бонджорно, сеньор Эспозито⁶! — приветствую итальянского партнера, а в ответ слышу длинную речь Николу. — Спасибо, все хорошо. Как ты?

По его эмоциональной интонации могу представить, как он, жестикулируя руками, ходит туда-сюда по офису в центре Рима.

— Да... Да... — только успеваю вставлять между потоком его предложений. — Документы готовы, первый транш вы получите через несколько дней. Я прилечу на выходных. Мы сможем посмотреть это здание, я заинтересован в нем... Да... Да... Сегодня вам отправят на почту... Грасиас, сеньор Эспозито, адью⁷, — благодарю и кладу трубку.

Несколько секунд смотрю на стекающие полосами капли по окну. Погода совсем испортилась.

Через несколько минут нахожу фотографии, которые прислал Николу. Рассматриваю здание, обложенное белым мрамором, ажурные окошки и балконы с массивными колоннами у вод Гранд-канала. Внутри здания требуется провести много работ. Но в целом оно в лучшем состоянии, чем предыдущее. Нужно оценить, насколько будет затратная реконструкция. По словам Николу, здание простояло, пустуя, не одно десятилетие.

— Мистер Чейз, босс занят, — доносится голос Элисон.

Нужно запретить ей так называть меня. В кабинет врывается раскрасневшийся Спенсер

В насквозь мокрым пальто.

— Джон, какого хрена? — набрасывается он с порога.

— И тебе привет, — таким же тоном отвечаю ему, осматривая промокшего до нитки кузена. — Элисон, принеси полотенца и сухой костюм, — успеваю крикнуть перед тем, как закрылась дверь.

Не офис, а черт возьми что.

— Твоя мать подняла на уши всю родню! Она даже дозвонилась до нашей троюродной тетки в Колорадо! Я не могу каждый раз бегать и искать тебя, когда ты решишь не отвечать на ее звонки! — высказывает Спенсер. Он скидывает промокшее насквозь пальто, скрещивая то ли от холода, то ли от обиды руки на груди и с укором смотрит на меня. Откидываюсь в кресле и закидываю ноги на край стола. — У меня пациенты, Джон, и четкое расписание сеансов на месяцы вперед, — уже более спокойно объясняет он.

— Во-первых, она это заслужила, а во-вторых, я был занят, — без эмоционально отвечаю я.

Стараюсь не накалять ситуацию, потому что знаю, насколько Спенсер ответственно относится к работе и как сильно может переживать из-за меня.

— Если хочешь, чтобы она приехала сама к тебе, продолжай в том же духе, — предостерегает меня.

Спенсер с сердитым видом расстегивает рубашку и кидает ее на кресло.

— Сегодня я не буду портить себе хорошее настроение. Передай ей, я буду к трем, как и планировалось. Надеюсь, ты не станешь дальше раздеваться посреди кабинета.

— Для этих целей у тебя есть секретарь.

— Ассистент, — поправляю его.

— Можешь называть как угодно! — вспыхнул он. — Кстати, ты необычайно спокоен, расслаблен... У тебя все в порядке? — Спенс усаживается напротив, заинтересованно осматривая меня.

— Тц... — цокаю в ответ. — Вас не поймешь, то я агрессивен, то спокоен, — хмурюсь в наигранной обиде. Сканирующие голубые глаза загораются в азарте.

— Твое спокойствие тревожит меня больше. Джон, что ты задумал? — пытается выведать кузен хоть какую-то крупицу информации.

— Ничего запрещенного, конечно же, контрактом, — заверяю его, но не могу сдержать приторную улыбку.

Наблюдаю, как Спенсер принимает профессиональную позу психолога: закидывает ногу на ногу, подпирает двумя пальцами подбородок и внимательно изучает малейшие изменения в моем поведении.

— Ты меня пуга... — прерывается на полуслове, когда Элисон не спеша передвигается по кабинету и вешает чехол с одеждой на стойку. — Так вот, — продолжает Спенс, стоит двери закрыться, — твое состояние, мой друг, настораживает. Последние несколько месяцев ты прибываешь на грани взрыва, а сейчас ты противоположность самому себе. Скажи, смена твоего поведения как-то связана с разво...

— Нет, — останавливаю его, выставив ладонь вперед, этим показывая, чтобы он замолчал. — Мы не будем об этом говорить. Не сегодня. К тому же вспомни свою профессиональную этику.

Растираю переносицу, а Спенсер, я просто уверен, еле сдерживает себя, чтобы не взять свой фирменный блокнот и не сделать пару записей.

— Не забудь завтра заехать за мной, — обиженно просит он.

Спенсер демонстративно забирает сухие вещи и идет в сторону выхода.

— Ты в этом году без пары? — намекаю на инцидент прошлого года.

— Как и ты, Джон, — кидает напоследок и закрывает за собой дверь.

ЭМИЛИЯ

Кажется, я намотала уже несколько миль, шагая по комнате из угла в угол. Насколько серьезно Джонатан говорил о встрече? Можно ли назвать это свиданием? И почему меня это волнует? Слишком много вопросов атакует мою голову.

Я нахожусь в замешательстве и не знаю, как реагировать на сложившуюся ситуацию. Не хочу разбираться с эмоциями, которые он во мне вызывает. Хорошо, что Лена ушла, и мне не надо отвечать на многочисленные вопросы.

Черт, Лена! Как объяснить, что меня не будет дома вечером? Так значит, я решила, что пойду? Нужно успокоиться и взять себя в руки! Может, Мистер Облом ляпнул, не обдумав?

Иду на кухню и наливаю третью чашку ароматного кофе, сваренного на старенькой кофеварке. Отпиваю плоток, наслаждаясь запахом, витающим по комнате. На пестрой тарелке нахожу свой завтрак и съедаю бутерброд, который ранее не лез в горло. Подхватываю чашку с оставшимся кусочком, и устраиваюсь на диване, судорожно переключая каналы.

Переключаю каналы, но не нахожу программы по душе. Рука сама тянется к телефону, где обнаруживаю ночные сообщения от мужа. Слава Богу, с ними все в порядке: они весело проводят время у кухни Алекса. Чувство вины охватывает все участки тела, не давая вздохнуть без боли в груди. То, что я на другой стороне планеты, не меняет мое семейное положение и тем более не отменяет материнство. Вчера я могла предать их. Как бы чувствовала себя после этого?

Неожиданный стук в дверь застает меня врасплох, заставляя подскочить на месте. Сердце судорожно бьется в груди, а ноги становятся «ватными».

— Кто там? — спрашиваю, не открывая дверь.

Только сейчас обнаруживаю, что глазка нет.

— Это водитель мистера Вуда Стивен, — говорит мужчина за дверью, а меня пронзает насквозь, словно молнией. — Мисс Шварц? — громче повторяет он.

Я пытаюсь сообразить, не открывая дверь, что делать дальше.

— Мисс Шварц, мистер Вуд просил передать, что заедет в семь, и чтобы вы *не опаздывали*, — последнее слово он выделяет интонацией.

Еще и указания дает.

— Передай мистру Вуду, что мисс Шварц отказывается от этой... — кручу пальцем по кругу в воздухе, через пару секунд понимая, что он не видит меня. — Короче, скажи, что я не буду готова к семи, я никуда не иду. До свидания! — говорю громче, чем хотела.

Нет, хватит с меня Вуда и всего прочего. Свалился, как снег на голову. Прислоняю ухо к двери, — всего лишь женское любопытство, — и слушаю отдаляющиеся шаги. Ушел.

Схватив телефон, иду в ванную, в надежде смыть с себя все воспоминания под холодным душем. Включаю музыку громче, скидываю халат и пижаму. Давно пора: на часах почти четыре.

Закрываю глаза, ощущая, как вода приятно стекает по телу. Намыливаю волосы. Использую кокосовый скраб, который привезла с собой, тщательно очищая им кожу.

Скоро наш первый День благодарения. Займу себя делом: схожу за продуктами и что-то

приготовлю к праздничному столу. Через несколько часов придет Лена, по крайней мере, так она написала в сообщении. Посмотрим старую комедию под бутылочку вина или обсудим последние две ночи, которые она провела вне дома. Мысленно хлопаю себе в ладоши за придуманный план.

Забираю телефон, на котором все еще включен плеер. Оборачиваю вокруг себя полотенце и в припляс захожу в комнату.

— Что значит, ты отказываешься? — мужской голос заставляет меня вскрикнуть от страха, по инерции хватаясь за сердце.

— Ты, убери свои руки! — кричу я и пытаюсь освободиться, чтобы врезать по самодовольной физиономии, — Я вызову полицию!

Но он никак не реагирует, только смотрит своими зелеными омутами, ожидая, когда я начну в них тонуть. Джонатан сильнее вдавликает меня в стену. Чудом вырываюсь, отбегая в другой край комнаты. Джонатан успевает схватить меня и с силой швырнуть на кровать. Словно хищник, запрыгивает сверху, фиксируя мое положение под ним.

— Тише, — говорит еле слышно и надрывисто выдыхает, нависая надо мной.

Ощущаю, что теплая ладонь, забравшись под полотенце, скользит вверх по бедру. От страха и предвкушения по телу проносится приятная дрожь.

— Что ты тут делаешь? — говорю каким-то странным голосом, а обоняние уже уловило его дурманящий запах. — Ты ворвался на чужую собственность.

— Пришел напомнить о встрече. Вижу, ты еще не готова.

Джонатан проводит кончиком языка по шее. Ощущаю скользкие, нежные прикосновения к животу, которые внизу стягивают знакомый узел. Еще пару мгновений и распаренная кожа оказывается без укрытия: Джонатан сдергивает полотенце и выкидывает его в сторону.

— Не... — но не успеваю договорить, как из моих губ вылетает тихий стон, чувствуя его губы на затвердевшем соске.

Приподнимается и быстро скидывает с себя пальто и пиджак. Освободив руку, прохожу пальцами по влажным от дождя волосам. С силой вцепившись за галстук, тяну его ближе к своим губам. Мистер Вуд врывается теплым языком в мой рот, опускаясь рукой ниже по бедру. Теплые пальцы Джонатана находят самое уязвимое место на моем теле, срывая с губ грудной стон. Его вращающие движения концентрируют все удовольствие в одной точке, но мне нужно больше. Не разрывая уста, словно безумная, расстегиваю белоснежную рубашку, оголяя крепкий торс.

Джонатан набрасывается на мой рот, страстно сминая губы в диком поцелуе, и все также продолжает удерживать на грани. Мне хочется прижаться крепче к его телу, раствориться в нем без остатка. В томительной спешке нащупываю ремень и пытаюсь понять, как его снять. Джонатан обрывает поцелуй, медленно спускаясь ниже. Он мучительно ласкает сантиметр за сантиметром мое чувствительное тело...

Глава 13

*«Иногда люди не могут быть вместе и понимают это,
но им не преодолеть взаимное притяжение»*

©Сара Нортон «Поздняя любовь»

Наши дни

ЭМИЛИЯ

— Дорогая, ты отлично выглядишь, — приветствуя, Владимир целует меня в щеку. — Невеста наверху, можешь подняться и поторопить ее, — намекает, что его возлюбленной давно пора было появиться.

— Тогда найду Наташу.

Улыбаюсь мужу, желая быстрее оставить его в обществе друзей. Подхватываю со столика два бокала с шампанским и взлетаю по лестнице на высоких каблуках.

— Эмилия! — радостно вскрикивает Наташа, стоит мне открыть дверь. — Наконец-то ты приехала! Я так скучала по тебе! — подруга крепко стискивает в объятиях и целует в щеку.

Отстранившись, с улыбкой осматриваю утонченную невесту в белом платье миди. Гипюровый корсет, расшитый мелким бисером, подчеркивает тонкую талию, а собранные в прическу волосы не создают помех для демонстрации аппетитной зоны декольте.

— Ты восхитительна, — делаю ей комплимент.

Не могу сдержать эмоций, и одинокая слеза скатывается по щеке от чувств, тронувших мое изможденное сердце.

— Ну что ты? — нежно спрашивает она. Наташа стирает слезу с моей припудренной щеки и игриво поддевает нос. — Эмми, это всего лишь вечеринка перед свадьбой, — успокаивает, скорее всего, больше себя, чем меня. Она отпивает из бокала шампанское, словно это успокоительное.

— Знаю. Просто ты такая красивая и это репетиция вашей свадьбы. Такое происходит не каждый день, — стираю уголком платка потекшую тушь перед небольшим зеркалом на стене.

— Эмилия, где ты пропадала? Я тебе несколько раз звонила, а ответа так и не получила, — с укором спрашивает подруга.

Она передает мне небольшую коробочку, этим показывая, чтобы я помогла ей надеть украшение.

— Прости, накопилось огромное количество дел за месяцы отсутствия дома, но сейчас я полностью к твоим услугам, — уверяю ее.

Избегаю взгляд подруги и застегиваю изящный браслет, который поблескивает у нее на запястье.

— Что же, — начала она, надевая кружевные перчатки, — в субботу отправляемся в загородный клуб. Только девочки, природа, свобода и никаких мальчишеских прибабасов. Поэтому отложи свои планы на выходные дни. У нас запланирована сумасшедшая программа, — с восторгом заявляет Наташа о предстоящей поездке. — Все в порядке? — замечает, что я не реагирую так весело о намеченном девичнике, как бы сделала это раньше. — Снова с Алексом поссорились?

В ответ отрицательно мотаю головой, еле сдерживая себя, чтобы не разрыдаться у подруги на загорелом плече.

— Тогда расскажи, какой он этот Нью-Йорк? — подруга смотрит горящими глазами, будто сейчас узнает тайну.

Название города, что забрал мои душу и сердце, пробегает холодом от затылка до кончиков пальцев на ногах.

— Серый, тусклый и холодный, — даю, скорее всего, не такое описание, как она ожидает. А в голове мелькают картинки осени, раскрашенной оттенками оранжевого и

красного.

— Звучит уныло. Неужели все настолько плохо, дорогая?

В ответ отвожу в сторону глаза, надрывисто вздыхая.

— Тогда нам есть, что обсудить, — печально улыбнувшись уголками блестящих губ, берет за руку. — Ладно, спускаемся. Владимир, наверное, заждался, — произносит так, будто невзначай вспомнила о женихе. — Пойди, объяви о моем выходе, — просит она, а я гримасничаю на ее любовь к помпезности.

Закрываю дверь спальни, на секунду растворяясь в дежавю. В замешательстве ищу глазами, что могло вызвать такое болезненное воспоминание...

Фрезии.

Подхожу ближе, касаясь небольшого нежного белого цветка, грациозно располагающегося в композиции букета из роз. Закрыв глаза, вдыхаю нежный запах. Неужели теперь остается жить, питаюсь мимолетными моментами, что успокаивают сердце лишь на миг?

— Эмилия! — из спальни выглядывает подруга, жестом руки призывая поторопиться.

— Иду я, иду!

Пробегаю мимо подруги, незаметно стирая влажность с уголка глаза.

— Дамы и господа! — объявляю, спустившись на несколько ступеней. — Наконец-то настал момент, когда Наташа готова спуститься и порадовать нас своим присутствием, — улыбнувшись собравшимся, слышу, как в холе проносится смешок. — Владимир, встречай прекрасную невесту.

Отхожу в сторону, пропуская вперед счастливую девушку. Под аплодисменты подруга грациозно спускается по ступеням, держась за перила, украшенные гирляндами из белых фрезий и зеленого гиперикума. Жених встречает ее на полпути, целует в накрашенные губы и предлагает взять себя под руку.

— Дорогая, помнишь нашу свадьбу? — Алекс, обняв за талию, ведет за женихом и невестой.

Беру по дороге в столовую еще один бокал и, пока супруг читает сообщение, выпиваю его залпом. Вопрос мужа так и повисает в воздухе.

— Эмилия, как твоя стажировка? — обращается ко мне сестра Владимира. — Ты, правда, стажировалась в Колумбийском университете?

Похоже, Наташа выбрала для меня не самое удачное место за столом.

— Да, — натягиваю приветливую маску, — в Колумбийском. Спасибо, все хорошо, — четко отвечаю на поставленные вопросы, что не оставляет ей шансов продолжить допрос.

— Дорогая, ты скромничаешь, — вмешивается Алекс, — Эмилия получила повышение и место руководителя лаборатории. Теперь моя жена будет заниматься научной деятельностью от лица Колумбийского университета, — хвалебно отвечает супруг, вызывая во мне досаду и раздражение одновременно.

— Поздравляю тебя! Наслышана, что ты стремилась к этому не один год, — одобрительно кивает женщина, с трудом скрывая зависть.

— Я отойду на секунду, — шепчу Алексу на ухо. — Мне нужно в уборную.

Те стремления и цели, которые я преследовала буквально несколько месяцев назад, сейчас не имеют той важности, что раньше. Слишком много событий произошло с момента, как Джонатан Вуд вошел в конференц-зал. Воспоминания прошлой жизни, до стажировки, незаметно стерлись, утратив свой вес.

Взлетаю по лестнице и закрываюсь в самой дальней ванной. Усевшись на кафед, разрешаю себе разрыдаться, сдерживая ладонью громкие всхлипы. Его образ все еще пропускает иглы сквозь клетки тела, играя на наболевшем подсознании. Я сама шла за ним, сама позволила любить, зная, что вместе мы не будем. Оставила одного, неподвижно смотрящего на мерцающий остров.

Достаю из сумки телефон, нахожу скрытый файл и ввожу пароль. На экране появляется единственная сохранившаяся наша фотография. С тоской всматриваюсь в зеленые глаза. Дотрагиваюсь пальцами до прохладного экрана, и молю Всевышнего еще раз ощутить его прикосновения.

Глава 14

*«Страсть — это импульс к тому,
чтобы воспламенить».*

©Кобо Абэ

*Несколькими месяцами ранее
Нью-Йорк, Манхэттен*

ДЖОНАТАН

... Целую шею, покусывая нежную кожу, но ни на секунду не останавливаюсь, порывисто проникая в Эмилию. Ослепленный похотью, проваливаюсь в фантазию, которая перевернула мой рассудок, и заставила нарушить все принципы и правила. Несколько протяжных стонов с ее губ и слетает мое имя. Этого достаточно, чтобы прийти к опьяняющему наслаждению, но успеть вовремя покинуть так подходящее для меня место.

Удерживаюсь на локтях, чтобы не свалиться на Эмилию и пытаюсь восстановить дыхание. От порыва нежности целую ее в нос, на что получаю ленивую улыбку. Я не имею ни малейшего понятия, как вести себя в этой ситуации, ведь для меня она не девушка на одну ночь, точнее вечер. Но внутреннее беспокойство не дает сказать, что она будет моей.

— Джонатан, — проговаривает мое имя, словно это ругательство, чем заставляет ухмыльнуться.

— Мисс Шварц, можно просто поблагодарить за порочное удовольствие.

Ложусь на бок возле Эмилии и очерчиваю узоры на ее плече. Замечаю, что рядом с ней всегда возникает умиротворение, в котором я хочу задержаться, как можно дольше.

— Джонатан, это не должно было случиться, — с болью в глазах говорит она, чем пробуждает щемящее чувство в груди. — Это так все неправильно.

— Уже поздно жалеть о содеянном. Если ты волнуешься о моем браке, то могу тебя уверить, он давно разрушен, — холодно отвечаю, вспоминая о поступке Лили и о том, что сделал только что сам.

— Я должна кое-что сказать тебе... — обрываю ее тихие слова, быстрым поцелуем.

— Нет, для начала ужин, мисс Шварц, — твердо говорю я.

Слегка шлепаю по миниатюрной попке и осматриваю еще раз обнаженное тело девушки. Если честно, я боюсь услышать то, что сломает возникшее спокойствие.

— Мне нужно в душ, — смущаясь, говорит она.

Эмилия натягивает на себя одеяло, пытаюсь в нем укутаться. Сдергиваю его на пол, но девушка не оставляет попытку прикрыть некоторые участки тела.

— Эмилия, я уже все видел. Не стоит меня стесняться. Если ты будешь медлить, то я присоединюсь к тебе, — наигранно угрожаю ей.

Вальяжно растягиваюсь на кровати, подложив одну руку под голову. Одно мгновение, и она скрывается за дверью ванной комнаты, оставляя меня наедине с мыслями. Что-то в моем плане пошло не так, и мы начали действовать не по порядку, сначала оказавшись в кровати.

Долго не выдерживаю в одиночестве. Поднимаюсь с мятой постели с неослабевающим интересом направиться к девушке. Небольшая комната, уступающая в параметрах моей ванной в десятки раз, встречает скучным серым кафелем и самой необходимой мебелью. Я не ханжа, но обстановка мрачновата. Через запотевшее стекло душа виднеются контуры изгибов тела, заставляя полностью сконцентрироваться на ее плавных действиях.

Словно одурманенный интимной сценой, открываю резко дверцы. Делаю шаг и оказываюсь рядом с Эмилией под теплыми струями воды. Она хочет возразить, но не успевает, так как я прижимаю ее к мокрому кафелю. Без предупреждения накрываю губы глубоким поцелуем, распухшие от моих терзаний. Руки самовольно блуждают по влажной коже девушки, поднимаясь то к груди, то спускаясь к ягодицам.

— Джонатан, — в губы говорит Эмилия, отстраняясь, но продолжает глубоко дышать, — скоро придет Лена. Я не хочу, чтобы она застала нас вот так, — указывает на наше неоднозначное положение.

— Мы всего лишь принимаем душ, — глупо улыбнувшись, просто говорю я.

Мое внимание привлекает ее грудь, порывисто поднимающейся от тяжелого дыхания. Накрываю ртом сосок, лаская его языком, а руками сжимаю ягодицы, подтягивая девушку ближе к себе. Эмилия закидывает руки на шею, прикасаясь тонкими пальчиками до мокрой кожи. Эти касания вызывают во мне какое-то странное чувство, а аппетитные изгибы сводят с ума.

— Наверное, нам лучше принимать душ по отдельности, — нехотя говорю я. Понимая, что если один из нас не выйдет, то мы останемся тут надолго. А встречи с Леной мне не хочется.

Эмилия смотрит своими карими глазами, кажется, вглубь меня. Заполняет каждые клетки тела. Что-то происходит со мной. С трудом собрав всю силу воли, оставляю на ее губах лишь легкий поцелуй и выхожу из душа.

ЭМИЛИЯ

Осознание содеянного врывается в рассудок, как только обнаженный Джонатан закрывает дверь ванной. Я должна винить себя, но сердце бьется в обычном ритме, так и не призвав совесть к ответу. Даже сейчас, когда вспоминаю его рельефное тело сверху, мне не хочется каяться в совершенном грехе. Я хочу узнать Джонатана ближе. Знать каждый дюйм его тела. Понимаю, что он никогда не будет принадлежать мне и от этого ноет в груди.

Мне нужно рассказать ему об Алексее. И признаться в первую очередь себе, что мой брак нельзя назвать разрушенным. У нас есть Ева и ради нее мы должны постараться сохранить отношения. Если нам с Джонатаном и отведено время, то лишь так: мимолетными встречами без шанса на будущее.

Быстро привожу себя в порядок. Наношу крем и самую необходимую косметику. Подсушиваю волосы полотенцем и включаю фен, как на пороге ванной снова появляется Джонатан в одних боксерах. Он привлекает мое внимание мужскими формами. Мужчина становится за моей спиной, обнимая и подтягивая ближе к себе. Наше отражение в зеркале завораживает. Рядом с ним я выгляжу совсем по-другому. Объятия Джонатана придают

уверенность и защищенность. Он молча оставляет горячими губами поцелуй на плече.

Возвращаюсь в спальню, но застаю только пустоту и застеленную одеялом кровать. Постельное белье кучкой лежит у двери, привлекая мое внимание. Джонатан думает, у меня есть домработница?

Джонатан заходит из гостиной с вешалкой в руках, на которой расстегнутый черный чехлом. Отлично, он возит с собой запасной костюм.

— Стивен принес, — указывает на брюки и рубашку.

Открываю свой небольшой шкаф. Перебираю его содержимое, но искоса поглядываю на мистера Вуда. Он надевает белую рубашку и черные брюки. Уверено застегивает запонки, поправляет воротник, но галстук откидывает в сторону. Берет с тумбы часы и застегивает их на запястье. Наблюдать за его отточенными движениями, мне кажется, можно вечно.

— Я думаю, будет честно, Эмилия, если ты оденешься здесь, — ровным тоном говорит Джонатан, этим останавливая мою попытку уединиться в ванной.

Стоя посередине комнаты, прижимаю к животу выбранную одежду. Молча наблюдаю, как мужчина уверенно подходит ко мне. Джонатан забирает кружевные трусики из моих рук. Он присаживается у моих ног и предлагает по очереди поднять ноги, чтобы их надеть. Я абсолютно не стесняюсь своей наготы. Мое тело неидеально, но этот блеск в его глазах заставляет почувствовать себя по-новому. Джонатан слегка дотрагивается горячими пальцами до обнаженной кожи, когда скользит тонкой тканью вверх. Он тщательно расправляет белье на ягодицах.

Джонатан заходит за спину, закидывает мои волосы вперед на одно плечо, и умело застегивает бюстгальтер. Горячей ладонью проводит по спине, вызывая разряды по всему телу, которые устремляются в одном направлении. Тихий стон срывается с моих губ, когда он снова опускается вниз и ставит мою ногу к себе на колено. Джонатан не спеша натягивает сначала один чулок, а затем другой.

Осматриваю содержимое своих рук. Осталось только платье. Разочарованная этим фактом, сама отдаю его Джонатану, чем вызываю лукавую улыбку.

Глава 15

*«Некоторым людям суждено влюбиться друг в друга,
но не суждено быть вместе».*

ЭМИЛИЯ

Улица освещена фонарями и практически пуста, за исключением двух припаркованных автомобилей на обочине. Из черного глянцевого внедорожника выходит мужчина в темном костюме и двигается к нам навстречу. От его размеров я невольно прячусь за спину Джонатана, практически не уступающего незнакомцу в параметрах.

— Мисс Шварц, добрый вечер, — сухо приветствует он.

Мужчина передает ключи Джонатану. Я, остановившись за его спиной, выглядываю через плечо.

— Добрый вечер, — как-то неловко отвечаю ему, когда он уже отдаляется от нас.

— Это мой секьюрити Джеймс, — объясняет Джонатан, махнув головой в сторону крепкого парня.

— Боишься, что тебя украдут? — язвлю в ответ, убирая прядь волос с лица, которые уже

успел растрепать ветер.

— Конечно, я ведь очень ценный, — хмыкнув на мою фразу, Джонатан расправляет воротник на пальто. — Идем? — спрашивает, протягивая ладонь.

Мне хочется вложить свою руку в его и сбежать с ним. Снова ощутить легкость в теле и мыслях. Но тягостное чувство уже охватило мое сердце. Я не смогу бросить ради Джонатана мужа, поддавшись мимолетному искушению. Нужно покончить с этим, пока мы не зашли еще дальше и не вмешались чувства, которые могут причинить мне боль.

— Джонатан, — неуверенно начала я, осматривая серьезное лицо. Хочу запомнить каждый дюйм его тела. — Я не могу продолжить дальше наше общение, — мямлю на последнем слове. Не знаю, как назвать отношения, которые связывают людей всего вечер.

— Это тебя так Джеймс испугал? — в недоумении спрашивает он.

Джонатан без единой эмоции смотрит в глаза. Он замер на месте, лишь порыв ветра развивает край его пальто.

— Джонатан, я серьезно. Нужно остановить все, пока мы не зашли еще дальше, — более уверенно говорю, но понимаю, что это звучит глупо.

— Что в твоём понимании «поздно», Эмилия? Если «поздно» уже настало?

Джонатан делает шаг на меня, а я делаю несколько шагов назад и упираюсь об ограждение пятой точкой.

— От чего ты бежишь? Разве ты не чувствуешь «это» между нами, — указывает рукой на невидимую нить между нами.

— Я просто не могу. Наши жизни слишком разные. И обстоятельства не дадут этого сделать. Нам изначально нужно было держать себя в руках. К тому же ты инвестор гранта, и если кто-то о нас узнает, у меня могут возникнуть проблемы.

— Это то, что тебя волнует? — холодно замечает он. — Я не стану тебя переубеждать в обратном или уверять, что наша связь будет без последствий. Я вообще ни в чем сейчас не уверен. Но могу заверить, что грант никто у тебя не отберет. Так ты составишь мне компанию за ужином?

Я слегка сбита с толку. Я не успеваю улавливать ход его мыслей. Не хочу еще сильнее запутаться в себе, поэтому отрицательно качаю головой в ответ.

Джонатан одаривает меня надменным взглядом, словно я недостойное его существо, и уходит в сторону автомобиля. По мне пробегает дрожь, когда я осознаю какую-то невозвратимую потерю. Однако, чего я ждала? Что он кинется выяснять причины расставания с человеком, которого знает несколько дней? Все, что нас связывает — измена, которую мы совершили, поддавшись инстинктам.

Джеймс открывает ему дверь, но я не дожидаясь, пока его силуэт полностью исчезнет в салоне и забегаю по ступеням обратно в апартаменты.

Я все правильно сделала. Так нужно было поступить изначально, а не идти на поводу у эмоций. Поздно винить себя в совершенном, но не поздно избежать повторения.

Нужно выкинуть Джонатана из своих мыслей и жить дальше. Но боль, повисшая тяжелым грузом в моей душе, не дает даже свободно вздохнуть, подталкивая собравшиеся слезы наружу. Мне кажется, такой спектр болезненных чувств я не испытывала одновременно никогда. Внутри все пульсирует и жжет, отчего сгибаюсь пополам, обнимая руками колени.

Я сбилась с пути, который выкладывала долгое время. Совершила ошибку, неосознанно выпустив в свои мысли Джонатана Вуда, упоительно ласкающего не только мое тело, но и

душу.

ДЖОНАТАН

Поднимаюсь в пентхаус, где меня встречает абсолютная тишина. Не включая свет, иду в кабинет. По дороге снимаю галстук и туфли, которые шлейфом следуют за мной. Подхожу к бару. Рассматриваю напитки и не могу определиться, кто из «старых друзей» составит мне компанию. Немного помешкав, останавливаю выбор на бутылке «Jim Beam». Забрав ее, усаживаюсь на кушетку, расположенную напротив окна.

Горячая жидкость согревает и жжет, стекая по горлу, также напоминая, что обед и ужин я пропустил. Хочется сожалеть, но не о чем. Грустить? Нет, не по-мужски раскисать. Признаться себе в совершенных ошибках? Это как будто насыпать соль на рану.

Эмилия...

Я дам ей время. Совсем немного времени, а потом приду снова.

Ее стоны все еще эхом разносятся в голове, и я отчетливо вижу в мелькающих мыслях обнаженное тело Эмилии, лежащее на смятой постели. Ее губы жадно впиваются в мои, а ногти царапают спину, сильнее прижимая к себе...

Черт...

Ослабляю рубашку, расстегивая несколько верхних пуговиц. Возможно, Сара права, и я действительно недалеко ушел от пятнадцатилетнего кузена, раз так запал на эту девушку. Я не могу думать о чем-то другом, пока в голове возникает ее образ и пробуждает некоторые повышено возбудимые участки тела. Пытаюсь вспомнить первую встречу с Лили, но ничего... Только слова, действия. Никаких эмоций или чувств. Что-то же должно было подтолкнуть меня к ней?

В отличие от встречи с мисс Шварц...

Первое, что я увидел на конференции — бархатный взгляд миндалевидных глаз, с любопытством выискивающий что-то во мне. Я не верю в любовь, вспыхнувшую с первого взгляда, но верю в пробегающую между нами искру, которую ощутил всеми клетками тела. Секундного зрительного контакта хватило, чтобы вызвать концентрированный интерес к этой особе. Увидев Эмилию в клубе, не мог поверить своим глазам, что судьба преподнесла такой подарок и направила ее в мои руки.

Ах, мисс Шварц, не зная того, ты заставила меня остановиться и посмотреть на свое существование. Возможно, я выпил больше, чем планировал, но принял верное решение: Эмилия, ты будешь моей.

Глава 16

***«Ненависть со временем утихает, обида проходит,
злость угасает, а разочарование навсегда
отдаляет людей друг от друга»***

©к/ф «Учитель на замену»

ЭМИЛИЯ

Я забыла, когда последний раз вставала в такую рань. Подхожу ближе к окну. Улица освещена фонарями, а солнце даже не подкралось к горизонту. Взгляд самовольно падает на тротуар, где мы с Джонатаном расстались.

— Нам обязательно идти на парад? — жалобно протягиваю я, без воодушевления надевая теплый свитер.

— Эмми, нам нужно занять хорошие места, — серьезно говорит Лена и вручает мне чашку с кофе. — Я хочу все заснять. К тому же это единственное, что останется в памяти от этого дня, — намекает, что никто из нас так и не пошел за продуктами для праздничного стола.

— Тогда я посмотрю на видео, — парирую я, отпивая глоток кофе, и получаю легкий шлепок по плечу. — Ты представляешь, сколько там будет народа? — вспоминаю фотографии с прошлого года, которые привез коллега.

— Ты стала ханжой и мне это не нравится.

— Я просто легла несколько часов назад. Писала анализ лекции, — поясняю сразу.

Застегиваю пальто и натягиваю вязанную шапку. Надо бы еще шарф захватить.

— И что с тобой делать? — риторически спрашивает она. — Ты уже написала все, что от тебя требовалось. Даже сдала декану разработки лекций на январь! Эмилия, прием, — щелкает пальцами перед глазами, — выдохни уже наконец-то. Повторяю, тебя никто не накажет и не отругает, если просто расслабишься и сделаешь что-то для себя.

Последние слова заставляют поднять на нее глаза. Так и хочется заорать: *«Я уже сделала что-то для себя, но стало еще хуже»*.

Мне так и не удалось вспомнить, когда я стала испытывать недовольство собственной жизнью. Казалось бы, у меня есть все, чтобы быть счастливой: муж, ребенок, карьера. Но этого оказалось недостаточно. Сначала я подумала, что просто из тех дам, которые недовольны по жизни в принципе, а потом дошла в своих мыслях к началу отношений с Алексом. До брака все было замечательно: свидания, ухаживания, секс. Я была влюблена в этого целеустремленного мужчину, в котором видела опору. Или хотела видеть? Пока мы не столкнулись с реальными жизненными проблемами. Хотелось, чтобы он подставил свое плечо, согрел в крепких объятиях. Но позже выяснилось, что в наших отношениях каждый сам за себя.

— Дамочки, дальше не поеду, улица перекрыта, — объявляет таксист, указывая на знаки посередине дороги и двух полицейских.

— Счастливого Дня благодарения, — желаю водителю, когда мы покидаем теплый салон автомобиля.

Лена подхватывает меня под руку, и мы вливаемся в толпу зевак, идущих в одном направлении. Несмотря на раннее утро на улицах уже полно людей, пребывающих в праздничном настроении.

— Эмми, посмотри! — подруга восторженно тычет пальцем в сторону улицы, где формируется парад. Несколько огромных шаров в виде Соника и Китти уже парят в воздухе, притягивая умиленные взгляды. — Сфотографируй меня, — просит Лена, передавая свой телефон. Она становится посередине улицы, раскинув руки и расставив ноги, будто звезда на «Аллее славы».

— Девушки, зрители располагаются вдоль дороги, — делает нам замечание мужчина в форме. — Пожалуйста, пройдите на тротуар.

— Простите, офицер, — извиняется подруга, улыбаясь самой милой улыбкой, а на щеках появляются ямочки. — С Днем благодарения, — кидает напоследок, состроив глазки высокому мужчине в темно-синей форме и начищенным до блеска значком на груди.

Лена в свойственной ей манере продолжает целеустремленно тянуть меня по тротуару. Я лишь успеваю обходить людей, чтобы никого не сбить с ног.

— Станем ближе к Семьдесят четвертой, оттуда лучше будет видно участников парада.

А, если и дальше будешь идти с такой кислой миной, оставлю тебя здесь, — повернув голову в мою сторону, недовольно предостерегает она. — Эмилия, ты не умеешь радоваться тому, что имеешь в этой жизни. Посмотри вокруг. Тут могут собраться миллионы людей, чтобы окунуться в традиции этого города, но не *все* могут себе это позволить. Не нужно выискивать несуществующие проблемы. Ты понимаешь, о чем я? — не унимается она, так и не дождавшись моего ответа. Хочется позавидовать ее способности замечать все хорошее вокруг себя.

Наконец-то мы останавливаемся возле пожилой пары. Лена, развернувшись лицом, внимательно изучает мой напряженный взгляд. В воздухе витает аромат осени и свежее жаренного поп-корна, а над головами парит праздничная мелодия. Но все это снова обходит меня стороной.

— Лен... — тяну я, не желая больше слышать ее поучения.

— Подожди, дай мне сказать, — перебивает, заправляя прядь волос за ухо. — Я скажу одну вещь, которая может тебе не понравиться. Твоя жизнь не должна постоянно крутиться вокруг Алекса и Евы. Не знаю, что творится внутри тебя, но если ты не найдешь гармонию с собой, все полетит к чертям. И, поверь, Еве от этого лучше не станет, — слова и сочувствующий взгляд подруги, пронзают до костей, оголяя и без того зияющие раны.

— Я сделала ужасную ошибку, Лен. Не знаю, как мне двигаться дальше. Я постоянно об этом думаю, — шепчу ей на ухо, когда Лена стискивает меня объятиях, желая как-то подбодрить. — Но *это* то, чего я действительно хотела.

— Тогда почему ты называешь *это* ошибкой? — отстранившись, ласково заглядывает в глаза.

— Джонатан Вуд, — произношу так, словно это вердикт.

Подруга тяжело вздыхает, но при этом мило улыбается.

— Я догадывалась, что без этого красавчика не обошлось.

ДЖОНАТАН

Оказываюсь на пороге семейного особняка ровно к договоренному времени. Со ступеней наблюдаю, как Спенсер вытягивает из багажника большую корзину, перевязанную красной лентой. Подхалим.

— Ты мог бы помочь, Джон. Или хотя бы попросить своих головорезов это сделать, — недовольно фыркнув, поднимается по лестнице, удерживая двумя руками подарок. Спенсер останавливается у парадной двери. Он кидает недовольный взгляд на охранника и водителя, которые стоят в сторонке. Последнее время мой персонал никому не дает покоя.

— Я открою тебе дверь, — отхожу в сторону, пропуская обиженного кузена.

Напоследок осматриваю парковку, которая полностью заставлена автомобилями родственников, гостей, и, конечно же, припаркованным черным Rolls-Royce семьи Купер. Вдыхаю полной грудью свежий ноябрьский воздух и захожу на семейный праздник.

— Джонатан, дорогой! — громко говорит мама, так освещая мое присутствие собравшимся.

— *Держи себя в руках*, — даю себе наставление.

— Миссис Вуд, — целую ее в щеку, — ты в своем репертуаре, — шепчу ей на ухо.

Мама, театрально округлив глаза, слегка пожимает плечами. Она делает вид, будто не понимает, о чем это я. Мило улыбнувшись, отходит к Спенсеру. Мама восторженно осматривает подарок со всех сторон.

— Джонатан! — разворачиваюсь на детский голос.

Из столовой выбегает зеленоглазый сорванец с кудрявыми черными волосами и буквально забирается по мне, стискивая шею в объятиях.

— И я рад тебя видеть, мой ангел, — целую ее в макушку.

Мелисса родилась через полтора месяца после гибели дяди Майкла. Фактически она приходится мне кузиной, но я также ее крестный отец, как бы странно это не звучало.

— Софи, — целую в щеку вдову дяди, — с Днем благодарения.

— А ты подросла, — ставлю Мели на пол, примеряя ее рост по отношению к своей груди. — Скоро я буду также запрыгивать тебе на руки, — подмигиваю ей, а она расплывается в улыбке.

— Спасибо за подарок, Джонатан, — благодарит она. Мелисса подпрыгивает, целуя меня в щеку.

— Что скажешь о Леди? — интересуюсь у девочки по пути в забитую народом гостиную. — Мама прислала мне твои грамоты с последних соревнований.

— Леди скачет быстрее ветра и к тому же ей можно плести косички, — дает она характеристику племенному скакуну фризской породы. На это высказывание, улыбаясь, переглядываемся с Софи.

Осматриваю комнату, украшенную в честь праздника, и приветствую гостей, которые попадают на пути. Взглядом останавливаюсь на точеной фигуре жены в серебристом платье в пол. Она стоит спиной ко мне и что-то оживленно рассказывает. На оголенных плечах Лили лежат россыпью белые локоны, спускаясь ниже лопаток. Поворачивается в мою сторону, одаривая присутствующих идеальной улыбкой, пока не замечает меня.

— Джонатан, — обращается ко мне и подходит ближе, оставляя Мэл на прежнем месте у камина.

Какого черта здесь делает Мэл? Мама решила полностью испортить наши с ней отношения?

— С Днем благодарения, — целует в щеку, держась за мой рукав, как будто нам не идти в суд через несколько недель.

Просто семейная идиллия, миссис Вуд.

— И тебя, — сухо отвечаю ей, отстраняясь.

Хочу отойти, но она останавливает. Лили хватает своими тонкими пальчиками за лацкан пиджака, сексуально перебирая край ткани.

— Что ты хочешь? — шиплю ей на ухо, улавливая заинтересованный взгляд тещи. Видимо, уже промыли дочери мозги.

— А как ты думаешь? — похотливо заглядывает небесными глазами, перебираясь ноготками выше по краю пиджака.

— Лили, серьезно? — не могу сдержать насмешливой улыбки, осматривая знакомые черты лица.

Поддавшись порыву, заправляю ей за ухо локон. Мой взгляд цепляет цепочка с кулоном в виде переплетенных наших инициалов — хорошая попытка.

— Еще все можно исправить, Джонни, — с застывшей надеждой в глазах, спокойно говорит Лили. Она берет меня легонько за руку.

— Сотрешь мне память? — ехидно интересуюсь я. Но какая-то часть меня уже поддалась уловкам, чувствуя рядом тепло ее тела. — Или сделаем вид, что ничего не произошло? — успеваю перехватить руку Лили, удерживая в воздухе, этим не давая к себе больше касаться.

— Но ты тоже не безгрешен. Взять хотя бы ту шляпу из клуба. Я ведь помешала тебе? — ядовито произносит она, скрещивая руки на груди.

Сущность Лили — это свернутая в клубок кобра, которая думает, что может отобрать у меня дудку и заставить под нее плясать.

— Джонатан, — слышу сбоку голос отца, — ты нужен в кабинете. Срочно.

Развернувшись к нему, вижу непривычно сверлящий взгляд Маршалла Вуда. Меня отчитают, как мальчишку?

Молча проходим в кабинет, где на диване расположился сенатор Купер. А я все гадал, где же мой тесть. Холодно приветствуем друг друга и усаживаемся на противоположные стороны.

— Что случилось? — перехожу сразу к делу, а в ответ ловлю два сосредоточенных взгляда на себе, словно я нашкодивший кот. — Говорите. Или будем играть в молчанку?

— Сын, сенатор обеспокоен вашими семейными делами, — начал отец, но как только хочу возразить, он останавливает меня, выставляя ладонь вперед. — Ваш брак вовсе не идеален, впрочем, как и любой другой. Но над ним еще можно работать.

— *Блять*, — позволяю себе выругаться, хоть и мысленно.

— Я прошу тебя дать еще один шанс вашим отношениям с Лили, — серьезным тоном обратился ко мне Вуд старший.

Не могу поверить своим ушам, папа.

— Какого черта тут происходит? — повышаю голос, закипая от того, что не понимаю замысла этого разговора.

— Джон, сынок, есть еще одно обстоятельство, почему вы не можете развестись, — отец проводит пятерней по когда-то смоляным волосам от лба до затылка, — Лили беременна, — говорит он, тяжело вздыхая, а сенатор отпивает из своего стакана.

— Поэтому она ходит по гостиной с бокалом шампанского? — улыбаюсь, словно болван, осматривая этих двух.

— Есть заключение доктора и результаты анализов, — игнорируя мой вопрос, поясняет тесть. — Разве их тебе не передала домработница? — с нескрываемым упреком интересуется он.

Почему я не послушал Сару в тот день? Упрямый осел.

— С чего вы решили, что отцом ребенка являюсь я? — решаю выкинуть козырь.

Я не уйду от ответственности: у нас был секс около двух месяцев назад. Но зная об ее интрижке, и только Бог знает еще с кем, решаю уточнить этот вопрос.

— Джон, — отец кладет свою руку на мои пальцы, сложенные в кулак, — мы с Тео знаем о романе Лили с вашим водителем.

— Вы предлагаете жить втроем? То есть вчетвером? — с сарказмом спрашиваю их.

Никогда не ожидал такой подставы от отца и теперь понимаю, в чем причина такого воодушевления мамы и ее маниакального навязывания мне Лили.

— Могу тебя уверить, что Лили порвала с ним сразу же после того, как ты узнал о них. Для нее это было все равно, что сходить за сумочкой в магазин, — неуверенно заверил меня Теодор, очевидно считая, что это сравнение уместно.

Мне нужно больше воздуха. Подхожу к окну, открывая его настежь. Впуская в комнату свежий океанский воздух.

— Дело в том, что мы не знаем точно, кто отец ребенка, — продолжил сенатор, этим вынуждая меня истерично хихикнуть. — И не сможем узнать до тридцати недель

беременности. Тогда разрешат провести специальный тест, который, к слову, небезопасный, — повествует он, как ни в чем не бывало, пока я молча наблюдаю, как волны беспечно скатываются по песку.

— Джонатан, ты прекрасно знаешь, что сейчас идет избирательная кампания у Тео, в которую мы вложили миллионы, а ваш развод может повлиять на ее исход, и все мы можем оказаться в убытке, — перешел к делу отец.

Какого хрена я трахал Лили после расставания? Понимаю, что в тридцать четыре я все еще думаю только «одним местом» и это не мозги.

— Сын, это может отразиться на нашей компании. Скандал в прессе обеспечен, если они узнают обо всех нюансах развода. Сделка с Говардом для нас сейчас очень важна. А он волнуется о репутации своих партнеров, тем более у него много друзей среди республиканцев, — отец бесцеремонно намекает на последствия развода с дочерью представителя республиканской партии.

— И каков ваш план, тигры интеллекта? — хмыкаю я, любуясь темной водной гладью, непривычно тихой в это время.

— Вам нужно побыть в браке еще чуть меньше года. Ребенок появится на свет немного раньше, чем закончиться кампания. Как раз тогда, вы сможете узнать, кто его отец. Если ребенок твой, то попытайтесь наладить отношения, иначе подадите на развод под любыми предлогами. Не в ущерб семей, разумеется, — своей интонацией Вуд старший дает понять, что он все решил, не предоставив мне выбор.

— А если он не мой? Выкинем, как котенка на улицу? Или отнесем в корзинке в монастырь? — резко спрашиваю я, разворачиваясь на пятках, и едва не зашибаю рукой отца.

— Если он не твой, Джонатан, мы примем этот позор и воспитаем его сами. Я без промедлений заберу Лили домой после выборов, — сенатор наливает себе и отцу, пока я жадно смотрю на бутылку в его руках, желая разбить кому-то голову.

Маленький «нюанс», который еще не знает, кто он или она, и что существует на белом свете, но уже доставляет слишком много проблем, способных разрушить несколько жизней, компанию и политическую мечту. По телу пробивает озноб то ли от ситуации в целом, то ли от разбившихся вдребезги планов.

— Я понимаю твое состояние... — начал Тео.

— Правда? — ядовито улыбаюсь, понимая в какой заднице оказался.

— Джонатан, сынок, — голос отца становится мягче, — ты глава компании, семейного дела, влиятельный человек, ты не можешь жертвовать этим всем ради своих обид. Взгляни на ситуацию трезво. Ты можешь это расценивать как бизнес предложение. Если вы не разойдетесь сейчас, ты в любом случае останешься с прибылью. Речь не только о финансах и политической поддержке Тео, но также ты можешь стать отцом, конечно, если ребенок твой.

Не выдерживаю и смеюсь припадочным смехом, от которого болят ребра. Опираюсь рукой о кресло деда и мысленно прошу его восстать из мертвых. Пусть он встряхнет меня хорошенечко, чтобы здравый смысл вернулся в голову.

— По вашему мнению, цена этого ребенка пару десятков миллионов долларов? — интересуюсь, разглядывая в руках сигару ограниченного выпуска.

— Большинство жизней стоят значительно меньше, Джон, — сухо говорит сенатор.

— Тогда я куплю этого ребенка по биржевой цене вне зависимости от котировки, — бросаю напоследок и вылетаю из кабинета.

Мне нужно покинуть этот дом, пока я не разнес его в щепки. Резко останавливаюсь, пробегая мимо гостиной. Резко останавливаюсь и делаю несколько медленных шагов назад. Не знаю, что написано у меня на лице, но гости, испуганно осматривая, расступаются передо мной. Скорее всего, я выгляжу неважно.

Подхожу к Лили, дыша ей в затылок. Мэл настороженно кивает ей, чтобы она обернулась. С улыбкой она поворачивается лицом, держа в руках наполненный бокал шампанского. Выхватываю его и кидаю в другой конец комнаты, где он разлетается на сотни мелких осколков.

— Джонатан, что ты делаешь? — ошарашено смотрит по сторонам, где десятки глаз с любопытством уставлены на нашу сцену.

— С Днем благодарения, Лили, — обдаю ледяным голосом и демонстративно иду в сторону выхода.

Хочу поскорее убраться из этого прогнившего места.

Глава 17

*«У каждого человека есть своя страсть,
грызущая ему сердце,
как у каждого плода есть свой червь»*

©Александр Дюма «Граф Монте-Кристо»

ЭМИЛИЯ

Я сразу же пожалела, когда, поддавшись эмоциональному моменту, ляпнула Лене о Джонатане. Лена просто завалила меня кучей вопросов, в плане: Что? Где? Когда? И, конечно же, ее интересовало, не планирую ли я остаться в Нью-Йорке? На этот вопрос, я лишь шокировано округлила глаза, так и не подобрав подходящих слов в ответ.

Возможно, отец-основатель Бенджамин Франклин был прав: двое могут хранить секрет, если один из них мертв. Но мне бы не хотелось лишаться подруги, придушив ее при следующей попытке выведать подробности моей неверности мужу.

К моему огромному счастью, начался парад Macy's⁸, и все внимание Лены было обращено на дорогу, по которой шли участники шествия в честь Дня благодарения. Звуки оркестра разносились в воздухе, играя традиционную «Mayflower»⁹, слова которой подпевала собравшаяся толпа.

*«...Было ненастно и мрачно
Они совсем закоченели
В своих одеждах пилигримов
На «Мэйфлауэр», «Мэйфлауэр»
Йо-хо-хо за моря...»*

Во мне тоже зародился дух торжества, и я начала пытаться подхватить ритм, вставляя некоторые слова, которые удалось вспомнить.

Под звуки барабанов вылетел первый огромный шар, который мы видели на Семьдесят седьмой улице. Проплывающего Соника над головами восторженной толпы сменила платформа со сценкой по мотивам сказки Братьев Гримм «Гензель и Гретель». Вокруг пряничного домика расположились деятели Нью-Йорка, удостоенные этого почетного места за различные заслуги. Они радостно приветствуют собравшихся, улыбаясь и махая.

Пролетающий огромный шар в виде Пикачу заставил достать телефон и включить запись видео. Дочка была бы в восторге от этого. Воспоминания остро кольнули в спящую совесть при виде этого «зверька», отчего-то напоминающего Джонатана.

«Увидимся ли мы еще? Вряд ли. Такие мужчины, как он, не умеют возвращаться», — подумала я, перед тем, как лозунг чирлидерш оглушил меня, вернув внимание на дорогу.

— Боже! — завизжала Лена. — Смотри, это «Kiss»¹⁰!

Пришлось ухватиться за ее пальто, пока она не перевернулась через ограждение. Мимо нас проехала сцена с большими красными буквами, — названием группы, — на которой в экстравагантных костюмах стояли легенды рока. «Демон»¹¹ в свойственной ему манере показывал красный язык возбужденно кричащей публике.

От цветового разнообразия и грандиозности проходящей колонны кружилась голова, а от улыбки болели скулы. Кажется, я не была так беззаботно счастлива за прошедшие несколько лет.

Дождавшись последнего воздушного шара, мы начали искать пути возвращения домой. Огромное столпотворение людей не предвещало ничего хорошего: мы могли застрять здесь до ночи. Однако наша хитрость оказалась бесполезной. Нам пришлось дойти почти до Собора Ионна Богослова¹², что в пятнадцати минутах ходьбы от нашей квартиры.

С трудом переставляя ноги от такого марафона, мы нашли спасение в неприглядном на первый взгляд кафе.

— Когда будете готовы сделать заказ, махните рукой, и я подойду, — улыбнувшись, девушка с повязанным спереди клетчатый фартуком раскладывает перед нами меню.

Я окидываю взглядом помещение. Оно выполнено в стиле кантри, которое по-домашнему согревает не только руки.

— Итак, — пристально взглянув мне в глаза, Лена продолжила: — Сама все расскажешь или мне задавать вопросы? — демонстративно перелистывает пестрое меню, а я не спешу отвечать на вопрос, состроив вымученную гримасу. — Вы познакомились на конференции, — утверждает она, на что я только согласно киваю — По какой причине он там был?

— Он инвестор гранта, — без каких-либо эмоций отвечаю и делаю глоток воды из стакана.

— Гранта, — повторяет, задумчиво покачав головой. — Что значит гранта, Эмилия? — Лена вскрикивает, привлекая внимание посетителей. она шокировано распахнула глаза и даже не моргает.

— Джонатан Вуд — инвестор гранта точных наук этого года. Мы познакомились на конференции, — повторяю подруге размеренным голосом, наблюдая за ее растерянным видом.

— Эмилия, — пищит она, — я назвала его «высокомерным кретином» прямо в лицо, ты помнишь? — закрывает ладонями розовые щеки, подняв из-под ресниц смущенный взгляд.

— Да, и ты была права, Лен, — не могу сдержать смех, вспомнив мину Джонатана на слова подруги.

— О Боже, — протягивает она, — поэтому Алан начал ржать? — ее щеки стали багровыми, но на накрашенных блеском губах появилась улыбка.

— Да, мне было неловко в этой ситуации.

— Тебе было неловко? — Лена наиграно шлепает меня по плечу, и, опершись локтями о край стола, подпирает подбородок.

— Ты ударила меня второй раз за день, — тру место ушиба и обиженно выпячиваю губу.

— Ты заслужила это, Эмилия Шварц, — откидывается на спинку стула, — и Алан тоже. Я прибую его.

— Он не знал. По крайней мере, мне так показалось.

Поднимаю руку, привлекая девушку-официантку, которая натирает столешницу за небольшой барной стойке. Предвкушая скорый обед, живот громко заурчал от голода.

— Ты говорила, что порвала с ним? — подруга принимает серьезный вид, что не предвещает спокойной трапезы.

— Порвала. Еще я сказала, что это было ошибкой, Лен.

— Но ты сказала, что действительно хотела *этого*?

К моему счастью нас прерывает официантка. Я начинаю нервничать от такого количества вопросов.

— Скажите, а индейка есть? — первым делом интересуюсь я.

— Да, мисс, еще есть, — девушка приветливо улыбается, рассматривая сосредоточенную на мне рыжеволосую подругу.

— А тыквенный пирог?

Она утвердительно кивает в ответ, откинув назад темные волосы, заплетенные в тугую косу.

— Тогда две порции индейки с картошкой, две порции тыквенного пирога и два бокала любого красного полусладкого, — диктую девушке, а она черкает ручкой в своем маленьком блокноте.

— Эмилия, — требовательный голос напротив заставляет оторвать взгляд от расставленных на деревянной полке разноцветных курочек, — ты хотела его или секс с ним?

— Есть разница? — поднимаю уголки губ в дурацкой улыбке, а она придвигается ближе, сканируя меня прищуренным взглядом. — Я хотела его во всех аспектах, — признаюсь впервые себе, да еще и озвучиваю подруге. Сердце подсказывает, что я буду жалеть об этом.

— Тогда в чем проблема? — непонимающе смотрит на меня, подняв вопросительно брови.

— У меня есть Алекс и Ева. Я не собираюсь калечить семью из-за того, что мне что-то показалось.

— А если это твоя судьба, Эмми?

— Лен, — выдыхаю, — моя судьба ждет меня дома. И то, что я сделала, ничего не изменит, поверь. Мой поступок ужасен, — говорю я. Но почему-то жаль, только на словах.

— Ужасно то, Эмилия, что ты лжешь себе. Я не оправдываю твое поведение. Несомненно, ты поступила нечестно по отношению к Алексу, но, если ты решилась на это, значит, у тебя были весомые причины.

— Весомые? — иронично переспрашиваю, но не жду ответа. — Я была одурманена каждым его касанием к телу, каждым поцелуем и взглядом. Он вызвал во мне неистовое возбуждение, от которого я чуть не сошла с ума. И ты говоришь, что это весомые причины? Это банальная похоть!

Парень, сидящий через несколько столов, обернулся и подмигнул нам, на что мы обе соорудили недовольные гримасы.

Жадно отпиваю половину бокала. Нужно было заказать бутылку.

— Да-а-а, — протягивает подруга, — все намного серьезнее, дорогая. Ты влюблена в

этого кретина!

Хочу ее стереть взглядом, но сердце бьется учащенными ударами, будто подтверждая слова подруги.

— Спасибо, вы вовремя! — обращаюсь к официантке, которая удивленно косится на меня и расставляет блюда. — Еще два бокала, пожалуйста, — указываю на пустые емкости.

ДЖОНАТАН

— Куда едем, мистер Вуд? — спрашивает Стивен, когда я тянусь за припрятанной бутылкой виски под сиденьем.

— На Манхэттен.

Открыв ее, делаю пару глотков, а Стив сосредотачивается на дороге, словно я сказал ему точный адрес.

Скидываю уже в сотый раз звонок мамы. Эта женщина доконает меня, и тогда я за себя не ручаюсь. А отец? Такого удара под дых я не ожидал. Он все мог решить со мной. Хотя бы поинтересоваться моими мыслями на этот счет. Возмущенно бурчу себе под нос, снова отклоняя вызов мамы.

Есть ли смысл быть влиятельным бизнесменом, главой компании с увесистым счетом, если я не могу влиять на собственную жизнь? Мне приходится прогибаться под мнением общественности и влиянием семьи. Это даже не вопрос, а чушь, засевшая в голове.

Еще год.

Один год может изменить многое: кому-то подарит жизнь или разрушит мою, которую хотел изменить, начав с развода с Лили. В этой змее может находиться мой ребенок или...

— Сука! — давно хотел выругаться вслух.

— Мистер Вуд, все в порядке? — водитель встревожено смотрит на меня в зеркало.

— Отлично. Только не трахай мою жену, — все также бормочу себе под нос.

— Простите, мистер Вуд? — Стивен шокировано округляет глаза и сбрасывает скорость.

— Не отвлекайся.

Снимаю галстук и выкидываю мамин подарок в окно. Делаю несколько глотков, замечая, что по телу разносится тепло и спокойствие.

Как с ней.

Хмыкаю на возникшее в голове нелепое сравнение, чем снова привлекаю внимание Стива.

Через некоторое время замечаю, что мы подъезжаем к мосту Куинсборо¹³. Никогда не понимал живущих на Рузвельт Айленд¹⁴. Слишком тесно здесь.

— Простите, — неуверенно обращается водитель, — едем на Парк-авеню или Уолл-стрит?

Выбор невелик. Улыбаюсь сам себе.

— Ну, кто же работает в такой праздник? — хлопаю по плечу Стивена, отчего он дергается от неожиданности на сиденье. — Нервы у тебя ни к черту, парень. К мисс Шварц, пока я не передумал.

Больной придурок.

Надеюсь, она дома. Хотя вряд ли захочет видеть после случившегося. Хотела уйти от меня, но я не отпускаю. Рано. Эмилия будет моей, как я и говорил.

Через год.

Я испорчу девчонке жизнь своей жизнью, но другого выхода нет. Зацепила и осталась в

моем сердце, закрепив это пронизывающими до костей стонами.

Позже я все ей объясню. Возможно, не сразу, но она поймет меня. Даже если этот ребенок будет моим — развод все равно состоится. Ложь и предательство я простить не смогу. К тому же чувств к Лили, будто и не было.

Чертов брак.

Отпив еще пару глотков, закрываю бутылку и кладу на место. На очередной звонок, заново мать в черный список, коварно улыбаясь.

— Мистер Вуд, посмотрите в окно. Это не мисс Шварц? — Стивен указывает на идущих девушек по тротуару.

Рыжеволосая что-то рассказывает и возбужденно жестикулирует руками в воздухе, тогда как идущая рядом хрупкая девушка с развевающимися по ветру волосами заливисто смеется. Я не видел ее такой простой, раскрепощенной и легкой. Здравый смысл подсказывает оставить Эмилию в покое, уйти и не возвращаться. Но сердце велит оставить себе, утопить в своих мечтах.

— Стивен, остановись возле дома.

Слегка сползаю по сиденью, чтобы она меня не увидела в окно. Не хочу испортить сюрприз.

— Мистер Вуд, окна тонированные, — нерешительно замечает водитель мою попытку законспирироваться.

— Я знаю, — холодно отрезаю. Расправляю плечи, этим не давая заподозрить, что я ослеплен мисс Шварц.

Паркуемся напротив входа в кондоминиум. Я, покидая салон автомобиля, закрываю дверь Lincoln¹⁵.

Глава 18

*«Трудно сказать, на что способен человек,
одержимый страстью.*

«Страсть не подчиняется логике»

©Сид Али, сериал «Клон»

ЭМИЛИЯ

Вспоминаю с ужасом прогулку в несколько миль, хоть и с перерывом на вкусный обед. Уже виднеется порог дома, где расположена квартира, и я хочу поскорее принять душ и укутаться в теплое одеяло, чтобы проспать до обеда завтрашнего дня.

Мне стало намного легче после нашего с Леной разговора. Некоторые переживания улетучились в словах поддержки подруги. Конечно, остались темы, которые мне удалось избежать. Я не готова открыться кому-то полностью, ведь сама путаюсь в своих мыслях и желаниях.

— Ты когда-то могла представить, что мы окажемся тут, в городе из фильмов? — спрашиваю подругу и вдыхаю свежий воздух, наполняя им легкие, когда мы останавливаемся в нескольких метрах от нашего входа.

Осматриваю от фундамента до крыши дом из красного кирпича, в котором мы живем. Замечаю, что железная лестница, перечеркивая весь фасад, придает ему некую романтичность.

— Я не могла представить, что закончу аспирантуру, а ты о Нью-Йорке, — со смешком отвечает подруга и останавливается рядом, устремляя взгляд на кондоминиум.

— Я никогда у тебя не спрашивала, но почему в самолете ты сказала, что обязана найти тут мужа? — улыбаясь, вспоминаю нашу первую встречу с Леной в аэропорту Шарль де Голль в Париже.

— Ну, это я утрировала. Эмилия, у всех есть скелеты в шкафу, и я не исключение. Хотела выбить клин клином, — театрально вздыхает и переводит на меня осторожный взгляд. — Мы обязательно поговорим об этом, как только ты решишь одну *проблему*, — загадочно улыбается, в ответ я лишь удивленно прищуриваюсь. — Посмотри назад, — кивает в направлении дороги, кого-то приветствуя.

Опершись плечом о дерево, мистер Вуд пытается поправить непривычно взлохмаченную прическу, причесывая пятерней волосы. Но непослушная темная прядь все равно падает ему на лоб. Под черным пальто виднеется белоснежная рубашка, расстегнутая на несколько пуговиц, а по выражению его лица не могу разобрать: рассержен он или напряжен.

— С Днем благодарения, — как-то странно произносит, словно мы напросились на его внимание.

— Я оставлю вас, — шепчет мне подруга и поднимается по ступеням.

Темп сердца увеличился до максимума, отбивая волнительными ударами в ребра. А дрожь по телу не дает сделать даже пару шагов, заставляя стоять на месте и смотреть в нахмуренные глаза Джонатана.

— Эмилия, — нерешительно произносит, будто что-то обдумывая.

— Я не думала, что увижу тебя снова, — зачем-то говорю, не сводя с него глаз.

— Значит, я тебя разочаровал? — устало улыбается и делает несколько шагов ко мне.

Разве американцы не собираются в этот день с семьей?

— Зачем ты приехал, Джонатан?

Подходит ближе, шаг за шагом. Пытаюсь представить, что у меня суперсила, с помощью которой могу остановить его взглядом, потому что другие части тела попросту не слушаются.

— Ты пьян? — разочаровано спрашиваю, когда улавливаю запах алкоголя.

— Если я скажу, что пьян тобой? — лукаво улыбается, не предвещая ничего хорошего.

— То я скажу, что ты перечитал романы, — заключаю я, сдерживая улыбку.

— Я не читаю романы, — проводит легонько пальцем по моей щеке. — Только отчеты отделов компании, биржевые и финансовые новости, — спокойно отвечает, проникая взглядом внутрь меня.

— Ты очень деловой человек, мистер Вуд.

Рассматриваю еле заметные морщинки возле глаз, когда он улыбается.

— Хочу забрать тебя с собой, — шепчет почти в губы, обволакивая разум бархатистым тембром.

Слышу отголоски здравого смысла, который хочет поднять бунт и призвать меня к ответственности, но сердце блокирует его, полностью отключая мыслительную функцию.

— Эмилия, — притягивает к себе, зарываясь пальцами в волосы на затылке. — Я могу это сделать?

Требуется некоторое время, чтобы понять услышанное. По телу пробегают знакомые мурашки, заставляя вибрировать все клетки тела от полученных от него импульсов.

— Только ненадолго, — прошу его, улавливая знакомый запах, сдобренный алкоголем.

Пусть это будет самой большой ошибкой в жизни, но я поступлю так, как велит сердце.

Он будет моим хотя бы на время, которого нам дали катастрофически мало.

Джонатан притягивает за талию ближе. А я, закинув руки на его шею, сильнее прижимаю к себе, на что слышу облегченный вздох, который заставляет меня улыбнуться. За такой короткий срок Джонатан Вуд стал для меня чем-то новым, ярким и болезненно родным.

ДЖОНАТАН

Открываю дверцу автомобиля, протягивая руку мисс Шварц. Она молча, как практически и всю дорогу, кладет свою теплую маленькую ладошку на мою ладонь и с любопытством осматривает подземную парковку. Зажимаю ее руку сильнее и веду к лифту, тогда как мое дыхание становится тяжелее в предвидение возможных событий.

— Мистер Вуд, — слышу голос Джеймса и быстро приближающиеся шаги. — Сэр, Аделаида передала, — протягивает бумажный пакет. — С Днем благодарения, — тепло приветствует Эмилию, а у меня перехватывает дыхание, и я прищуриваю взгляд. Похоже, я становлюсь параноиком.

Заглядываю внутрь пакета, где в пластиковые контейнеры упакована еда. Святая женщина.

— Джеймс, в апартаменты никого не впускать и не беспокоить по пустякам. Если ты можешь принять решение в ситуации, у тебя есть все полномочия, — даю ему наставления и перевожу взгляд на растерянную девушку, беспокойно сжимающую мою ладонь.

Двери лифта открываются. Мы входим в слишком тесное пространство для нас двоих, где железные серые стены еще больше «сдавливают» маленькую площадь. Я не могу сопротивляться, осознавая, что она всего лишь на расстоянии вытянутой руки. Опершись о противоположную стену, склонив голову на бок, пронзительно смотрит глазами цвета кофе. Мне достаточно ее прерывистого дыхания, чтобы потерять контроль, который удерживал меня всю дорогу до Парк-авеню.

В один шаг преодолеваю расстояние между нами и утыкаюсь носом в ее волосы, одной рукой подтягивая к себе вплотную, а другой все еще удерживая пакет. Делаю несколько беглых поцелуев по коже перед тем, как накрыть упоительным поцелуем пухлые губы девушки. Чувствую ее мягкий язык, сладко скользящий по моему языку, желающему ее всю испробовать на вкус.

Не отрываясь от губ Эмилии, где поцелуи между нами стали более настойчивыми, придерживая, помогаю ей выйти из лифта. По инерции ставлю мешающий мне пакет на столик и обхватываю ее за талию двумя руками. Безостановочно целую, нащупываю лацканы пальто и сбрасываю его на пол с плеч девушки. Со своим проделываю то же самое, где-то между гостиной и столовой.

Желая убрать слои одежды как можно быстрее, стягиваю свитер и принимаюсь за пуговицу на джинсах, ощущая под пальцами бархатистую теплую кожу. Проникаю двумя руками под ткань, грубо сжимая ягодицы. Эмилия тяжело вздыхает прямо мне в губы. Она пальчиками перебирает пуговицы, освобождая их из прорезей на рубашке. Прикасается ладошками к моей груди, вздымающей от слишком учащенных ударов.

Рубашка сминается под нашими ногами, а запонки звонко ударяются о пол, разлетаясь в разные стороны спальни. Запускаю пальцы в волосы Эмилии, слегка оттягиваю их на бок и прохожусь поцелуями, нежно покусывая шею и ключицу. Не спеша спускаюсь вниз к виднеющейся части груди из белого бра.

Расстегиваю одной рукой на спине застёжку и отбрасываю его в сторону, оголяя полную грудь с затвердевшими сосками. Жадно целую ее, а рукой забираюсь под джинсы, пробираясь пальцами под тонкую ткань, прикрывающую нужные участки ее тела. Отодвинув трусики в сторону, могу ощутить, насколько она хочет меня.

Укладываю Эмилию на кровать, покусывая нежную кожу. Медленно спускаюсь к животу, на что она не сдерживает томный стон, прогибаясь на простынях. Стягиваю с нее джинсы и задерживаюсь на несколько секунд, осматривая девушку, одетую лишь в полупрозрачные трусики. От этого вида кровь бешено бурлит по венам, переполняя возбуждением.

Скинув брюки, возвращаюсь к мисс Шварц, которая встречает нетерпеливыми объятиями и глубоким поцелуем. Разрываю его, спускаясь к так беспокоящему меня участку Эмилии. Делаю несколько касаний губами через последнюю оставшуюся ткань. Взамен получаю одобрительные протяжные стоны, что овладевают остатками моего контроля.

Сдавливаю бедра, сильнее подтягивая к себе, и вычерчиваю на возбужденном участке никому непонятные, но волнительные узоры. Слышу учащенное дыхание и стоны, разносящиеся по спальне. Не в силах больше сдерживаться подтягиваюсь на локтях выше. Слышу разочарованный вздох, который перехватываю губами.

Эмилия с силой отталкивает от себя. Она переворачивает меня на спину. Забравшись сверху на мои бедра, касается возбужденной плоти. С рыком усаживаюсь и подтягиваю ее ближе к себе. Привстает и с протяжным стоном наполняет себя мной. Ее плавные движения, не имеют ничего общего с нашим первым сексом. Мы наслаждаемся друг другом, соединяя наши тела в единое целое.

Под опьяняющие стоны Эмилии, укладываю ее под себя, жадно сминая губы и увеличивая темп толчков. Понимаю, что нахожусь на грани и мое имя на ее губах последнее, что я слышу перед ярким наслаждением, наполняющим наши тела.

— Ты нужна мне, — говорю в губы, все еще учащенно дыша.

Глава 19

*«Невозможно увидеть новые берега,
не отплыв от старых»*

©Андре Жид

ЭМИЛИЯ

Находиться в объятиях Джонатана довольно странно, как и то, что мы лежим абсолютно голые на кровати в его апартаментах. Безмолвно осматриваю пространство комнаты, выполненное в темных оттенках. Полуночно-синие стены и черные бархатные шторы напоминают начинающийся шторм, затягивая в океанскую пучину и преграждая солнечный свет. Но мое тело, находящееся в крепких руках, спокойно скользит по водной глади сквозь высокие волны к так необходимому спасению.

— О чем думаешь? — тишину, нарушает слегка хриплый голос Джонатана.

Он лежит сзади меня, уткнувшись носом в волосы.

— О том, что твои стены похожи на волны океана.

Пытаюсь уловить боковым зрением его выражение лица. Джонатан сильнее прижимает к своему горячему телу, заставляя закрыть глаза от приятных прикосновений.

— Хм, интересное сравнение. Возможно, поэтому я выбрал этот цвет, когда увидел

палитру. Океан всегда заставляет меня остановиться. Однако мне не часто выпадает такая возможность: бродить по берегу, наблюдая за скатывающимися волнами. Или просто сидеть на песке и смотреть на горизонт, где скрываются корабли.

— Ты романтик, мистер Вуд, — переворачиваюсь в его руках, встречаясь с довольной улыбкой, — и сейчас совсем не похож на «кретина», — с нескрываемым смехом говорю я, окидывая взглядом умиротворенного мужчину, замотанного в одеяло.

Успеваю только ахнуть, как Джонатан оказывается сверху, вдавливая меня в матрас.

— Тебя это забавляет, мисс Шварц?

Он сильнее надавливает бедрами и оставляет быстрый поцелуй на губах.

— Совсем чуть-чуть. Возможно, ты не такой, как показался в первую встречу.

Улавливаю, как по телу пробегают непокорные разуму разряды от его теплых пальцев, которые скользят вверх по бедру.

Мне хочется снова оказаться в зеленом омуте, нырнуть с головой. Но его помутневший взгляд вынуждает надрывно вздохнуть и мысленно забросить спасательный круг.

— Ты выглядела волнительно в деловой одежде. Она обтягивала каждый дюйм твоего тела, и этим притягивала встревоженные взгляды мужской половины, — он очерчивает мои изгибы, скользя по коже подушечкой пальца.

Джонатан накрывает ртом мои возбужденные соски, по очереди лаская их и покусывая. Я прогибаюсь на простынях, наслаждаясь каждым его движением.

— Джонатан, — его имя вырывается стоном, больше похожим на мольбу.

Проникнув порывистым движением, упирается до основания. Нахожу его губы, слегка прикусывая, и закрываю от удовольствия глаза. Мои бедра улавливают заданный им ритм, приподнимаясь на каждом толчке...

Я хочу еще. Глубже до болезненных ощущений и спазмов. Кладу руку на его ягодицу, сильнее прижимая к себе. Ощущаю, как по телу горячей пульсацией проносятся волны, устремленные в одном направлении. Глубокие проникновения приводят нас к быстрому наслаждению, что разносится по бурлящим венам.

— Прости, — ощутив металлический привкус во рту, осматриваю прикушенную мной губу Джонатана.

— Я готов терпеть это, если ты каждый раз будешь так плотно сжимать меня.

От смущения хочется спрятаться под одеяло, хотя пару минут назад не могла контролировать себя, растворяясь в охватившем меня удовольствии.

— А сейчас душ и праздничный ужин, мисс Шварц, — все еще лежа на мне, целует в губы и проводит кончиком носа по щеке. В ответ я лишь согласно киваю.

Джонатан слезит с кровати и подает мне руку. Я собираю в охапку на себе простынь, прикрывая некоторые интимные зоны.

— Эмилия, — вымученно вздыхает, закатывая глаза на то, как я прижимаю смятую ткань на груди. — Дамы вперед, — дотрагивается до спины, направляя в сторону ванны. Неожиданный шлепок по ягодицам заставляет вскрикнуть и обернуться назад, встречаясь с обнаженным телом мужчины и лукавой улыбкой.

— Ты не все прикрыла этой чертовой простыней, — срывает ее, бросая на пол. Джонатан коварно блуждает глазами по моему телу. Подходит ближе, вынуждая своим проказливым видом отступить на несколько шагов назад, пока моя спина не упирается о прохладную стену.

— Хочешь сбежать, мисс Шварц? — ведет пальцем вверх между грудей, по шее, и

дотрагивается к моим губам, которые истерзаны его жадными поцелуями. Затрудненно вздыхаю, а Джонатан открывает дверь в ванну, где сразу же загорается свет.

— Проходи, — пропускает меня в комнату, — я приму душ в гостевой. Полотенца на полке. Можешь одеть мою футболку.

Джонатан делает несколько шагов к тумбе с двумя раковинами в форме ракушек и приоткрывает выдвижной ящик.

— В общем, ванна в твоём распоряжении, — удерживая мой взгляд, прислоняется к столешнице.

— Спасибо, это так любезно с твоей стороны, мистер Вуд, — фривольно улыбаюсь, окидывая взглядом пространство, где могли бы запросто вместиться спальня и гостиная из апартаментов, которые мы снимаем. В отражении зеркала замечаю пятно на ключице, которого раньше не было. Подхожу ближе, закидывая спутанные волосы на одно плечо, и недовольно хмурюсь, рассматривая красно-фиолетовую отметину.

— Прости, больше не повторится, — дотрагивается пальцами до кожи и виновато целует в доказательство греха.

— Оставишь меня одну? — прошу его.

Возможно, мой вопрос звучит некорректно, но мне сейчас необходимо побыть в одиночестве. Кивнув в знак согласия, Джонатан скрывается за дверью, оставляя меня наедине с мыслями в ослепительно белой комнате.

ДЖОНАТАН

Наспех принимаю душ. Надеваю первую попавшуюся футболку и штаны. Может, нужно предложить ей что-то взамен порванного белья? Открываю несколько ящиков и, к сожалению, не нахожу альтернативы в черно-белом арсенале домашнего гардероба. Или к счастью? Меня все еще беспокоит полуэрогированная часть меня, которая жаждет продолжения. Это постоянное возбуждение не дает трезво мыслить. Как можно вообще мыслить, если Эмилия принимает ванну или душ практически за стеной?

Забрав Эмилию, я долго думал, куда ее привести. В свою студенческую квартиру в Трайбека или на Парк-авеню? Сюда однажды я привел Лили. Здесь ничего не осталось от нашей с ней прежней жизни. Я заменил все: от настенного покрытия и столовых приборов до системы охраны, и водителей. Это место стало моим убежищем, расположившись на восемьдесят четвертом и восемьдесят пятом этажах. Даже моя неприязнь к жене не побудит расстаться с этим великолепным местом.

По пути в спальню собираю разбросанные вещи и складываю их горкой на кресле возле окна. Смотрю на часы: почти семь. Время открывать шторы, где за стеклом уже давно появились разноцветные огни.

Обернувшись на тихие приближающиеся шаги. На секунду замираю. Осматриваю девушку с влажными волосами и одетую в мою серую футболку. Кофейные глаза, взглядом проникнув в меня, не оставляют шанса на спасение, сразу же смешиваясь с кровью и распространяясь по телу. Я не думал, что мои чувства к ней могут оказаться сильнее...

Делает несколько неуверенных шагов босыми ногами и ровняется со мной, переключаясь на вид из окна. Примерно также я выглядел, когда впервые оказался тут, в еще недостроенном здании. Осознание высоты небоскреба, дает ощущение уникальности и бешеного скачка адреналина, который перехватывает дыхание. Четыреста двадцать метров над землей, и ты можешь полностью увидеть Манхэттен, как на ладони, или просто почувствовать себя призрачно свободным. Остров безусловно красив с высоты, но

высокомерно безразличен на земле

— Там внизу Центральный парк, — указываю на отдельно освещенные участки. — Это река Гудзон. Вот там вдалеке залив, — перемещаю руку левее, где на черной глади сверкают разноцветные отражения зданий, стоящих рядом.

Восторг в ее глазах тешит мое самолюбие от понимания некоторой эксклюзивности в жизненных возможностях. Закрываю девушку в объятия, опуская руки на талию, и нежно целую в пухлые губы. Желая оставить ей теплые воспоминания от этого вечера.

Глава 20

*«Стоит ли тревожиться о том,
чего еще не случилось?»*

©Теодор Драйзер «Финансист»

ЭМИЛИЯ

Внимательно наблюдаю за Джонатаном, который суетится на кухне, словно домохозяйка со стажем. Перебрав кухонную утварь, достает необходимые тарелки и столовые приборы. Вынимает из бумажного пакета стопкой сложенные контейнеры, через прозрачный материал которых можно рассмотреть упакованную в них еду. Все мои попытки помочь, остались без успеха. Джонатан усаживал меня обратно на высокий стул, усмиряя наигранно-угрожающим взглядом.

Делаю пару глотков красного вина, и, подперев голову рукой, изучаю мужчину со всех сторон, не пропуская ни одного движения. Еще пару глотков приводят меня к выводу, что футболка, обтягивающая мышцы, лишняя. Если ее снять, то можно снимать рекламу пижамных штанишек, что низко сидят на его бедрах.

— Мы останемся голодными, если ты так дальше будешь смотреть на меня и гладить пальчиками ножку бокала.

Перевожу взгляд с мускулистых рук, ловко раскладывающих подогретую еду в тарелки, на остроконечное лицо с опасно блестящими глазами. Попавшись на «горячем», чувствую, как под его рентгеновским взглядом щеки окрашиваются румянцем. Спрыгнув со стула, обхожу разделяющую нас мебель. Джонатан, крепко удерживает кухонную лопатку, выкладывая картофель.

— Эмилия...

Не даю Джонатану закончить, нерешительно дотрагиваясь до плеча. Ощущаю, как напрягаются его мышцы под тонкой тканью от моих прикосновений. Не знаю, что на меня нашло, но домашний вид мистера Вуда не на шутку вскружил голову. А пленительно будоражащий взгляд заставил кровь шумно переливаться по венам.

Кладет лопатку на черную столешницу, отражающую нас словно в зеркале, и поддевает пальцами мой подбородок. Джонатан за считанные секунды накрывает уста глубоким чувственным поцелуем, от которого все стягивается знакомым сладостным узлом внизу живота. Прижимаю его к себе за талию, а Джонатан пропускает мои все еще влажные волосы сквозь пальцы...

Окутавшая нас греза прерывается звуком духовки. Отстранившись от него, оставляю несколько быстрых поцелуев на губах Джонатана перед тем, как повернуться в сторону «разлучницы». Улавливаю шумный разочарованный вздох мужчины за моей спиной, на который довольно улыбаюсь. От аромата еды предательски урчит в животе.

— Да, Аделаида лучшая в приготовлении традиционной индейки и тыквенного пирога, — одобрительно заключает он, услышав оповещение моего голодного организма.

— Еще одна жена, мистер Вуд? — с сарказмом спрашиваю я.

Ласково произнесенное им женское имя больно режет не только слух. Джонатан весело улыбается. Он делает несколько шагов ко мне, стоящей с индейкой в стеклянной форме для запекания в руках.

— Это моя няня, мисс Шварц, — серьезно говорит он, а я на его реплику реагирую нервным смешком. Отчего-то хочется съязвить об Арине Родионовне, но глядя на мужчину, понимаю, что с русским поэтом у него общего мало.

— На данный момент, конечно, я не нуждаюсь в ее опеке, как в детстве. Дели стала частью семьи и живет за городом вместе с родителями, — объясняет он.

Джонатан забирает из моих рук индейку и кивает, чтобы я не отставала. На ходу подхватываю столовые приборы и следую за ним буквально по пятам.

— И с твоей женой? — задаю, похоже, самый волнующий меня вопрос.

Проходим в просторную столовую с выкрашенными в цвет изумруда стенами. Посередине комнаты стоит большой стол с белыми мягкими стульями. На стене напротив окна, закрытого плотной шпорой, расположилась тумба, над которой висит зеркало в форме солнца в серебристой оправе.

— Нет, Эмилия, Лили там не живет, — спокойно отвечает он, ставя аккуратно на стол индейку. — Мы находимся на стадии развода — это я уже говорил.

Джонатан отходит к окну и раздвигает белоснежные шторы. В изумлении узнаю среди тысячи горящих огней три расположившихся поблизости здания: Эмпайр-стейт-билдинг, Крайслер-билдинг и Метлайф-билдинг. Панорама острова, которая несколько секунд назад привела меня в восторг, меркнет на фоне гадкого душевного состояния. Понимаю, что нахожусь в апартаментах, где жила или все еще живет его жена. Мы занимались сексом на их кровати, и я принимала душ, где, наверняка, это тысячи раз делала она, *Лили*. То, что мы сделали, достигнет нас, заставив расплатиться сполна.

Молча сервируем наш праздничный ужин: я расставляю тарелки и бокалы, а Джонатан несколько раз ходит на кухню за блюдами, которые приготовила Аделаида. Он разливает вино и зажигает свечи в серебристых подставках, создавая этим более уютную атмосферу. В завершении Джонатан целует меня в щеку и садится во главе стола, тогда как я размещаюсь по правую руку от него.

— С Днем благодарения, Эмилия, — спокойно произносит, поднимая бокал. Наблюдаю за настороженным взглядом Джонатана и легонько ударяю о его хрусталь.

— С Днем благодарения.

В своей жизни я совершила немало ошибок, но далекий голос разума подсказывает, что эта будет нести разрушающий удар.

ДЖОНАТАН

— Все хорошо? — интересуюсь, чувствуя между нами возникшее напряжение, а Эмилия смотрит своими глазами цвета темного кофе, кивая в знак согласия. — Если хочешь что-то знать, просто спроси, — ободряюще кладу свою руку на ее, крепко сжимающую вилку.

Понимаю, что сам скрываю *некоторую* деталь, касающуюся моего развода, но ничего с собой поделаться не могу. Боюсь спугнуть этим Эмилию.

— Все в порядке, — натянуто улыбается, уверяя меня в обратном. Могу поклясться, что вижу отчаяние в ее взгляде.

— Тогда давай попробуем индейку, — предлагаю первое, что приходит на ум, а после осознаю всю нелепость сказанного.

Отрезаю несколько кусков мяса, один из которых кладу на тарелку Эмилии.

— Почему ты не со своей семьей? — неуверенно произносит она, разрезая мясо на более мелкие кусочки.

Сказать честно, я не рассчитывал услышать от нее этот вопрос.

— Ну, — глотаю сочную индейку, — мы не пришли к консенсусу в некоторых вопросах, и поэтому мне пришлось покинуть их. Хотя я предполагал, что этим все обернется.

— Почему ты приехал ко мне? — спрашивает, улавливая мой внимательный взгляд.

— Я, словно корабль после шторма, который находит тихую гавань возле тебя, — осматриваю лицо девушки, на котором появляется тень улыбки. — Но я еще не разобрался: подарок ты или рок судьбы? — мягко улыбаясь, перекидываю на другое плечо волнистые волосы Эмилии, где за ухом замечаю надпись в виде буквы «Е». — Татуировка? — провожу по ней пальцем, будто пробуя на ощупь. На это безобидное прикосновение Эмилия заметно напрягается.

— Да, — твердо отвечает и перекидывая волосы обратно. Она быстро закрывает этот участок кожи от моих любопытных глаз.

— И что она обозначает? — с интересом спрашиваю я.

В груди появляются из ниоткуда нити тревоги, отравляя мое сознание.

— Первая буква имени, — коротко поясняет она.

Понимаю, что продолжения нашего натянутого разговора не будет. Меня настораживает смена ее настроения и поведения. Может, эта татуировка память о близком ей человеке? Или бывшем? Предстоит это выяснить...

— Мистер Вуд, извините, это срочно, — в дверях появляется запыхавшийся Джеймс.

— Прости, — оставляю быстрый поцелуй на губах Эмилии и выхожу из комнаты. — Что случилось? — недовольно сверлю глазами мужчину, который ворвался среди ужина.

— Мистер Вуд, здесь ваша жена. Миссис Вуд требует, чтобы мы пропустили ее наверх, — шепчет Джей, искоса поглядывая на Эмилию. — Мы не можем применить силу к вашей беременной супруге, — растерянно смотрит на мое каменное лицо. Прекрасно, уже все об *этом* знают.

— Передай ей, что я сейчас спущусь.

Обдумываю, что могло сюда привести Лили. Это совсем не свойственно ей, а она уже ищет встречи второй раз. Я не думаю, что даже ее положение вынудит так переступить через себя.

— Эмилия, мне нужно оставить тебя на некоторое время, — говорю ей на ухо. Она стоит с бокалом у окна. Прижимаю спиной к себе и смотрю в том же направлении.

— Джонатан, я не хочу оставаться здесь одна, — просит она, заметно напрягаясь.

Эмилия хочет развернуться в руках, но я удерживаю ее за талию в исходном положении.

— Ты не одна. К тому же я всего лишь спущусь вниз на парковку. Ты не успеешь заскучать по мне, — целую в макушку и быстро выхожу из столовой, оставляя девушку наедине с островом.

По пути натягиваю джинсы, будь они неладны, которые сидят на мне как влитые. Надеваю реглан и обуваю первые попавшиеся ботинки. Спускаюсь на лифте, крепко стиснув телефон в руках. Сегодня прям день сюрпризов.

— Руки убрал! — слышу недовольный голос Лили из-за перегородившей ей путь

охраны. — Джонатан, убери своих псов! — требует она, пытаясь прорваться между ними. Когда подхожу ближе, парни расступаются, пропуская меня к жене.

— Что тебе надо? — решаю обойтись без предисловия, но замечаю, что Лили пьяна и еле стоит на ногах. Машинально поправляю соскользнувшую шубу с ее плеча и придерживаю за локоть. Но она скидывает мою руку, недовольно скрещивая руки на груди.

— Тебя вообще не волнует твой ребенок, Джонатан, — тыкает мне в грудь пальцем. — Ты меня опозорил, когда феерично сбежал с семейного праздника. Теперь все будут это обсуждать, — предъявляет свои претензии миссис Вуд, а я открыто смеюсь на ее аргументы.

— О нашем разводе знают все, причем давно. Ты не читаешь местную корреспонденцию? Дорогая, ты не о том переживаешь. Носишь под сердцем ребенка и даже не знаешь от кого он, но считаешь, что имеешь право предъявлять мне требования. Лили, мы разводимся в любом случае. Мое отношение к тебе не изменилось, поверь! Я все также призираю тебя и твой поступок, — выливаю на нее все, что думаю.

Хлопок по щеке, заставляет схватить эту суку за горло, несильно сжимая пальцы на тонкой шее.

— А где же был ты, когда Фин трахал меня? — ядовито шипит, а я сдавливаю захват сильнее. — На очередной встрече? На деловом ужине? Конференции? Переговорах? Где ты был, когда я завтракала, обедала и ужинала одна? Где ты был, когда мне нужна была твоя защита от отца?

Ее скатывающиеся слезы по щекам заставляют разжать руку, хмыкнув в ответ.

— Не ответишь? Потому, что сказать нечего. Ты наигрался в заботливого мужа за несколько месяцев, а потом оставил все на самотек, уверенно считая, что я буду ждать тебя дома в моменты твоего снисхождения, — на одном дыхании выдает Лили, прислонившись к дверце автомобиля, и удерживает руку на еще плоском животе.

— Это не меняет сути, — спокойным тоном, насколько позволяет обстановка, начал я. — Ты нанесла мне удар в спину самым подлым и низшим способом. Ты прекрасно знала, что в компании были проблемы, и требовалось все внимание. Но вместо поддержки ты отвернулась от меня, окунувшись в свою светскую жизнь. Что-то я не припомню, чтобы последние полгода заставлял тебя в нашей кровати. Своим одиночеством ты называешь постоянные тусовки и именитые приемы?

Этот бессмысленный разговор вызывает во мне бурю негатива.

— Первое время я ждала тебя...

— Ждала? Не смейся, — перебиваю ее и подхожу почти вплотную, улавливая знакомый парфюм. — Ты уже тогда была увлечена тем парнем из Брауна.

— Как ты...

— Узнал? — снова перебиваю ее, желая поскорее закончить и вернуться к Эмили. — Детектив все тщательно проверил, дорогая, — презрение в ее полыхающих гневом глазах, дает упоительное наслаждение.

— Почему ты сразу не сказал?

От жалобного вида Лили не остается и следа, что еще раз подтверждает ее фальшивую душонку.

— Наивно думал, что у нас был шанс и, казалось, я любил тебя. Знаешь, сейчас я готов перевести на твой счет положенную сумму, прописанную в третьем пункте договора, — выпалил я.

Не смог удержать себя, чтобы не уколоть ее, а точнее пригвоздить. Лили вопросительно

приподнимает бровки, но нескольких секунд достаточно, чтобы она уловила суть сказанного.

— Кто она? — придвигается ближе, не оставляя между нами и дюйма. — Она наверху, — ядовито улыбается в озарении, а я улавливаю, как от нее разит алкоголем. — Поэтому ты выставил всю охрану?

— Нет, Лили, потому, что это больше не твой дом. Тебе пора, — открываю дверцу автомобиля у нее за спиной, этим явно намекая, что ей нужно уезжать.

— Я все равно узнаю кто она. Мой адвокат свяжется с твоим, — язвительно кидает она перед тем, как скрыться в салоне.

— Джеймс, — подзываю мужчину к себе, — предупреди всех, чтобы держали рты закрытыми и при мисс Шварц не упоминали ничего связанного с Лили. Понятно?

Не дожидаясь ответа, спешу наверх, желая насладиться несколькими часами рядом с Эмилией, что остались до отлета в Италию.

Глава 21

«Объятия — божественная сила притяжения душ»

©Петр Квятковский

ДЖОНАТАН

— Генри Форд? — застаю Эмилию с книгой в руках, уютно расположившуюся на диване под торшером. Присаживаюсь рядом, укладывая ее ноги к себе на колени.

— Выбор был невелик, — пожимает плечами, намекая на скудно заставленные полки, имитировавшие библиотеку.

Неприятный осадок от встречи с Лили растворился, улавливая на себе взгляд карих глаз. Эмилия привстает, дотрагивается ладошкой до моей скулы и оставляет нежный поцелуй на щеке. Странно, того напряжения между нами, будто не было. Она выглядит более спокойно и расслабленно.

— Я могу привыкнуть, мисс Шварц.

Усаживаю Эмилию на свои бедра. Настойчиво прокладываю дорожку из поцелуев по щеке и шее.

— Боюсь, мистер Вуд, скоро мне нужно тебя покинуть. Уже поздно, — закидывает руки на шею и забирается пальчиками под воротник реглана.

— Боюсь, мисс Шварц, домой сегодня ты вряд ли отправишься. Я не готов тебя отпустить.

Плотнее придвигаюсь к ее торсу. Ощущаю через ткань аппетитную грудь, которую несколько часов назад нежно ласкал. Интересно, этот подростковый всплеск гормонов только в моем организме или Эмилия чувствует то же самое?

— Мистер Вуд, ты оставил девушку одну посреди ужина и скрылся в неизвестном направлении, — обвиняюще смотрит на меня, прищурив миндалевидные глаза.

— Теперь я полностью в твоём распоряжении и больше ничто нам не мешает, — целую шею Эмилиии, все еще помня о маленькой букве за ухом. — Продолжим наш ужин? К сожалению, он мог уже остыть.

Хотя сожаления не чувствую, полностью погружаясь в ауру Эмилиии, окутавшую меня с головой.

— Я могу угостить пирогом. Надеюсь, ты не против употребления пищи вне

столовой, — привстает и тянется к тумбе за моей спиной, демонстрируя тарелку с отрезанным треугольником выпечки и вилку. — М-м-м, — протягивает она, отправляя в рот кусочек. — Твоя Аделаида и правда великолепно готовит. Сегодня я уже пробовала пирог, но он не был так хорош, как этот, — хвалит она.

Эмилия накалывает аппетитный кусок и подносит к моему рту. Как только хочу его съесть, резко убирает вилку.

— Это нечестно, мисс Шварц. Решила подразнить меня?

Слегка приподняв бедра, даю ощутить, что задирать безнаказанно у нее не получится. Мои руки забираются под футболку, поглаживая кожу на хрупкой спине. Накрываю ее губы томительным поцелуем, ощущая сладкий клубничный привкус, и издаю что-то похожее на рычание. Расстаться с ней на неделю будет тяжелее, чем я думал. Именно столько времени у меня отнимет поездка в Венецию. Я бы хотел увезти ее с собой, но все дни расписаны буквально по минутам.

— Ты сводишь меня с ума, — отрываюсь от ее губ, только все еще сосредоточен на Эмилии.

Я думал, все эти бабочки у мужчин никогда не прилетают, особенно после тридцати. Однако эти чертовы насекомые сидели во мне, выжидая время, чтобы расправить крылья.

Сливаемся воедино в глубоком настойчивом поцелуе. Я могу ярко ощутить ее чувства, смешанные с чем-то терпким... Последнее беспокоит меня, вызывая желание оградить Эмилию от ранящих чувств. Хочу узнать о ней все до малейших подробностей и банальностей.

— Утром я улетаю, — произношу, с трудом отстраняясь от девушки. — Деловая поездка, — коротко объясняю.

Пелена, застелившая наши взгляды, рассеивается, возвращая в реальность.

— Надолго? — Эмилия прижимается сильнее, укладывая голову на плечо.

— На неделю, — глажу по шелковистым волосам, пропуская пряди волос через пальцы.

— Твой телефон, — Эмилия указывает на вибрацию в моем кармане.

Вымученно вздыхаю, вынимая из джинс «технический прогресс» современного мира. Количество звонков от мамы перевалило за полсотни и всего один от отца, два от Спенсера и сообщение от Алана. Удивляюсь, как это миссис Вуд старшая не послала никого на мои поиски. Возможно, моя фотография уже в сводке новостей. От нее можно ожидать всякое. Натыкаюсь на письмо от Николу с просьбой переслать в срочном порядке последний договор. Я бы мог переложить это на Элисон, но у нее сегодня законный выходной.

— Нужно решить кое-какие дела. Отправим несколько бумаг и вернемся к нашему занятию, — чмокаю ее в нос, получая в ответ лучезарную улыбку. Мне нужно привыкнуть к смене настроения Эмилии.

Встаю с дивана, крепко удерживая девушку на руках. Эмилия обвивает мою талию ногами и закидывает руки на шею.

Включаю лэптоп и настольную лампу, которые освещают часть комнаты мягким светом и наваленные папки на столе. На попытку встать с моих колен усаживаю девушку на место, удерживая одной рукой.

— Я буду тебе мешать, — ее дыхание касается уха, вызывая подобие волны вдоль позвоночника. — Может, принести вино?

Киваю в знак согласия, а она целует в щеку, выпутываясь из объятий.

— И захвати пирог, — кричу вслед Эмилии, которая скрывается за дверью.

Перебираю папки с документами по последним сделкам с Николу, но не нахожу нескольких важных бумаг. Это немного злит и вызывает некоторые вопросы к руководителю нашего филиала в Италии. Захожу в систему компании и пересматриваю последние отчеты финансового отдела. Сразу же обнаруживаю несколько настораживающих моментов: отсутствие регистрации договора на сервере компании и списание денежных средств без моего контроля. Достаяю со стола папку с распечатанными документами. Я помню, что все тщательно проверил перед тем, как поставить подпись. Похоже, отправка документов затянется на дольше, чем я планировал.

— Что-то серьезное?

Отрываюсь от кучи бумаг, бегло осматривая девушку. Аккуратно ставит принесенное со столовой на журнальный столик возле тахты и подходит к моему столу. Заинтересованно осматривает, как я раскладываю договоры, отчеты и чеки в хронологическом порядке: листик за листиком.

— Да, похоже, меня окружает больше лжецов, чем я предполагал.

Встречаюсь с замершим взглядом Эмилии, что настораживает. Или это побочные эффекты неудачного брака?

— Это займет больше времени, чем я говорил. Прости, — запускаю руку в волосы и пытаюсь понять, в каком направлении искать пропавшие миллионы и договор о покупке здания на Гранд-канале.

Перед тем, как предъявить обвинения, сообщив в соответствующую структуру, я должен проверить все сам. К тому же Говард Фелч не должен узнать, что у его потенциального партнера можно украсть из-под носа деньги. И, похоже, подделать документы.

— Я могу чем-то помочь? — тихий голос мисс Шварц привлекает мой подозрительный взгляд.

— Нет, детка, к сожалению, не можешь, — беру из ее рук предложенный бокал. Отпиваю небольшой глоток и отставляю его

Мне нужно сохранять ясность ума.

ЭМИЛИЯ

Устраиваюсь с книгой в руках на тахте напротив окна, за которым в свечении ночных огней вдалеке виднеется река Гудзон. Джонатан пересматривает, похоже, все имеющиеся у него дома бумаги. Иногда он что-то тихо бормочет или выкидывает скомканные листики в корзину.

Чтение отвлекает от блуждающих мыслей и сомнений в моей голове. В коем веке проснувшаяся совесть, или ранее мне неизвестный голос, подталкивает сказать ему правду. Но рассудок более настойчиво требует оставить все, как есть, и насладиться отведенными нам днями вместе. Теперь даже не знаю с чего начать этот серьезный разговор. Он был честен со мной, а я утаила серьезные факты своей жизни: мужа и дочь. И если при воспоминании Алекса я не чувствую дикого приступа раскаяния, то вспоминая дочь внутри все болезненно сжимается.

Беру телефон, и набираю незамысловатое сообщение мужу, прикрепляя фотографии, сделанные на параде Масы's.

Мужу.

Вот оно ключевое слово, которое сейчас меня должно волновать. Но, похоже, я утратила все чувства, связанные с этим человеком. И это стало беспокоить меня сильнее. Были ли

настоящие чувства между нами? Что привело нас к браку? Испытывала ли я любовь к Алексу когда-то? Есть ряд вопросов, на которые я хочу найти ответы.

Смотрю на Джонатана поверх открытой книги. Он запустил две руки в карманы и задумчиво расхаживает по кабинету. Мое сердце трепетно бьется под ребрами от переполняющих эмоций. В окутавшей разум утопии, кажется, что мое присутствие здесь более, чем нормально и нет некоторых нюансов: Алекса и Лили. Но, к сожалению, времени у нас очень мало. Остаться в его крепких объятиях, так и останется несбыточной мечтой.

— Джонатан, — зову его, желая ощутить на себе взгляд зеленых глаз, обрамленных черными ресницами.

— Прости, я испортил праздник, — подходит к тахте, присаживаясь рядом.

Обнимаю его, укладывая спиной к себе на грудь, и обвиваю ногами. Теперь наши взгляды устремлены в одном направлении.

— Это мой первый День благодарения, — целую его в щеку.

Джонатан поглаживает теплой ладонью по ноге, что действуют на меня убаюкивающе.

— Теперь я буду винить себя еще сильнее. Пожалуй, на сегодня хватит играть в Алана Пинкертон¹⁶.

Джонатан переворачивается лицом ко мне, лукаво приподняв уголки губ.

— Возможно, нам стоит заняться более приятными вещами, ведь у нас осталось не так много времени, — заигрывающе говорит он.

Джонатан даже не осознает, что его слова находятся ближе к истине, чем он думает. Подминает под себя, удерживаясь на локтях. На тахте не так много места, и я начинаю переживать за свою целостность. Если локти Джонатана съедут с краев, то он придавит меня своим телом окончательно.

— Джонатан, возможно, этот вопрос неуместен, но почему вы решили развестись?

Он удивленно вскидывает брови, замерев надо мной. А меня зеленый омут затягивает водоворотом.

— Причина не одна, но самая главная — измена Лили.

Его слова вызывают во мне удивление, которое не удастся скрыть.

— А разве мы не делаем сейчас то же самое?

— Нет, детка, это не «то же самое». Когда я встретил тебя, наши документы уже были у адвокатов, и мы давно не жили вместе, — уверенно смотрит в глаза. — Я могу простить многое, но не измену и предательство.

Стараюсь не подать виду, что эти слова, вылетевшие из его уст, больно царапают внутри.

— Вокруг меня один фарс и только ты выдергиваешь из этой реальности, давая почувствовать что-то новое и искреннее. Эмилия, ты оставила след во мне в первые секунды нашей встречи в конференц-зале. И с тех пор всегда паришь в моей голове, — искренне произносит он.

В моей груди возникает горечь, которая перехватывает дыхание и сжимает ребра. Прикусываю губу, чтобы не выдать терзающую меня правду и не дать себе горько разрыдаться.

— Ты тоже стал неотделенной частью моих мыслей, — утыкаюсь носом в его шею. — Мое тело запомнило все касания твоих рук в тот вечер в клубе и теперь мне плохо без них даже несколько секунд, — вдыхаю его запах, что так вьелся в обоняние, и навсегда будет ассоциироваться только с ним.

Джонатан, поднимается с тахты, собирает меня в охапку. Он плотно прижимает меня к груди, где барабанит сердце, и уносит на белоснежные простыни, окруженные беспокойным океаном.

Глава 22

«Чтобы завоевать доверие — нужна вечность.

Для разочарования достаточно одного мига...»

ЭМИЛИЯ

Не открывая глаза, переворачиваюсь на другой бок. Яркий свет даже через закрытые веки слепит и заставляет, поморщившись, натянуть одеяло на голову. Вытягиваю руку. Пытаюсь нащупать Джонатана, который настойчиво укутывал меня в одеяло всю ночь. Но никого не нахожу, кроме скомканной простыни и нескольких подушек.

Открываю тяжелые веки и неуверенно выглядываю из своего убежища. В комнате кроме меня никого нет. Скидываю одеяло, сажусь на постели и с любопытством рассматриваю комнату. Полуночно-синие стены, освещенные солнцем, не выглядят так мрачно, как вчера, а напоминают опаловую волну, скатывающуюся по золотому песку.

— Джонатан, — зову его, но в ответ лишь тишина.

Заворачиваюсь в одеяло, словно греческая богиня, и ступаю по темному мрамору, играющему бликами от солнечных лучей.

Из окна наблюдаю за давно проснувшимся городом. В низу, по улицам, передвигается транспорт, а в Центральном парке прогуливаются люди. Несколько небольших лодочек проходят мимо острова Свободы. Статуя женщины, облаченная в хитон, держит в руке факел, напоминая о независимости Соединенных Штатов.

Нахожу свой телефон на небольшом столике возле кресла и обнаруживаю несколько пропущенных звонков от Лены и мужа.

— Мисс Шварц, — раздается женский голос за моей спиной, от которого я дергаюсь. — Добрый день, — холодно приветствует она.

Встречаюсь глазами с женщиной, на вид которой лет шестьдесят. Она одета в черное платье с повязанным спереди фартуком. Молча смотрим друг другу в глаза. Мое сердце пытается вырваться из груди, а ее взгляд буравит во мне дыру.

— Я домработница мистера Вуда. Меня зовут Сара, — представляется женщина, нарушая видимую тишину между нами. — Мистер Вуд просил передать вам, — с нескрываемым призрением подходит ко мне, протягивая руку.

Дрожащими пальцами забираю белый конверт с переплетенными инициалами «JW». Сара выходит из комнаты, но останавливается в дверях, слегка развернувшись ко мне:

— Мистер Вуд распорядился не выпускать вас, пока вы не пообедаете. Я накрыла вам в столовой, мисс Шварц.

Вздыхаю с облегчением, когда двери закрываются за ее фигурой, и я остаюсь наедине с полыхающими щеками.

Судя по ее виду и тону, она не одобряет моего нахождения здесь. Вспоминаю, что так и хожу в завернутой простыне вокруг обнаженного тела, а на голове, наверняка, гнездо, в котором не хватает пары птенцов. Издаю звук больше похожий на скулеж. Желая провалиться на первый этаж небоскреба и незаметно скрыться от осуждающих глаз Сары.

Вытягиваю из конверта лист, аккуратно сложенный пополам. На пол выпадет

маленький белый цветок. Подцепив его пальцами, поднимаю с плитки, осторожно перекладывая на ладонь. Вдыхаю приятный аромат цветочно-древесной свежести. Он наполняет мои легкие приятным запахом, а я в предвкушении разворачиваю письмо:

«Эмилия,

Надеюсь, ты простишь меня, что оставил тебя одну этим холодным, но солнечным утром. Некоторое время я смотрел на тебя, умиротворенно посапывающую. Я так и не решился прервать твой сон, который порой вызывал на твоём лице улыбку.

Я тихо любовался разбросанными волосами на подушке, отливающими золотом в утренних лучах и истерзанными моими жадными поцелуями губами. Твоя грудь, которая слегка приподнималась от ровного дыхания, наталкивала на самые безумные мысли, которые я обязательно воплещу в жизнь по возвращению...

Твой Дж. Вуд»

— Я же говорила, что ты романтик, — тихо произношу в пустоту.

Читаю на одном дыхании еще несколько раз, прислонившись плечом к резной стойке кровати. На моем лице появляется улыбка, и я упорно прогоняю тихо подкравшуюся тревогу. Несколько болезненных пульсаций разносятся по нервным сплетениям, не давая полностью отдаться счастливому моменту.

Перед тем, как спрятать письмо в конверт, вкладываю цветок фрезии обратно. Теперь, нужно незаметно выбраться из башни, не привлекая внимание «дракона».

Мой взгляд падает на кресло, где аккуратно сложены женские вещи. Поверх них лежит небольшая розовая коробочка, перевязанная атласной черной лентой. Женский интерес побуждает заглянуть внутрь. Распускаю бантик одним движением и обнаруживаю внутри темно-синий комплект нижнего белья из тонкого шелка. Аккуратно одними пальцами подхватываю трусики за тонкие ляпочки, разглядывая со всех сторон. Они выглядят шикарно, но очень неприлично.

«Взамен порванному мною белью. Надеюсь, ты не питала к нему особых чувств. Дж. Вуд» — от руки написано на небольшой записке.

Наспех надеваю вещи и также быстро застилаю кровать. Но совершенный нами хаос не позволяет сделать это идеально. Забегаю в ванну к зеркалу и просто ахаю от растрепанного вида. Хорошо, что Джонатана нет. Привожу себя в порядок с помощью гигиенических средств и расчески, заботливо оставленных им возле раковины.

Почти на цыпочках выхожу из спальни, напоследок окинув ее взглядом, и бесшумно закрываю дверь. В коридоре, ведущем практически во все комнаты апартаментов, тишина. Нет ни малейшего намека на еще чье-то присутствие.

— Мисс Шварц, вам помочь? — голос Сары, неожиданно появившейся из ниоткуда, снова перевернул мои внутренние органы.

— Могу я попросить свое пальто? — ровным тоном прошу, несмотря на очевидную неприязнь в мою сторону.

Замечаю, что еще немного и искры из ее глаз полетят в мою сторону.

— Мистер Вуд дал четкие указания...

— Сара, — обрываю ее, на что получаю еще более ненавистный взгляд, — пожалуйста, дайте пальто.

— Как скажете, мисс, — отвечает с нескрываемой насмешкой и проходит мимо меня.

Бесшумно вздыхаю от переполняющих эмоций. Все-таки мое нахождение тут не вписывается в рамки нормального. Следую за ней, по-хозяйски передвигающейся по

апартаментам. Женщина всем видом показывает, что я всего лишь пыль, которую она ежедневно сметает дастером¹⁷ с произведений искусства и дорогостоящих предметов интерьера.

Из шкафа возле лифта вытягивает бежевое пальто и небрежно вручает мне в руки. Игнорируя ее, надеваю верхнюю одежду и нажимаю кнопку на лифте.

— Мисс Шварц, постойте, — зовет Сара.

Поворачиваюсь к ней в пол оборота, а она буквально впихивает деньги в мой карман.

— Мистер Вуд щедро платит за оказанные услуги.

Ее слова действуют лучше холодного душа, которые за считанные секунды приводят меня в чувства.

А чего я хотела, врываясь в жизнь женатого мужчины?

Захожу в лифт, разворачиваясь к убийственному взгляду женщины. Демонстративно достаю из кармана купюры и кидаю ей в ноги. Стальные двери захлопываются, опуская вниз не только мое тело, но и мечты, которым давно пора спуститься на землю.

ДЖОНАТАН

Альберто явно не ожидал увидеть меня на пороге нашего филиала в Риме. От полученного эффекта неожиданности, он упустил ручку на пол и начал заикаться, пытаясь меня поприветствовать. Моя команда, состоящая из руководителей некоторых отделов компании, складывала аккуратно на стол бумаги и папки, предварительно вывернутые охраной из шкафов и полок. Я наблюдаю за испуганным лицом сеньора Альберто Тотти, которое заметно побелело от испуга.

Усаживаюсь в любезно освободившееся для меня кресло и закидываю ноги на край отполированного стола. Переключаю внимание на самого молодого сотрудника, виртуозно нажимающего по клавишам главного лэптопа офиса. Парень имеет богатый опыт по взломам системы не только частных предприятий и компаний, но и государственных тайн, хранящихся в недрах Федерального бюро. Пришлось выложить за него крупную сумму, иначе бы гнил молодой талант в какой-нибудь тюрьме восточного побережья.

— Ну, что там Фил? — с интересом спрашиваю, когда парень вытягивает из своего рюкзака какие-то провода и неизвестную мне черную штуку.

— Босс, нужно немного времени.

Игнорирую ненавистное название своей должности и отмечаю проснувшийся в нем азарт, который втягивает его в мир программирования и шифрования.

— Мистер Вуд, — еле выговаривает напуганный Альберто, — я не совсем понимаю...

Он откашливается, послабляя серый галстук, и садится напротив кресло в.

— Что-то произошло? Я где-то допустил ошибку? — испуганно спрашивает Альберто. Мужчина бегаёт глазами по кабинету, избегая со мной зрительного контакта.

— Телефон, — киваю охране, которая отнимает его, как только Тотти вытягивает руку из кармана брюк. — Филипп, проверь и это.

Телефон скользит по столу и ударяется об угол лэптопа. Юный гений сразу же подсоединяет к нему свой агрегат с неведомыми мне функциями.

— Что вы себе позволяете? — недовольно протестует Альберто осипшим голосом.

Попытка встать тут же пресекается охраной, которая с двух сторон надавливает на его плечи, усаживая обратно в кожаное кресло. Несколько капель пота скатываются по лбу Альберто, и он стирает их мною предложенной салфеткой.

— Итак, — начинаю я, — ты сам укажешь, где искать деньги и договор на

приобретение «Palazzo de'Rubino»?¹⁸ — спокойно спрашиваю и слежу за каждым его движением и мимикой, тогда как у самого все внутри доходит до точки кипения. — Ну же, Альберто, не усложняй себе жизнь и не отнимай мое время, — мой голос становится настойчивее и в нем отчетливо различимы ноты раздражения.

— Мистер Вуд, я отсылаю вам все отчеты филиала и абсолютно все бумаги, по которым проходят сделки. Я не так давно был назначен вами на эту должность, но я компетентно выполняю свою работу и действую только на благо «HW Company», — пересохшие губы с трудом принимают формы проговариваемых слов.

— Я польщен, что ты так трепетно относишься к компании и ответственно выполняешь обязанности. Все же, твои последние печатные договоры, не были обнаружены ни на сервере компании, ни в банке, что наталкивают на самые неприятные мысли, — с прищуром сканирую заметно вспотевшего мужчину.

— Мистер Вуд, юрист лично отвозил договоры в банк на регистрацию и привез чеки, которые я вам сразу отправил, как и полученный договор о приобретении «Palazzo de'Rubino»! — он повышает голос, пытаюсь этим убедить в своей невиновности.

— Альберто, — потираю переносицу, — меня не так волнует договор, как пропажа почти четырнадцати миллионов.

— Босс, — голос Филя одергивает меня, — договор не был зарегистрирован. Утром мы запросили отчет от вашего менеджера в банке, — как-то мямлит парень, зачесывая пальцами длинную челку.

— Филипп, говори. Я же вижу, что ты не стал ждать, пока они поднимут свои задницы и доедут до рабочих мест.

На белоснежной коже парня, которая даже слегка серовата, появляется румянец, окрашивая его щеки в более живой цвет.

— Защиту нашей системы никто не смог бы обойти, — гордо выравнивает сутулые плечи, — поэтому внешне удалить его не могли. Однако внутри системы контракт вполне могли удалить. В реестре есть изменения, но я пока не могу с точностью сказать, что именно было сделано. Босс, кто-то хотел, чтобы вы думали, что его и не существовало в системе компании, — приподнимаю брови в легком недоумении. — Как и в системе банка, — немного выждав, продолжил он.

— Так куда пропали деньги? Они же не могла бесследно испариться со счета? — по очереди осматриваю озадаченные и взволнованные лица присутствующих.

— Босс, они были списаны за несколько дней до Дня благодарения. К сожалению, банком получателя зашифрованы данные адресата. И я пока не могу их взломать.

Вот дьявол!

Находящиеся у меня печатные документы, всего лишь листки бумаг, не имеющие юридической силы. Все мои претензии к банку будут просто бессмысленные. А договор с Николу находится на грани срыва.

— Куда смотрел отдел безопасности, и вы? — переключаюсь на финансового директора Кассандру, — У вас списание четырнадцати миллионов со счета не вызвало подозрение? — с сарказмом интересуюсь я.

— Мистер Вуд, но мы же знали, что проходит сделка с Венецией и к тому же на руках был договор...

— Не проверенный нашими юристами? — осматриваю женщину в деловом костюме с заметно поникшим взглядом.

— Джон, — в своей адвокатской манере вклинивается Майкл Торн, — обязательство по сделке лежало на итальянском филиале, — говорит он, перелистывая бумаги, находящиеся в коричневой папке.

— Может обязательство и лежало, но мы главный офис и ни одна сделка без нашего тщательного контроля и моей подписи не может быть совершена. Вы не выполнили свои обязанности, господа, принесли на подпись поддельные бумаги, — заключаю я. Встаю из кресла, застегивая пиджак на одну пуговицу.

— Где юрист этого офиса? — спрашиваю присутствующих. Разворачиваюсь к окну, где ярко светит солнце, а по узкой улице почти вплотную проезжают два автомобиля.

— Его должны были уже доставить, — слышу за спиной голос руководителя отдела безопасности и шуршание бумаг, половину из которых можно сжечь.

— Позвони своему другу в Бюро, сообщи о хищении. Скажи, чтобы расследование проходило тихо, без освещения в прессе, — прошу Майкла. — Альберто, вы отстранены до выяснения обстоятельств и сейчас же отправляетесь в Нью — Йорк под охраной. Кассандра, ваш отдел получит выговор и лишение премий со снижением оклада, если кто-то захочет уволиться — уволить, предварительно передав сотрудника на проверку в Бюро. Это же касается и отдела безопасности. Концу дня всем придут подтверждающие документы, — говорю ровным голосом, бегло осматривая каждого из них. — Майкл, со мной поедешь в офис Эспозито, попробуем спасти сделку.

Забираю портфель, крепко сжав в руке кожаную ручку, и по пути к выходу даю наставления охране и Филиппу. Меня беспокоит, что это провернули у меня под носом. Это, несомненно, подпортит мою репутацию. Нужно все исправить до сделки с Фелчем, иначе не видать нам партнерства и объединения влияния в сфере недвижимости.

Навалившиеся проблемы постоянно конкурируют с ночными и утренними воспоминаниями. Так тяжело я еще никогда не покидал кровать, оставляя на ней Эмилию. Недолгую ночь вдыхал ее запах, уткнувшись носом то в шею, то в волосы. Я боялся потерять мисс Шварц среди синих волн, что настойчиво пытались выбить ее из моих крепких, временами настойчивых, объятий. Всего неделя и я вернусь в свою гавань.

Глава 23

«Следует остерегаться воспоминаний.

Они — чертовски тяжелый багаж».

©Эрих Мария Ремарк

ЭМИЛИЯ

Наспех застегиваю теплый пуховик и перебегаю дорогу на последних секундах светофора. Как только мои ноги оказываются на тротуаре, за спиной срываются с места десятки автомобилей. Натягиваю шапку сильнее, как можно больше скрывая неприкрытые участки шеи и щек от промозглого ветра. Перекидываю сумку с ноутбуком через плечо и надеваю перчатки. Полностью экипировавшись, направляюсь в сторону кондоминиума.

Сегодня была моя первая проведенная лекция в Колумбийском, на которой присутствовали профессор Пейн и декан Уорен. В целом она прошла хорошо, что отметил профессор в рекомендательном письме. Однако декан нашла несколько недочетов. Сказала, что это, скорее всего, от нервов, так как мой голос заметно дрожал вначале. Студенты второго курса мне очень помогли: проявляли заинтересованность и задавали вопросы, что

создавало более живую атмосферу в аудитории. Для себя я тоже сделала вывод: моя речь не идеальна, и нужно повысить уровень английского.

Витрины небольших магазинчиков и кафешек, расположенных по пути домой, украшены изобилием рождественской атрибутики, напоминая о приближающемся празднике. В университете тоже полным ходом идет подготовка к Рождеству. В холлах устанавливаются елки, украшаются аудитории и коридоры. Так же несколько дней назад, собрав всех участников программы, декан раздала пригласительные на ежегодный Рождественский прием.

Прошло одиннадцать дней с нашей последней встречи с Джонатаном. Мне удалось провести генеральную уборку на складах в голове. Я смогла рассортировать содержимое и развесить бирки по степени важности.

За одиннадцать дней всего одно сообщение от него, в котором единственной фразой написано: *«Задержусь на дольше, чем планировал»*.

За одиннадцать дней мне пришлось смириться со своей глупостью и наивностью, ведь я с легкостью позволила Джонатану Вуду воспользоваться собой.

В тот день, покидая апартаменты Джонатана, по моим щекам спускались слезы от горького разочарования, капая на вымощенный плиткой тротуар возле небоскреба. Я даже не помню, как добралась домой и оказалась на своей кровати, свернувшись в калачик. Но после нескольких дней терзаний поняла, что случившееся изменить нельзя, а в будущем нужно не допустить повторения ошибок.

— Я дома, — кричу, снимая верхнюю одежду и сапоги.

— Ты как раз вовремя! — с кухни выбегает Лена с повязанным спереди фартуком. — Ужин готов.

— Решила испробовать очередной «простой» рецепт от Гая Фиери? — с улыбкой вспоминаю все ужины на этой неделе.

Лена задалась целью окружить меня заботой, и, похоже, забыла, что это у мужчин все лежит через желудок.

— Эй, — кидает в меня тряпку, до этого гордо лежащую на ее плече, — сегодня будем пробовать рецепт от Гордона. И я нашла то вино, которое тебе понравилось в день приезда, — озвучивает действительно хорошие новости. — Как прошла твоя лекция?

Лена становится в пол оборота ко мне и мешает содержимое кастрюли.

— Декан напишет положительные рекомендации в мое резюме. В целом, они остались довольны.

Достаю тарелки и бокалы, расставляя на кухонном острове.

— Тогда нам есть, что отметить! — торжественно говорит подруга. Лена откупоривает вино, разливая его по бокалам. — За тебя Эмилия Шварц и твою целеустремленность. Надеюсь, ты теперь прекратишь дергаться и расслабишься к следующей лекции, — намекает на мое нервное состояние в последние дни.

— Не у всех стальные нервы, как у тебя, — улыбнувшись в ответ подруге, делаю глоток и вытягиваю из сумки лэптоп.

— Вот тебе и долгожданное спокойствие, — вымученно вздыхает, наблюдая за мной. — Ты собралась работать? Эмми, у нас ужин! — ставит руки в бока, состроив обиженную гримасу.

— Я всего лишь отвечу Алексу и буду полностью твоей, — посылаю ей воздушный поцелуй, счастливо заваливаясь на диван.

Такого душевного облегчения я не чувствовала давно. Открываю входящее сообщение, которое пришло еще днем, вмещающее несколько дежурных предложений и фотографии Евы. Последнее заставляет искренне порадоваться, рассматривая слегка повзрослевшую дочь за период моего отсутствия. В свойственной Алексу манере, он не интересуется о моих делах в университете. Отвечаю мужу, включая вежливые фразы о самочувствии свекрови.

— Эми, я жду тебя! А «Боллито мисто»¹⁹ ждать не будет.

Название блюда вынуждает поднять глаза на повара.

— Хм, — подхожу к столу, заглядывая в тарелки с довольно привлекательным содержимым. — Очень интригующее название, Лен.

Как и все предыдущие ночи эта закончилась, так и не успев начаться. Я снова просидела допоздна, изучая рекомендованный профессором список пособий и статей. Периодически переключала внимание на телефон, давно не проявлявший каких-либо признаков жизни. А вскоре так и уснула с ним в руках.

Его письмо, которое уже порвалось в уголках, спрятано под моей подушкой. Я перечитываю его перед сном и как только открываю глаза утром. Каждый раз мучаю себя в догадках: была ли правда в его словах?

Снова вспоминаю слова Сары, и мой уход из апартаментов Джонатана. Его нет почти две недели. Могу предположить, что девушки у него менялись с завидной регулярностью. От этих мыслей снова накрывает душевная мука, впиваясь острыми когтями.

На автопилоте двигаюсь по небольшому магазину, беспристрастно перебирая вешалки с платьями: черное, белое, зеленое, золотое... Если честно, мне абсолютно без разницы, что на мне будет надето на Рождественском приеме, который состоится на днях.

— Простите, — окликаю консультанта.

— Чем могу помочь? — девушка очаровательно улыбается. Она подходит ко мне, расправляя невидимую складку на пиджаке с логотипом магазина одежды.

— Мне нужно платье любого цвета, консервативное. Для делового приема, — озвучиваю пожелания, желая быстрее закончить с шопингом.

— Пройдите к тому ряду, — указывает рукой на заполненные вешалками кронштейны. — Пожалуй, у нас есть для вас варианты.

Наверное, я погорячилась со своим «трауром». Предложенные варианты не плохи, если тебя ждут на поминках, а болотно-коричневый цвет напомнил о некотором периоде младенчества Евы. Выхожу с пустыми руками, поблагодарив за старания девушку.

При попытке войти в очередной магазин, врезаюсь в широкую грудь мужчины в черном костюме. Охранник перегородил мне путь, будто пес на службе.

— Мисс, предъявите, пожалуйста, вашу карту.

— Карту? — растерянно переспрашиваю, подняв вверх глаза на широкоплечего мужчину.

— Вы являетесь членом этого бутика?

Он заводит руки за спину, чем создает более грозный вид.

— Я? Нет. У меня нет карты.

Женское любопытство берет свое. Я, выглядывая из-за охраны, заглядываю внутрь фешенебельного магазина одежды с белоснежными диванами и золотыми вешалками, на которых висит коллекция от кутюр. Несколько дам расхаживают на тонких каблуках, внимательно осматривая предлагаемый товар.

— К сожалению, мисс, вы не можете войти. Отойдите, пожалуйста, — словно беспородной собачке указывает, что ей не место даже около двери.

Делаю несколько шагов от мужчины и останавливаюсь. Мое внимание привлекает блондинка с бокалом в руках. Девушка недовольно осматривает преподнесенный консультантом вариант вечернего платья. Ее закинутая нога на ногу, нервно дергается из стороны в сторону. Белоснежные волосы, крупными локонами раскиданы по черному пиджаку, а голубые глаза завораживают своей яркостью даже с десятка метров между нами. Она недовольно морщит нос и, махнув рукой с перебирающими пальцами воздух, указывает, чтобы *это* убрали с глаз долой. Ее высокомерие не сочетается сангельской внешностью. Отчего-то лицо блондинки мне кажется знакомым, хотя вряд ли мы встречались в «Target» или «Costco».

— Мисс, отойдите, пожалуйста, — повторяет охранник, как робот, заученную команду.

Образ девушки плотно оседает в голове, пока двигаюсь по направлению к другим магазинам для более земных покупателей. Переступаю порог одного из них, предварительно оглядевшись по сторонам. Исключаю присутствие секьюрити на входе, чтобы не попасть в неловкую ситуацию. Но покидаю и этот бутик, когда вижу цену на бирке микроплатья по цене хорошего автомобиля,

Решаю, что высокой моды с меня достаточно. Время для поиска есть. В противном случае, один вариант, как раз для таких целей, в моем шкафу имеется. Спускаюсь на эскалаторе, и мое внимание приковывает одетое на манекен платье. Подхожу к витрине, замороженно осматривая платье в пол с небольшим шлейфом. Это не совсем тот нужный мне вариант, но у нас любовь с первого взгляда.

ДЖОНАТАН

Опершись ладонями о перила, осматриваю тревожные воды Гранд-канала, что беспокойно бьются о небольшой причал, выложенный серым камнем. На небе повисли тяжелые тучи, которые не пропускает ни одного луча солнца, этим нагнетая и без того напряженную обстановку.

Венеция в декабре окутана серостью и промозглым ветром Адриатики. Но в то же время она прекрасна и удивительна. Фасады зданий украшены большими гирляндами, а в воздухе витает запах глинтвейна. Торговые лавки переполнены бижутерией, теплыми шарфами и изделиями ручной работы, которые рассматривают немногочисленные туристы.

Поиск пропавших денег, приравнялся к тому, что искать иголку в стоге сена. Бюро выделило достойного детектива, однако, пока не было заметных результатов. После многочисленных раздумий, мне пришлось принять важное решение: я перевел деньги с личного счета. Впервые в истории компании, я являюсь прямым хозяином недвижимости.

По собственной воле шесть дней превратились в одиннадцать. Стараюсь не думать об Эмилии, но ее образ снова и снова всплывает в голове. Иногда, мне кажется, что я схожу с ума, когда отчетливо слышу ее голос во сне. Пару раз ловил себя на мысли, что готов смириться с тем фактом, что она взяла деньги, предложенные Сарой. Я не одобряю самоуправство домработницы, когда она заплатила девушке от моего лица, но также благодарен ей, что убрала очередную пелену с моих глаз. Но все же, по приезду, рассмотрю вариант замены Сары.

Возможно, у Эмилии трудности с финансами. Несмотря на то, что преподавательский грант оплачивает стажировку и квартиру, он выделяет незначительную сумму на

проживание. Но все равно не могу смириться с тем, что она взяла деньги именно «за услуги». Должно же быть разумное объяснение.

Мне хотелось сорваться и улететь в Нью-Йорк, чтобы заглянуть в карие глаза, убедительно изображающие чувства. Пораздумав, решил оставить все, как есть, и больше не совершать ошибок, прогибаясь под очередной хорошенькой особой.

Эти дни, проведенные вдалеке ото всех, дали время все досконально обдумать. Даже волокита с документами и обязательства, наложенные креслом президента компании, меньше затуманивали рассудок, чем дома, на Манхэттене. Возвращаясь каждый вечер в номер, я погружался в абсолютную тишину. Одинок переживал в памяти время, проведенное с мисс Шварц. И каждый раз выискивал в своих воспоминаниях намек на фальшь.

— Джонатан, пора отплывать, — окликает Майкл, который все это время был готов скинуть меня в воды Венеции. Я отсрочил несколько встреч с Эспозито, желая задержаться подольше от суеты Нью-Йорка и некоторых дел, ожидающих моего решения по возвращению.

Забираюсь на борт небольшой лодки и усаживаюсь рядом с адвокатом. Он перебирает скопившиеся за одиннадцать дней в портфеле бумаги, обозначая более важные красным стикером.

— Адвокат Лили, — Майкл прерывает молчание, — прислал очень интересную корреспонденцию, Джонатан.

На мои колени приземляется желтый конверт. Вынимаю его содержимое, рассматривая очередные документы по разводу.

— Твоя жена выдвигает новые требования: хочет оспорить положенную ей сумму.

— Переведи ей деньги. Все, — спокойно, словно удав в спячке, кидаю конверт обратно.

— Джонатан, этим ты признаешь вину. Ты уверен в своих действиях?

Перевожу испепеляющий взгляд на друга детства.

— Майкл, скажи честно, ты купил диплом юриста?

Спокойно смотрю, как отдаляется причал, а за кормой бурлит вода.

— Ты в своем уме? — он пытается подобрать слова, чтобы не нарушить корпоративную этику. Все-таки, Майк работает на меня.

— Я давно не в своем уме. Именно с тех пор, как начал доверять всем вам. Переведи ей деньги и покончи с этим. Мне надоело каждый раз возвращаться к этому вопросу.

— А ребенок? — осуждающе смотрит на меня через дужку очков, которые скрывают несколько бессонных ночей.

— Если он мой, получит фамилию и трастовый фонд. Предупреди Лили, что это последняя сумма, на которую я согласен. Через год она получит именно это количество денег. Только пусть оставит меня в покое, — от усталости закрываю глаза, пытаюсь погрузиться в свои мысли, но их снова прерывают.

— Я рад, что ты готов перевернуть эту страницу в своей жизни. Ты кого-то встретил? — любопытным тоном спрашивает Майкл, а я усмехаюсь на это.

— Если скажешь, что *это* тебе нужно знать для моей защиты, полетишь в Штаты экононом классом.

Завтра ночью мы уже вернемся в Нью-Йорк. Первым делом намереваюсь навестить мисс Шварц. Все же эту главу я только начал.

Глава 24.1

«Порой, за счастье нужно бороться даже с самим собой»

©Джейн Остин

ДЖОНАТАН

Уставший от перелета, поднимаюсь в пустые апартаменты, где меня встречает успокаивающее одиночество. Долго не задерживаюсь у лифта. Прохожу к бару и тянусь к бутылке с золотистой жидкостью. Стоило переступить «порог» Манхэттена и мое настроение, находившееся во время пребывания в Венеции на отметке «удовлетворительно», рухнуло вниз также, как и фондовые биржи на прошлой неделе.

Не включаю свет, на ощупь откупориваю бутылку виски и делаю пару глотков терпкого ароматного напитка. Замираю на месте от неожиданности, удерживая стеклянное горлышко возле губ, когда ощущаю прикосновение к моему плечу. Я за малым не получил сердечный приступ. Чувствую, как сердце сделало несколько кульбитов, и упало куда-то в пятки. Но стоит мне уловить запах парфюма, летающего в воздухе, сразу узнаю незваного гостя.

— У тебя есть минута, чтобы убраться отсюда, — говорю в тишину и с трудом успокаиваю все еще барабанившее сердце.

Ставлю бутылку, которая звонко ударяется о зеркальную поверхность столешницы.

— Ну, ты же не выкинешь нас силой? — промурлыкала за моей спиной Лили.

Она заходит за барную стойку, включает подсветку бара, которая осветила пространство между нами.

— Джонатан, ты хотел, чтобы я ждала тебя. Вот, я дома. Мы дома, — демонстративно поглаживает слегка округлившийся живот через тонкий черный халат.

— Какого черта ты творишь? И кто тебя впустил? — в недоумении осматриваю жену в домашней одежде и расстегиваю пиджак, сковавший меня, будто в тиски.

— Я имею полное право тут находиться. Мы еще женаты. Джон, я пришла не выяснять отношения. Мы можем просто поговорить? — поникшим голосом спрашивает Лили.

Делаю тяжелый вздох от нехватки кислорода. Снимаю галстук и выкидываю его в неосвещенную часть комнаты. Взглядом останавливаюсь на тонкой шее Лили, в которую хочется вцепиться и душить, словно змею, что приползла снова просить пригреть ее на груди. Она смотрит своими голубыми глазами, но ее старания не пробуждают былых чувств. Лишь сознание напоминает, что в этой женщине может быть мой ребенок, который на данный момент зависим от нее.

— Говори, внимательно слушаю, — с сарказмом говорю я.

Сажусь на стул и подпираю голову ладонью, готовясь слушать очередные небылицы.

— Джон, — ставит передо мной на столешницу стакан и наливает в него крепкий напиток, — я долго думала над этой ситуацией, которая сложилась между нами и пришла к выводу: в большей степени виновата я.

— Лили, тебе выплатят всю сумму, Майкл уже распорядился.

Могу предвидеть, что ей нужно и хочу избавить себя от очередной лжи. К тому же театральное представление нужно оплатить.

— Дело не в деньгах, — безразлично отвечает она, а я задерживаю виски во рту, приподнимая брови от удивления.

— Джонатан, я действительно хочу нормальную семью вместе с тобой и нашим

ребенком. Да, я уверена, что он твой, — убедительно отвечает на немой вопрос, стоит моим глазам округлиться. — Знаю, что не заслуживаю твоего прощения. Но знай, мне стыдно и очень больно. Именно на мне лежит вина, что наши отношения разрушены. Все же прошу тебя попытаться дать нашей семье шанс. Прости меня, пожалуйста, — сквозь зубы цедит последние слова, которые даются ей особо тяжело под моим испепеляющим взглядом.

Лили подняла белый флаг, но она выглядит более опустошенно, чем я, когда увидел ее с любовником. Слова жены больше пугают, нежели внушает доверие.

— И как ты себе это представляешь? — хмыкаю в ответ, улыбаясь уголками губ. — Дадим повторные клятвы и съедемся, как ни в чем не бывало? Хотя, смотря на твой внешний вид, клятвы мы пропустим, — едко озвучиваю происходящее.

— Зачем ты так? Ты же прекрасно знаешь, что я люблю тебя.

В ответ хочется аплодировать стоя за усовершенствованные навыки актерского мастерства.

— Мне умолять тебя на коленях, Джон? Или пойти с раскаянием по каким-нибудь шоу и попросить прощения прилюдно? Что нужно сделать, чтобы ты услышал меня?

По щекам Лили скатываются слезы одна за другой, вызывая во мне раздражение. Успокаиваю себя еще несколькими глотками алкоголя.

— Какое условие тебе поставил сенатор? — поднимаю двумя пальцами ее подбородок, встречаясь с потускневшим взглядом. — Говори. Уверен, что без его участия тут не обошлось. Ну же, Лили, не молчи!

Как же я хочу покончить с интригами свекра, от которых я устал за последние полгода.

— Он сказал, что отберет все, включая ребенка, если я не верну тебя, — складывает ладони на животе, нежно поглаживая. — И обвинял в срыве кампании из-за возможного прекращения спонсирования твоей семьей. Джон, помоги мне, — запускает ладони в белокурые пряди, опираясь локтями о столешницу, — я не знаю, что мне делать. И идти мне больше некуда.

Я много раз мечтал о том, чтобы ее жизнь превратилась в ад, и всячески подливал масла в огонь. Ослепленный жалостью к своему уязвленному эго, ждал, когда она будет умолять простить ее, раскаиваться и клясться в любви. Теперь, когда смотрю, как она раздавлена и напугана, могу удовлетворить все обиды, но чувствую совершенно другое — разочарование в себе.

— Помоги, прошу, — повторяет одними губами, сжимая тонкими пальцами мое запястье. — Как бы бессовестно это не звучало, но ты моя единственная надежда.

На несколько минут между нами повисает молчание. Этого времени мне хватает больше, чем за последние полгода, чтобы обдумать все. Одна половина моего разума просто кричит, что сейчас я могу добить Лили эмоционально, но другая умоляет ей помочь. Даже если ребенок не мой, он не виноват в наших с Лили ошибках.

— Я не смогу забыть и вести себя, словно ничего не было. Возобновить наши отношения также не в моих силах. Даже ради ребенка. Но все же я помогу тебе, — честно говорю ей.

В небесном взгляде вспыхивает надежда, но глухо отзывается внутри меня.

— Нам во многом нужно разобраться, и постараться это сделать до *его* или *ее* рождения, — неуверенно указываю в область живота жены.

— Джон, отец хочет, чтобы я вернула тебя любыми способами, — говорит сиплым голосом от слез, которые скатываются по когда-то румяным щекам.

— Пусть думает, что мы вместе. Я соглашусь на условие, которое мне поставили сенатор и мой отец: мы будем женаты еще около года.

Лили испугано бегают глазами по моему каменному лицу, как будто впервые слышит о плане родителей.

— Ребенок получит мою фамилию и счет, с которым вы обретете независимость от наших семей. Однако будут некоторые условия.

— Условия? Заключим контракт? — поддавшись вперед, Лили замерла в ожидании.

— Больше никаких контрактов. Ты переедешь в апартаменты в Трайбека, и все это время будешь жить там. Никакого алкоголя, интрижек и держи рот на замке при своих подругах. Мы дадим сенатору и моим родителям то, чего они хотят, а по истечении срока станем свободными.

— Я могу понять, в чем заключается моя свобода, но отчего бежать тебе? — Лили взволнованно теребит кольцо на пальце.

— Мы поговорим об этом позже. Сейчас меня ждут дела, — смотрю на часы, отодвинув рукав пиджака. — Это твой последний шанс, Лили. Будь благоразумной.

Для себя я все решил, пролетая над водами Атлантики. Но не мог предположить, что в мои планы будут включены еще два человека, один из которых еще даже не родился. Чувства к Лили уже не вернуть. Они утрачены безвозвратно вместе с жаждой отомстить. Я многое понял и осознал. Это привело к разрушению принципов и правил, которые выстраивал ни один год. Теперь я хочу создавать без реставрации и ремонта. Возможно, этот шаг по отношению к жене поможет заложить фундамент новой жизни не только для меня.

Беру бутылку и иду в сторону лифта, по пути скидывая пиджак и закатывая рукава белой рубашки.

— Джон, мы будем ждать тебя, — голос Лили разносится сзади меня, останавливая. — Мы будем дома.

На это я лишь киваю в ответ, так и не обернувшись к миссис Вуд.

Еще несколько раз громко ударяю в дверь, и ее наконец-то открывают. На пороге, затягивая пояс халата, появляется девушка с взлохмаченными рыжими волосами. По ее враждебному настрою могу предположить, что мне не рады.

— Доброй ночи, — бесцветно приветствую Лену и хочу пройти в квартиру, но она останавливает меня, хватая за рукав рубашки.

— Джонатан, тебе лучше уйти, — кивает в сторону выхода, удерживая зрительный контакт.

— Лучше ответь на звонок, — указываю на карман халата, играющий цветомузыкой, чем отвлекаю внимание Лены и, скинув ее руку, в несколько быстрых шагов преодолеваю расстояние к спальне Эмилии.

Тихо открываю дверь и вслушиваюсь в тишину, на фоне которой еле слышно играет мелодия. Несколько минут наблюдаю за девушкой в наушниках. Эмилия внимательно что-то печатает на ноутбуке, изредка останавливаясь, чтобы сделать пометки в блокноте. Смотрю, как она закручивает влажные волосы на макушке, фиксируя карандашом. Отпивает из чашки и снова возвращается к работе. Подхожу ближе, останавливаясь за ее спиной. Мне кажется, что ритм моего сердца в предвкушении гулко разносится по комнате.

Не в силах больше сдерживаться, осторожно дотрагиваюсь к обнаженным плечам. Эмилия вздрагивает и на секунду замирает, но после оборачивается, удивленно стягивая

наушники. Разворачиваю девушку на стуле к себе, наклоняюсь и целую слегка приоткрытые в изумлении губы.

— Я скучал, — говорю с тяжелым вздохом.

Вытягиваю карандаш из волос Эмилии и зарываюсь в них носом, вдыхая кокосовый аромат.

— Поэтому исчез почти на тринадцать дней? — в ее голосе звучит обида.

Подсчет времени, который она вела, мне немного льстит.

— Прости. Было много дел и мне нужно было все обдумать на холодную голову. С тобой это тяжело получается.

Становлюсь на колени между ее ног и залажу ладонями под тонкую майку. Она пытается оттолкнуть меня, но я это не позволяю.

— Джонатан, в любой момент может зайти Лена, — Эмилия хочет убрать мои руки, хозяйски перемещающиеся по спине.

— Тогда собирайся или я заберу тебя в пижаме, — подхватываю на руки и двигаюсь в сторону двери, доказывая всю серьезность слов.

— Ладно. Джонатан, отпусти меня, — требует она, извиваясь в руках. Я шлепаю ее по попе и ставлю на пол. Удерживаю Эмилию в объятиях, упираясь возбужденным участком тела в бедро. — Вообще-то, я обижена на тебя, — надув губы, смотрит из-под ресниц.

— О, мисс Шварц, у меня будут неприятности? — игриво спрашиваю ее, а загоревшийся огонек внутри, направляет мои мысли не в то русло. — Меня ждет наказание?

Эмилия проникает своим кофейным взглядом в мое сознание, но отходит назад, подозрительно прищуривая миндалевидный разрез глаз, что заставляет лукаво улыбнуться.

— Джонатан, поможешь мне одеться? — игриво спрашивает она, хлопая ресницами.

Делает несколько шагов назад и упирается спиной о шкаф. Эмилия стягивает майку через голову, откидывая ее в другую сторону комнаты.

— Это нечестный прием, мисс Шварц.

Пальчики девушки развязывают ленту на штанах и медленно стягивают их с бедер. Не замечая ничего вокруг, замороженно смотрю, как розовая ткань скользит вниз, оставляя Эмилию в кружевных трусиках того же цвета, что и пижама.

Демонстративно поворачивается спиной и открывает дверцу шкафа, выставляя соблазнительные участки тела, чем вынуждает приблизиться вплотную. Перекидываю волосы Эмилии через плечо и целую шею. С каждым касанием губ к мягкой коже опускаюсь ниже по позвоночнику. Грудь девушки поднимается от тяжелого дыхания под моими руками. Я слегка сжимаю соски, срывая тихий стон с пухлых губ. Ее реакция на мои касания вытесняет все противоречивые чувства за пределы нашего мира.

— Эмми, все в порядке? — голос рыжеволосой заставляет Эмилию отстраниться, испуганно положив руки на обнаженную грудь, которую несколько секунд назад нежно сжимал я. — Эмми? — настойчиво повторяет Лена из-за двери.

— Все в порядке. Не переживай, — дрожащим голосом от возбуждения уверяет ее Эмилия. — Джонатан, — фыркнув, пытается убрать мои руки, вновь притягивающие ее к себе, на что я лишь закатываю глаза и цокаю.

— Жду в машине, — оставляю поцелуй на ключице. — Не заставляй меня долго ждать. В противном случае, я вернусь, и не буду стучать в дверь.

Подруга Эмилии нервно ходит по гостиной и что-то причитает. Но услышав шаги, останавливается. Кидаю на нее быстрый взгляд и покидаю квартиру без лишних слов. В душе

я сожалею, что Алан разобьет девушке сердце, как только на его горизонте вновь появится Мэл.

Глава 24.2

*«Чем страсть сильнее,
тем печальней бывает у нее конец».*

©Уильям Шекспир

ЭМИЛИЯ

Ярко-красные буквы «Бархатная ночь», отраженные на мокром асфальте, играют разноцветными бликами в полуночном пространстве. Собравшаяся толпа, освещенная надписью элитного клуба, намного больше, чем в прошлый раз, когда я оказалась здесь впервые с Аланом и Леной. Это место стало колыбелью, возникшего между нами притяжения, и связало нас бархатными нитями порочного влечения.

Джонатан, положив руку на мою талию, уверенно направляет к охраняемому входу, огражденному красным канатом. Стоит нам выйти на освещенные участки дороги, как внимание толпы устремляется в нашу сторону, от чего я заметно напрягаюсь. Любопытные взгляды летят со всех сторон, вызывая ощутимую дрожь в теле. Совсем нетихие перешептывания разносятся по воздуху, в которых можно услышать *«Джонатан Вуд»*.

— Посмотри на меня, — просит Джонатан.

Я заморожено смотрю в зеленые глаза, что дают уверенность в наших действиях, которые тяжело назвать разумными. Оставляет поцелуй у виска, касаясь небритой щекой к коже, этим заставляет улыбнуться.

— Доброй ночи, — Джонатан приветствует охрану и похлопывает мужчину по плечу, что вызывает недоумение на его лице.

— Мистер Вуд, доброй ночи, — самый важный из них с опаской поглядывает на босса и открывает дверь.

— Это мисс Шварц, она всегда желанный гость здесь. Для нее должен быть открыт вход вне зависимости от моего настроения или обстоятельств, — дает ему указания, переплетая наши пальцы.

Пробравшись сквозь многочисленных посетителей клуба, окутанных призрачно алым цветом, поднимаемся по лестнице в известном мне направлении. Пустой и просторный этаж, предназначенный для хозяина, встречает нас знакомой обстановкой.

Джонатан аккуратно стягивает пальто с моих плеч и кидает его на край дивана. Он обвивает руками талию, а я закидываю руки на шею, поднимаясь на носочках ближе к растянутым в хитрой улыбке губам. Улыбнувшись в ответ, прижимаюсь к его щеке, сильнее стискивая в объятиях. Медленная музыка добавляет интимности в атмосферу между нами. Руки Джонатана медленно скользят вниз по спине к ягодицам и крепко их сжимают. Расстегиваю несколько пуговиц на его рубашке, и провожу пальцами по смуглой коже на вздымающейся груди от тяжелого дыхания.

— Я хочу тебя. Сейчас, — хриловатый голос нотами дотрагивается до натянутых до боли струн внутри меня. Они заставляют несколько сотен бабочек взмахнуть крыльями, создавая бархатный трепет.

Теплые пальцы Джонатана дотрагиваются к обнаженной коже выше чулок. Он медленно стягивает платье вверх, и отбрасывают его к пальто, оставляя меня в одном белье.

Грубо впирается пальцами в оголенные ягодицы, и подтягивает вплотную к возбужденной плоти, которую отчетливо ощущаю внизу живота.

Не разрывая поцелуй, по инерции переставляю ноги в том направлении, в котором небольшими шагами идет Джонатан. Слегка отстраняюсь, осматривая помещение, освещенное блеклым светом.

— Это мой кабинет, — возвращает мое внимание к себе.

Осматривает сладострастным взглядом узорчатую ткань, через кружево которой виднеются интимные зоны. Джонатан наступает, словно хищник готовый к атаке, а я делаю несколько небольших шагов назад. Касаюсь ягодицами обо что-то сзади. Оглядываюсь, обнаруживая письменный стол с нагроможденными папками и бумагами. Освобождаю немного пространства на мебели и усаживаюсь на прохладную деревянную столешницу. Не разрывая зрительной связи, которая еще чуть-чуть и заискрится между нами.

— Ты чертовски сексуальна, Эмилия, — на выдохе произносит, преодолевая расстояние между нами.

Я больше не теряю времени, помогаю Джонатану освободиться от рубашки, буквально вырывая мелкие пуговицы из петель. В спешке расстегиваю брюки, которые он сминает под ногами. Спрыгиваю со стола и целую каждый сантиметр тела Джонатана, которое доводит до безумства. Плавно опускаюсь вниз. Встаю на колени и стягиваю с него боксеры, освобождая его волнительные размеры от возбуждения. Поднимаю голову вверх, наблюдаю за потемневшим в предвкушении моих дальнейших действий взглядом, и вбираю твердую плоть до основания. Несколько хриплых вздохов рассеиваются в пространстве, побуждая быстрее скользить языком по нежной коже. Не теряя моего взгляда ни на миг, запускает пальцы в мои волосы. Он перебирает их и поглаживает, иногда слегка потягивает до приятных болезненных ощущений.

— Нет, — останавливает через некоторое время, потянув за прядь. — Я хочу тебя «по-другому».

Джонатан поднимает меня на ноги, жадно целуя в припухшие губы. Он властно освобождает налитые груди от сдавливающего бра, проходит языком по затвердевшим соскам и поднимается к шее, нежно прикусив кожу у ключицы. Одним движением за моей спиной, освобождает свое рабочее место, содержимое которого с грохотом приземляется на пол. Укладывает на твердую прохладную поверхность, и, устроившись между моих ног, накрывает своим телом.

Пока наши языки соединены в поцелуе, Джонатан отодвигает трусики и проводит пальцем по влажным складкам. Тягость, сладостно стянувшая низ живота, заставляет прогнуться, подставляя больше участков тела под его собственнические поцелуи.

Он резко наполняет собой до предела, и делает несколько мучительно медленных толчков, вынуждая жалобно застонать. Лукаво улыбнувшись, притягивает ближе за талию, крепко фиксируя на месте, а я пытаюсь подтянуть ногами его ягодицы ближе к себе.

— В этот раз мы будем наслаждаться друг другом. Сейчас, есть только мы, — бархатный голос, кажется, ласкает все участки возбужденного тела, готового силой взять этого мужчину. — Есть только мы... — разносится эхом в кабинете.

Джонатан болезненно нежно целует искусанные губы. Он дает прочувствовать свое порывами бьющееся сердце, когда прикасается своей грудью к моей. Чувства, наполнившие меня от этой близости, вырываются наружу, скатываясь слезами по щекам.

— Все будет хорошо. Я обещаю, — шепчет он, покрывая влажные щеки поцелуями.

Медленные и настойчивые движения погружают нас в мир, где есть место только для нас, ослепленных друг другом. Наши стоны, наполняющие кабинет, подавляют музыку за дверью. Находясь на грани, слегка прикусываю губу Джона и прижимаю за широкую спину к себе, слушая его тяжелое дыхание...

— Ты уже не обижаешься на меня? — бархатный тембр нарушил тишину между нами, когда мы устраиваемся на небольшом диване.

— Ты считаешь, что доставив женщине удовольствие, мужчина может сразу рассчитывать на прощение? — приподняв голову, осматриваю расслабленное тело Джонатана.

— В чем меня обвиняют? — лениво открывает один глаз, и переворачивается на бок лицом ко мне.

— Я тебя ни в чем не обвиняю. По сути, мы друг другу никто.

Вижу, как темнеет радужка в широко распахнутых глазах. Джонатан напрягся.

— Поэтому ты приняла оплату за секс? — резко говорит он.

Идиллия между нами рухнула, болезненно отзываясь в области груди и звеняще пульсируя в висках. Скидываю его руку, по-свойски лежащую на бедре, и встаю с дивана.

Джонатан усаживается на краю дивана, молча наблюдая, как я остервенело собираю разбросанные вещи по кабинету и за его пределами. Собрав его одежду, кидаю рядом с ним. Игнорирую мужчину, который несколько минут назад трепетно целовал мое тело и ласкал душу.

— Эмилия, остановись, — просит Джонатан, важно расправив плечи.

Я не обращаю на его голос внимания и продолжаю одеваться, отвернувшись спиной.

— Эмилия, — требовательным голосом говорит он. Джонатан хватается за руку, с силой разворачивая к себе. — Зачем все усложнять?

— Не смей так делать, — выдергиваю руку и отступаю под уничтожающим взглядом на несколько шагов назад. — Засунь деньги своей Саре в зад, — ядовито прыскаю я.

Успеваю сделать несколько шагов к двери, как оказываюсь прижатой к ней. Под яростным взглядом, распрямляю плечи и гордо вздергиваю подбородок.

— Смотрю, ты не любишь сложности, Джонатан.

На мою попытку оттолкнуть его, насупив черные брови, прижимает к себе сильнее. Иллюзия влюбленности в этого человека рассеивается, будто ножом пронизывая все внутри.

— Я не брала твои деньги, выкинула их у лифта. У меня нет желания быть одной из тех девушек, которых ты меняешь каждую ночь, — выдаю на одном дыхании. Мысленно цепляюсь за обрывистые скалы в его глазах, чтобы снова не свалиться в зеленую мглу.

— Эмилия, какие девушки? — удивленно спрашивает он, вскинув брови вверх.

— Сара мне все рассказала, Джонатан, — сдерживаю себя, чтобы не разрыдаться. — И сейчас я очень жалею, что вновь пошла за тобой. Я снова предала семью.

Молчать и прятать мужа и дочь я больше не могу. Это предательство сжирает меня изнутри, а разочарованный взгляд напротив лишь усугубляет мое состояние.

— Джонатан, я замужем и эта буква «Е», — скидываю волосы с шеи, открывая маленькую татуировку, — первая буква имени моей дочери Евы, — с трудом проглатываю всхлипы.

Озвучиваю то, что должна была рассказать сразу и прекратить бессмысленные отношения еще в зародыше. Иногда, слова правды не только скрепляют отношения между

людьми, но разрушают их, обнажая все уязвимые участки души.

— Эмилия, я знаю об этом, — спокойно говорит, запуская пятерню в отросшие за тринадцать дней волосы. — Для меня открыт доступ не только в ваши ознакомительные анкеты, но в закрытые данные каждого прибывшего по программе. По-твоему, почему я пропал на две недели? Для того чтобы наконец-то понять на сколько я смогу зайти, чтобы бороться за себя, тебя и наши отношения, — не разрывая взгляда, поднимает белую рубашку с пола. — Но я все еще не могу понять: готова ли ты рискнуть ради нас? Эмилия, не было ни каких девушек на ночь. Тем более, я никогда не оплачивал секс.

Аккуратно подходит ближе, оставив между нами небольшое расстояние.

— Когда ты узнал? — шокировано спрашиваю его.

Но спокойствие и размеренное дыхание Джонатана разнятся с тем, что я вижу в его глазах — надвигающийся шторм.

— В самолете над Атлантикой. Сначала я был зол на тебя, но вспомнил, что и сам не был честен с тобой до конца, — дотрагивается подушечками пальцев к моей щеке, нежно стирая слезы с потекшей тушью. — Эти дни, проведенные вдали от тебя, я потратил, чтобы перевернуть свой внутренний уклад и получить ответы на многие вопросы. Отношения с тобой я не хочу отравлять ложью. Хочу, чтобы ты знала правду и также была честна со мной, — зеленые глаза, полные печали, отражаются внутри меня едкой болью. — Лили, возможно, беременна от меня.

— Что значит: «возможно, от тебя»? — ошеломленно переспрашиваю я.

Сказанные им слова обескураживают и без того пошатнувшееся сознание.

— Лили изменяла мне — это главная причина нашего развода. И установить, кто приходится отцом ребенка, к сожалению, пока невозможно. Поэтому нам пришлось приостановить бракоразводный процесс.

Абсурдность ситуации никак не уляжется в моей голове. В упор смотрю на серьезное лицо Джонатана. Чувствую горечь и сожаление. Прохожу мимо него и усаживаюсь на черный диван.

— Я понимаю, что это звучит бредево, но мне нужно всего лишь время, — спокойно говорит он, снимая со спинки стула брюки.

— Время для чего? Джонатан, я не оставлю семью, ради неизвестности с тобой. Что, черт возьми, мы вообще обсуждаем? — в недоумении спрашиваю его. — Не надо, — останавливаю его попытку приблизиться ко мне. — Прости, но я не смогу бросить их, даже из-за *этих* чувств к тебе, — прикладываю ладони к груди, где от боли воеет душа, разрывая все внутри на кровоточащие куски. — Прошу, не иди за мной, — выбегаю из кабинета, подхватывая лежащее на диване пальто.

Глава 25.1

«Без тебя моя жизнь — зал ожидания»

©Фредерик Бегбедер *«Любовь живет три года»*

ДЖОНАТАН

Наблюдаю, как меняются красные цифры на табло, указывая на оставленные позади этажи. Запустив руки в карманы брюк, опираюсь о прохладную металлическую обшивку лифта и терпеливо ожидаю предстоящую встречу.

— Джон, кажется, сережка запуталась в волосах. Посмотришь?

Лениво поворачиваю голову в сторону жены. Подходит ближе, робко поглядывая из-под ресниц. Равнодушно перебираю платиновые волосы, распутывая из них длинные серьги, и нарочно игнорирую Лили, которая старается поймать мой взгляд.

Прошедшие шесть дней я провел в офисе, практически переоборудовав кабинет в квартиру-студию. Оказывается, довольно удобно просыпаться на рабочем месте, не затрачивая время на дорогу. А если честно, я не хотел возвращаться домой, где Лили ожидала завершения ремонта квартиры в Трайбека.

Когда сотрудники компании покидали здание, я усаживался в кресло у окна и погружался в себя, часами размышляя о последнем месяце жизни. Большую часть мыслей занимала Эмилия. Потребовались все усилия, чтобы не сорваться и не навестить миссис Шварц среди ночи. Не оставляли мои раздумья и пропавшие из-под носа деньги. Из бюро пока не было конкретных вестей. Детектив, которому выпала честь расследовать «ограбление века», намекнул на некоторые зацепки. Требовалось время, однако ждать, как оказалось, раздражительнее всего.

— Все в порядке? — тихий голос миссис Вуд пропитан нотами лицедейского переживания.

Смеряю ее холодным взглядом, под которым Лили покорно отступает назад. Наш выход вместе — не шаг к примирению, а небольшой театральный акт для присутствующих.

Каждый шаг эхом разносится по пустому коридору, приближая нас к двустворчатым дверям. За ними меня интересует только один человек, чьи карие глаза я сразу же начал искать при входе в зал.

— Лили, дорогая. Джонатан, — машет нам Мэл, сверкая украшениями не меньше, чем Рождественская елка.

Не скрываю неприязни и цокаю в ответ. Наблюдаю за Мэлани, которая недовольно расталкивает перед собой людей, чтобы быстрее пробраться к нам.

— Шикарно выглядишь, — целует Лили в щеку и вручает ей бокал с шампанским. Но, к удивлению, миссис Вуд отдает его мне, не сделав ни одного глотка.

— Счастливого Рождества, — приветствует нас Алан в темно-сером костюме, появившись откуда-то сбоку.

Браун, наступивший на грабли в очередной раз, счастливо прижимает Мэлани за талию ближе к себе. Явный факт воссоединения этой парочки меня совсем не удивляет, а лишь вызывает ядовитую ухмылку на губах.

— Да тут уже все в сборе! — весело оповещая нас своим присутствием, Спенсер становится «в круг». — Как в старые добрые времена, — обводит каждого взглядом полным сарказма.

— Не старые и далеко не добрые, — бурчу я.

— Рада тебя видеть, Спенс, — Мэл заправляет за ухо прядь каштановых волос и целует кузена в щеку, оставив след от помады.

— Как твой очередной отдых в рехабе, Мэлани? — не могу удержаться себя, чтобы не съязвить, а в ответ получаю убийственный взгляд.

— Джонатан, — Лили одергивает меня, мимикой указывая на мою бестактность.

— Прости, — улыбаюсь жене, — это так неприлично с моей стороны, — я театрально приложил пальцы к губам.

— Я даже не хочу отвечать на твою колкость, Вуд. Говорят, ты съехал с катушек, а психов, как правило, не воспринимают серьезно, — хитро улыбается Мэл, приподнимая

острый подбородок. Она считает, очевидно, что зацепила меня за живое.

— Не верь, дорогая, чего только не напишут газетенки для поднятия рейтингов. Тебе ли не знать, — потираю свою не бритую щеку, безразлично отпивая из бокала.

— Выглядишь неважно, — прищуренный взгляд Мэлани, исследует мой слегка потрепанный вид.

— Взаимно, — бросаю, не глядя на нее. Мой взгляд скользит по собравшимся гостям, выискивая Эмилию. Она должна быть здесь.

— Хватит, — не выдержав бессмысленного разговора, Алан тяжело вздыхает и по очереди смиряет нас разгневанным взглядом. — Давайте найдем наш столик.

Расстегиваю верхнюю пуговицу рубашки, ослабляя воротник. По пути заменяю пустой на полный бокал и замечаю, что сладковатый напиток не так ужасен, как казался ранее. Золотистая жидкость, играющая пузырьками, слегка расслабила мое напряженное тело и избавила от последствий выпитого спиртного накануне.

Парящие в воздухе ароматы мандарина и хвои вызывают воспоминания о рождественской ярмарке в Хэмптонсе. Правда, последний раз я был на ней лет пятнадцать назад. Сухо приветствую многочисленных знакомых, больше обращая внимание на необычное оформление зала. Расставленные в хаотичном порядке небольшие деревья, ветви которых укутаны искусственным снегом, правдоподобно напоминают зимний лес иогревают иллюзией существования рождественского чуда.

ЭМИЛИЯ

Поднимаю голову вверх, рассматривая подвешенные на тонкой нити к высокому потолку прозрачные шары. Они парят над головами, создавая волшебную атмосферу в утопающем в золоте и серебре зале. Рождественское дерево, наряженное сапфировыми шарами и фигуркой ангела с расправленными крыльями на самом верху, побуждает с неподдельной грустью задуматься о Еве.

Алекс пообещал, что праздничная программа для дочери не измениться. Они обязательно побывают на новогодней ярмарке, нарядят елку и испекут ее любимое апельсиновое печенье.

— Миссис Шварц, будьте так добры, подойдите к нам, — вырывает меня из мыслей декан.

Выискиваю глазами среди окружающих меня людей женщину средних лет с черными волосами.

— Добрый вечер, — подхожу к декану Уорен, незаметно осматривая элегантное платье в пол с витиеватой аппликацией на подоле.

— Счастливого Рождества, — приветствует меня мужчина, составивший ей компанию. В черном смокинге и такого же цвета рубашке, он выглядит зловеще на фоне сказочной атмосферы вокруг.

— Позвольте вас представить мисс Шварц, глава компании «West Coast Industry» Говард Фелч, — представляет своего спутника декан.

— Миссис Шварц, приятно познакомиться. Декан Уорен как раз давала положительный отзыв о вашей работе в университете, — мужчина пожимает мне руку, удерживая немного дольше положенного. — Буду прямолинеен, у меня есть для вас деловое предложение по окончанию стажировки.

Узкие серые глаза Говарда Фелча сужаются еще больше, когда он осматривает меня с высоты своего роста. Вытягиваю руку из жилистых пальцев, один из которых украшен

золотым перстнем с неизвестным мне гербом. Его тяжелый взгляд заставляет мой внутренний голос вздрогнуть, фибрами уведомляя держаться подальше от этого человека. В ответ стараюсь ему вежливо улыбаться, ощущая холодок вдоль позвоночника.

— Спасибо, мистер Фелч. Но, к сожалению, вынуждена отклонить ваше предложение: дома меня ждет семья. При всем почтении к университету, — уважительно склоняю голову на бок, повернувшись к декану, — я не планировала оставаться в Штатах.

— Вы подумайте *миссис* Шварц, не отказывайтесь сразу. Здесь у вас есть перспективы, — без стеснения осматривает мое декольте. — Насколько я наслышан, некоторыми из них вы уже воспользовались, — растягивает губы в приторно-хитрой улыбке.

— Декан. Говард, — бархатный тембр, который звучит холодно и твердо, выдергивает из разыгравшейся фантазии, в которой этот мерзкий тип получает звонкую пощечину.

— Джонатан, какая приятная встреча, — широкая улыбка оголяет белоснежные зубы мистера Фелча, но во взгляде отчетливо различимо призрение. — Лили, счастливого Рождества, — бросив на меня ироничный взгляд через плечо, делает несколько шагов в сторону.

Замираю, и, кажется, даже не дышу, слушая истерично бьющееся сердце. Сомнений нет, чета Вуд стоит за моими напрягшимися плечами.

У меня нет выхода, как повернуться к ним лицом. Невероятными усилиями сдерживаю себя, чтобы одновременно не кинуться Джонатану в объятия и не треснуть по лживому лицу. Невзирая ни на что, мое тело болезненно ломит. Я не в силах избавиться от побочных эффектов этой греховной связи.

ДЖОНАТАН

Закрывать собой, спрятав ото всех, не дать больше боли и отчаянию касаться кофейных глаз — эти мысли больно врезаются куда-то под ребра. Корю себя, что не погнался за ней. Дал уйти и терпеливо ждал, оставив снова свою жизнь на самотек. Наше притяжение, чувства, которые сильнее опьяняют кровь, заставляют открыто сделать шаг в сторону Эмилии.

— Извините, — Эмилия подхватывает подол платья и быстрым шагом устремляется к выходу.

Обогнув окруживших меня людей, догоняю Эмилию у лифта, схватив за локоть. Разворачиваю девушку и встречаю блестящие от слез глаза. В этот момент что-то щелкает во мне. Я не хочу видеть грусть на ее лице, не хочу видеть боль в цвета горького шоколада взгляде. Бесцеремонно прижимаю Эмилию к себе, обхватывая руками. Она стоит неподвижно. Зарываюсь носом в волосы, вдыхая такой желанный аромат, а руки скользят по ткани, поглаживая хрупкую спину девушки.

— Я не отпущу тебя, — шепчу ей на ухо, почти мурлыкая от удовольствия держать ее снова в своих объятиях.

— Джонатан, не надо. На нас смотрят, — просит она и пытается вырваться. Укладываю ладони на оголенные плечи Эмилии, властно удерживая на месте.

— Плевать я на всех хотел. Я все решил. Мы найдем лучшего адвоката, и твоя дочь будет рядом с тобой. Хочешь, мы сделаем это прямо сейчас? — говорю я, словно в бреду, и смотрю за ее реакцией. Мои намерения серьезные, а слова не брошены на ветер. — Эмилия, кажется, я ... — приложив палец к моим губам, обрывает слова.

— Нет, остановись. Этим ты ничего не изменишь, Джонатан. Я не смогу у Алексея отнять дочь таким способом. Что я буду за мать, если вырву ее из рук родного отца? Что за

жена, если так легко предала своего мужа? Я приношу только разочарование близким людям, и ты разочаруешься во мне, — каждое слово сказано с огромной болью, которая режет меня по живому.

Наступаю на Эмилию, прижимая к стене. Наши грудные клетки поднимаются от тяжелого дыхания. Прижимаюсь лбом к ее лбу, желая хоть как-то заполучить скрытые от меня мысли. Эмилия пытается оттолкнуть меня, упираясь ладонями в грудь, но я не даю ей выскользнуть, чтобы снова оставить меня одного.

— Хочу, чтобы ты осталась со мной. Я не в силах отпустить тебя, — почти умоляю ее.

Сейчас я выгляжу жалко.

Хмыкнув в ответ, девушка переводит потерянный взгляд за мою спину.

— В этом вся проблема, Джонатан. Тебя не интересуют мои мысли. Мне страшно от того, что наши чувства реальны, и из-за тебя я потеряю рассудок окончательно. Ты единственный, кто заставил мое сердце чувствовать по-настоящему. Но также ты единственный, кто может превратить его в пепел.

Жадно накрываю блестящие губы Эмилии властным глубоким поцелуем. Прижимаю к себе, мечтая растворить ее в себе. Она забралась не только в мои сердце и голову, но в каждый дюйм тела. Каждая клетка горит от недостатка нежных касаний. Впервые в жизни, до дрожи в теле, ощущаю настоящий страх невозможной потери. Я должен сделать все, чтобы она была со мной.

Глава 25.2

«А ведь в жизни все — и плохое и хорошее

— начинается с того, что кто-то

Когда-то кому-то просто поверил...»

ЭМИЛИЯ

С трудом разорвав уста, встречаюсь с беспокойным взглядом Джонатана. Он прислонился своим лбом к моему лбу, закрывая глаза. Мы оба понимаем, что бегущие стрелки не на нашей стороне. Две с половиной недели, и я буду вынуждена принять решение: разрушить мир Алекса и Евы, доверившись чувствам, или вернуться в привычное течение жизни.

Джонатан поправляет мои запутанные локоны и аккуратно укладывает их за спину. Простое движение, наполненное заботой, побуждает прильнуть к его груди, где громко барабанит сердце. Раньше, я могла отрицать влюбленность в этого сложного и временами заносчивого мужчину, аргументируя одурманивающим сексом. Но теперь ясно понимаю, что дело не в соитии двух тел, а в притяжении душ, заблудившихся в этом мире.

— Знай, все, что я делаю — ради нас и нашего будущего, — шепчет мне на ухо, зарываясь пальцами в волосы на моем затылке. — Я хочу, чтобы ты поделилась своими мыслями, и мы примем решение вместе.

Джонатана прерывает звонок. Он опускает руку в карман, достает смартфон и отвечает на короткий звонок.

— Эмилия, я заберу тебя, как только решу некоторые вопросы, — извиняясь, Джонатан целует меня в весок, на что я согласно киваю.

Мистер Вуд нехотя отпускает мою ладонь, разрывая наши переплетенные пальцы, когда мы заходим в зал.

Стараюсь незаметно пробраться к своему столику, избегая декана и Лили, которые

стоят в центре зала. Любопытство взяло верх и, остановившись «в тени» рождественской инсталляции, наблюдаю за шикарной блондинкой. В голове мелькают разные мысли, осматривая с головы до пят совершенную с виду молодую женщину. Миссис Вуд уверенно разговаривает с деканом и Фелчем. Она обворожительно улыбается и утонченно жестикулирует руками. Иногда, Лили деликатно дотрагивается к слегка округлившемуся животу, который незнающему человеку не заметен. Тень сомнения укутала меня, словно в пуховое одеяло, когда к ним подошел Джонатан. Лили, уютно расположившись под его рукой, нежно посмотрела на мужа, а он улыбнулся в ответ. Ревность охватила меня, судорожно переливаясь по венам.

— Вот ты где! — Лена закрывает обзор на чету Вуд, став впереди меня. — Я нашла стол, но потеряла тебя, — облегченно вздохнув, она берет меня под руку и уводит в нужном направлении. Удаляясь вглубь зала, несколько раз разворачиваюсь назад, чтобы еще раз посмотреть на счастливую семью.

— Ты только представь, я встретила Алана с девушкой, и он даже не постеснялся нас представить друг другу, — как бы, между прочим, говорит Лена, когда мы проходим возле рождественской ели. По порывистым движениям могу предположить, что она нервничает и это знакомство задело ее за живое.

— Лен, он не тот, кто тебе нужен. Алан притягательный мужчина, однако, его поступок говорит сам за себя — местный донжуан.

Мы останавливаемся возле нашего столика, украшенного праздничной композицией, и она поднимает на меня непривычно унылый взгляд.

— Эх, Эмми, — печально растягивает губы, покрашенные в цвет спелой вишни. — Угораздило нас тогда пойти в тот клуб. Нужно было брать пример с тебя и погрузиться в работу, а не бегать по свиданиям, как первокурсница, которая только что вырвалась из-под родительского надзора, — печально сказала Лена, расправляя юбку фиолетового платья перед тем, как сесть на стул.

— Как видишь, работа меня не особо спасла, — пожимаю плечами и присаживаюсь рядом.

— Я видела, как Джонатан смотрит на тебя, Эмми. Это мог не заметить только слепой, — серьезным тоном говорит подруга, слегка придвинувшись ко мне. — Он влюблен в тебя, а ты в него. Между вами непросто «служебный роман», — делает свой вывод Лена, печально улыбнувшись уголками губ.

— Ты даже представить не можешь, как я извела себя, постоянно думая об этом, — ощущаю, как снова просыпается душевная мука, расправляя острые когти. — Джонатан всегда в моей голове. Иногда, кажется, что я брежу им, и меня это пугает. Внутри меня ожесточенная борьба между рассудком и сердцем, — сердце мучительно сжимается, вспоминая его последние трепетные объятия.

— Эмилия, а ты все ведешь борьбу сама с собой, — Лена ласково посмотрела на меня, погладив по плечу. — Я не вправе тебя в чем-то убеждать, но влюбленный взгляд тяжело перепутать с чем-то другим. Даже там, в ресторане, ваши глаза и робкие движения выдали вас раньше, чем вы сами это поняли...

— Было тяжело вас найти, — Инга Озолс бодро занимает свое место за столом, не давая Лене закончить. — Счастливого Рождества, — беззаботно улыбнувшись, ставит свой бокал. — Я вам не помешала? — опешив, замечает наши несколько траурные лица.

— Все в порядке, — надеваю жизнерадостную маску. — Составишь Лене компанию, я

как раз собиралась сходить нам за коктейлями, — растягиваю губы в подобие улыбки и встаю со стула. — Я быстро, — кинув многозначительный взгляд подруге, направляюсь в сторону бара.

Приходится занять очередь, так как желающие попробовать фирменные напитки от известного бармена растянулись цепочкой вдоль стойки. Не упуская момент, встаю на носочки и высматриваю Джонатана. Или его жену. Количество гостей в зале заметно увеличилось с момента нашего прибытия, и обнаружить чету Вуд среди людей и рождественских украшений стало непосильной задачей. Расправив подол платья так, чтобы по нему не топтались, достаю из сумочки телефон. Прошло всего полчаса с момента нашего разговора, а удушающая тоска уже начала расползаться по телу.

— Так вы с Джонатаном отменили развод? — женский голос за спиной привлекает мое внимание, заставляя сосредоточить слух.

— Мы работает над этим. В последнее время наши отношения стали лучше, — отвечает другой женский голос более звонкий. — У нас появился повод, чтобы наладить наш брак, — несколько восторженно произносит она.

— Лили, ты меня заинтриговала! — протягивает девушка, а я боковым зрением улавливаю обладательницу «чистого»²⁰ имени и ее подругу буквально в футах²¹ от меня. — Неужели расползающаяся по Манхэттену сплетня — правда? — противно протягивает шатенка. — И какой срок? — после недолгого молчания, чуть тише, продолжает она.

— Почти пятнадцать недель, — шепотом отвечает Лили, а я замираю на месте, чтобы расслышать ее слова. — Джонатан уже не может дождаться, когда станет отцом. Он невероятно счастлив, Мэл. И это вызывает во мне надежду на совместное будущее.

Задетые во мне струны больше не выдерживают подробностей их жизни, поэтому на ватных ногах бреду по залу, пока не обнаруживаю неприметную тахту возле выхода на лестницу. Внутри меня снова закрались сомнения, и я не знаю, кому верить: Джонатану, с которым отношения были с самого начала выстроены на лжи, или словам Лили. Мысли, эмоции и чувства снова сплетаются между собой, сбивая меня с вроде бы уже выложенного пути.

Безразлично осматриваю мужчин и женщин, оживленно рассаживающихся по своим местам перед началом представления. Понимаю, что с момента прибытия в Нью-Йорк, моя жизнь превратилась в нескончаемую мелодраму на фоне города небоскребов.

— Эмилия.

Дергаюсь от неожиданности и поворачиваю голову на голос. Сердце затрепетало, словно перышко на ветру, узнав знакомый мужской силуэт. Джонатан делает несколько шагов в мою сторону и подает руку, этим предлагая встать.

— Ты напугал меня, — поднимаюсь с тахты, держась за его крепкую ладонь.

— Прости, — настороженно озираясь по сторонам, заводит меня за украшенную светящейся гирляндой колонну. — Я начал переживать, когда не мог найти тебя. Что-то случилось? — замечает мой поникший взгляд, нахмутив брови, а между ними появляется знакомая складочка.

Хочется рассказать ему о подслушанном разговоре. Обвинить во лжи и, вцепившись в атласные лацканы на пиджаке, горько разрыдаться на его идеально белой рубашке, но...

— Все в порядке, — сдерживаю подкатывающие слезы и забираюсь к Джонатану в объятия, обвивая руками мужской торс. Утыкаюсь носом в его шею, вдыхая запах тела, который вызывает во мне зависимость.

— Спасибо, Джеймс, — накидывает что-то мне на плечи.

— Откуда ты... — отстранившись, осматриваю себя. — Откуда у тебя мое пальто? — озадачено смотрю на лукавую улыбку Джонатана. Открываю сумочку и проверяю талончик: он на месте.

— Пришлось выкрасть его, — оставляет быстрый поцелуй на щеке, притягивая за талию. — Пойдем, нам нужно уехать отсюда до того, как меня начнут искать. Ты спустишься на лифте вместе с Джемом, а я за вами, — подталкивает к мускулисту мужчине в черном костюме. — Встретимся внизу, — говорит на прощание. Секьюрити, придерживая меня за локоть, уводит в направлении лифта.

— Джонатан! — воскликнув от неожиданности, обвиваю руками его шею, когда он, подхватывает меня на руки. — Куда мы приехали? — интересуюсь я. — Мы в Бруклине? — делаю предположение, вспоминая мост, который мы проехали. Укладываю голову ему на плечо, пока мистер Вуд несет меня по слабо освещенному помещению.

— Да, мы в Бруклине, — коротко говорит он и целует в нос, а я прикрываю глаза, утопая в его объятиях. — Детка, я хочу, чтобы ты посмотрела вот туда...

Ставит меня на пол, но я все еще висну на нем. Чувствую, как он улыбается и нежно поглаживает ладонью по спине. Аккуратно разворачивает в своих руках, но все равно спутывает мои ноги подолом платья.

Перед нами открывается удивительный вид на старейший подвесной мост — Бруклинский мост, освещенный оранжевыми и зелеными огоньками, что играют бликами на черной морской глади. А на другой стороне переливающийся Манхэттен, отделенный от нас проливом Ист-Ривер.

— Нравится? — притягивает ближе, зарываясь носом в волосы на затылке. — Это наш с тобой дом, — говорит мне на ухо, перекинув мои волосы на другое плечо, а я ошарашенно замираю в крепких объятиях. — У нас есть свое место, Эмилия, и мы можем оставаться здесь столько, сколько захотим.

— Джонатан, — мой серьезный голос, словно нож, пронизывает чарующую тишину между нами.

— Нет, Эмилия. Сейчас есть только мы, все остальное мы обсудим после Рождества, — резким тоном говорит он, разворачивая к себе, но мягче продолжает: — Позволь нам хотя бы это время провести вдвоем.

— Ты же понимаешь, что мы не можем прятаться тут вечно? И рано или поздно нас все равно найдут.

Встаю на носочки, всматриваясь в хмурый взгляд, освещенный светом ночи из окна.

— У нас в запасе есть несколько дней, пока нас будут искать.

Сжимает мои ягодицы через тонкую ткань платья, подтягивая ближе к возбужденной мужской плоти. Ощувив твердеющую часть Джонатана, мое дыхание становится прерывистым, и я ближе подтягиваюсь к мягким губам. Невыносимое желание почувствовать его поцелуи и жадно исследующий мой рот язык, вынуждает издать жалобный тихий стон.

Улыбнувшись в ответ, Джонатан берет меня за руку и ведет за собой. Включает лампу на прикроватной тумбе, которая освещает часть спальни: деревянную кровать с мягким изголовьем и выкрашенную в белый цвет стену.

— Я так и не сделал тебе комплимент, — скользит взглядом по струящейся атласной

ткани и свойски забирается ладонью в разрез платья на бедре. — Ты вскружила мне голову. Я влюблен и безумен тобой, — на выдохе говорит он, накрывая мои губы томительно-сладким поцелуем.

Стягиваю с его плеч пиджак и кидаю на пол. Скольжу пальцами по горячему крепкому телу, скрытому под тонкой тканью рубашки. Джонатан в спешке ищет молнию на платье. Так и не обнаружив, отрывается от моих губ, издавая что-то похожее на рык.

Толкаю Джонатана назад, и он заваливается на кровать. Опершись на локти, поднимает вопросительно одну бровь. Ловкое движение руки, и я, нащупав тонкую молнию на боку, тяну ее вниз. Поочередно снимаю тонкие бретели платья, и прохладный шелк скользит в вниз, оставляя мое тело в нижнем белье.

Джонатан хочет что-то сказать, но я не позволяю, положив палец на его губы. Усаживаюсь к нему на бедра, нащупываю бабочку и снимаю ее с шеи. Расстегиваю одну за другой пуговицы, а Джонатан скользит ладонями вверх по чулкам, кружевному поясу, выше по спине и нащупывает застежку на бра.

Прижимаюсь к нему ближе, касаясь обнаженной грудью. Зарываюсь пальцами в черные взерошенные волосы. Не в силах больше устоять перед прерывистым дыханием мистера Вуда, кусаю его губу перед тем, как наши языки сплетаются между собой. Горячие волны внутри меня, раскатываются от кончиков пальцев на ногах до шумно бьющегося сердца в груди. Они пробуждают безумное желание соединить наши тела в одно целое. Почувствовав то же самое, Джонатан подхватывает меня под ягодицы и укладывает на спину, прижимая к матрасу весом своего тела.

— Ты же останешься со мной? — подушечкой пальца нежно очерчивает скулу, неотрывно глядя в глаза. — Молчи, — прерывает меня, как только, хочу ответить, набрав в легкие воздух. — Сейчас есть только мы.

Жадные поцелуи ласкают мое тело, спускаясь вниз по шеи, груди, вниз к кружевному ярко-красному поясу, к которому на тонких ляпочках пристегнуты чулки. Скользящий язык по внутренней стороне бедра, заставляет прогнуться на простынях, издавая трепетные стоны.

Джонатан освобождается от брюк и нижнего белья. Незамедлительно возвращается к моим жадно хватающим воздух устам. Он накрывает их чувственным поцелуем и наполняет меня собой...

Глава 26.1

(посвящается @luludee666)

*«Пришло время говорить,
секреты разрушают нас изнутри».*

©Марианна Гратье «Коллекция»

ЭМИЛИЯ

— Да ты издеваешься, — Джонатан, закатив глаза, театрально падает на подушки, при этом картинно раскинув руки и ноги. Хмыкнув в ответ, сильнее сжимаю простынь на груди. Подхожу ближе к окну, наблюдая, как по дорожке вдоль пролива Ист-Ривер уже активно прогуливаются люди, вероятно, радуясь солнечному дню.

— Детка, — тихий, низкий голос, заставляет меня развернуться, слегка изогнув бровь. — Скинь эту чертову ткань, — Джонатан, игриво подмигнув мне, вальяжно

растягивается на кровати, подкладывая руку под голову. — Ну же, не вынуждай меня переходить к более жестким мерам, — с хрипотцой в голосе продолжил он, а мой взгляд невольно упал ему между ног.

— Это шантаж, мистер Вуд? — улыбнувшись в ответ, медленно подхожу к кровати, наступая на белый пушистый ковер под ногами. — Ты играешь с огнем, — нагло повторяю его слова по пути из ресторана «Pure Sky».

Джонатан резко вскакивает с кровати и заваливает меня на матрас, подминая под себя.

— Ты тяжелый, — пытаюсь выбраться, но он игриво покусывает мою шею, заставляя залиться смехом. Опускаясь с каждым нежным укусом ниже, Джонатан стягивает простынь. Теплая ладонь накрывает грудь, сминая и массируя. А другую грудь накрывает поцелуем, играя кончиком языка соском.

Подтянувшись на руках, нависает мускулистым торсом надо мной, заставляя залюбоваться мужским телом. Провожу пальцами вниз по его груди и дотрагиваюсь до напряженных мышц живота, вычерчивая витиеватые узоры на коже. Поймав сосредоточенный зеленый взгляд, хватает мгновения, чтобы мое тело откликнулось на его пылающее желание в глазах.

Спешно распутав мои ноги из ткани, Джонатан устраивается между ними, и, не раздумывая, входит в меня. Он совершает медленные, но такие чувственные толчки. Обнимаю его за шею, а он до боли впивается пальцами в бедро, притягивая ближе к себе с каждым порывистым движением.

Срывающиеся стоны с наших губ, наполняют пространство комнаты нотами безумного желания овладеть друг другом. И я закрываю глаза. Наслаждаюсь каждой секундой нашего губительного вожделения.

Толчки становятся напористей, а его жадные поцелуи терзают мои пересохшие губы, забирая каждый протяжный стон себе. Не в силах больше сдерживать свое находящееся на грани тело, впиваюсь ногтями в крепкую спину Джонатана, с силой притягивая ближе. Несколько истомных проникновений, и по нашим телам разносится теплая волна, водоворотом погружающая в океан наслаждения...

Придавив своим весом, Джонатан тяжело дышит прямо мне на ухо, вынуждая лениво улыбнуться.

— Джонатан, о том, что ты очень тяжелый я не шутила, — повторяю мужчине, поцеловав его в висок. — И к тому же мне нужно в душ, — но не пытаюсь выбраться из желанных объятий, поглаживая его широкую спину.

Подняв голову, Джонатан коварно смотрит в глаза, в которых чертята уже пляшут джайв²². Он, озорно поиграв бровями, очевидно, ждет приглашения.

— Только без шалостей, мистер Вуд, — для пущей убедительности, слегка прищуриваю наиграно-серьезный взгляд.

— Нет, детка, — лукавая улыбка тыквенного Джека²³ обворожительно засияла на его губах, — шалость или сладость?

— Джонатан, Хэллоуин давно прошел.

Стараюсь сохранять неприступный вид, сдерживая себя, чтобы не рассмеяться от его шаловливого вида.

— Эмилия, шалость или сладость? — серьезным тоном повторяет он, но его проказливый блеск в глазах говорит об обратном. — Выбери, иначе я это сделаю за тебя.

Джонатан, усевшись рядом на матрас, каким-то мальчишеским жестом взъерошил и без

того торчащие волосы. Но так просто сдаваться я не намерена и решаю играть по своим правилам.

Откуда ни возьмись, охвативший меня азарт, заставляет быстро подскочить с кровати, и направится в сторону лестницы. Положив руку на деревянный поручень стеклянных перил, перескакиваю по две ступени, пока мои босые ноги не оказываются на паркете цвета горького шоколада. Наугад сворачиваю вправо, но через несколько метров врезаюсь в обнаженное мужское тело. От неожиданности отшатываюсь назад, но Джонатан, потянув за талию на себя, заключает в объятия.

— Хотела сбежать? — все также весело говорит он, сжимая мои ягодицы до приятной боли. — Для начала тебе нужно осмотреться здесь, — развернув в своих руках, Джонатан начал экскурсию по апартаментам.

ДЖОНАТАН

Сделав круг по первому этажу и, осмотрев открытое пространство, разделенное мебелью на зоны, останавливаемся между стеклянным обеденным столом на шесть персон и кухонным островом. Пусть апартаменты не слишком обжиты, в интерьере не хватает каких-то обычных житейских мелочей, в целом они выглядят уютно.

Идея покупки квартиры возникла случайно, когда я перелистывал каталог выставленной на продажу недвижимости. Никогда бы не смог представить себя живущим в Бруклине. Отчего-то воображение яркими мазками нарисовало, как я просыпаюсь здесь вместе с Эмилией. Солнечный свет, мягко падая через круглое окно, освещает расслабленное тело девушки, комфортно расположившееся в моих руках. Точно, как сегодня утром, когда я лениво открыл веки со счастливой, но слегка глуповатой улыбкой, а рядом была она, мирно посапывающая мне в шею. Вздохнув с каким-то поразительным облегчением, я неподвижно лежал, наслаждаясь этим спокойным моментом, пока Эмилия не прижалась губами к моей щеке.

— Джонатан, нам надо хотя бы принять душ и одеться, — мелодичным голоском щебечет Эмилия, обнимая меня за шею.

По ее горящему взгляду, я понял, что это место ей понравилось. Но все же, кажется, она так и не поверила моим словам.

— И мне нужно позвонить Лене, она так и не ответила на сообщение, — на ее утонченном личике появилась тень беспокойства.

— Поверь, с ней все в порядке. Джеймс сопровождал твою подругу домой. И к тому же она передала для тебя некоторые вещи на эти дни.

Приподняв Эмилию за ягодицы, усаживаю на слегка прохладную столешницу. Становлюсь между ее бедер, убирая с лица несколько упавших волосинок.

— Не хотел, чтобы ты чувствовала себя неловко, поэтому остальное выбрал сам. Но ты так и не ответила: шалость или сладость? — очертив нежно скулу, приподнимаю ее подбородок, всматриваясь в кофейный взгляд.

— Джонатан, — прижимая к себе ногами, Эмилия продолжила: — с тобой каждая шалость имеет сладкий привкус. М-м-м, — блаженно протягивает она, дотрагиваясь кончиком своего языка к моим губам.

Могу поклясться, что одна притаившаяся бабочка со школьных времен взмахнула чертовыми крыльями, заставляя почувствовать трепетные касания где-то внизу живота. Эмилия сводит меня с ума, заставляет мечтать о каком-то не мысленном счастье и любви до гробовой доски.

— Детка...

— О, Боже! Простите меня, мистер Вуд! — восклицает женский голос. Следом слышу, как за моей спиной что-то ударяется о паркет, и быстро отдаляются шаги, скрываясь за громким хлопком двери. На секунду зажмурившись от грохота, открываю один глаз, взглянув на ошарашенную Эмилию. Припав лбом к ее плечу, громко рассмеялся.

— Похоже, нам придется искать новую домработницу, — сделал вывод я.

— Джон, как неловко, — приложив несколько пальцев к губам, Эмилия расплывается в улыбке, а на ее щеках появляется румянец. — Я же говорила, надо одеться, — слегка шлепнув меня по плечу, она заливисто засмеялась.

— Тебе не стоит волноваться, она увидела только мой зад.

На мое замечание девушка обнимает меня за талию, утыкаясь носом в грудь.

— Она могла подумать, что мы занимались сексом, — пропищала она, продолжая смеяться.

— Было бы странно, если бы она, застав нас в таком положении, продолжила, что мы тут занимаемся домашними делами.

Подхватив Эмилию на руки, направляюсь в сторону спальню. Я упиваюсь ее счастливыми глазами и очаровательной улыбкой.

Включаю телефон и обнаруживаю с десяток пропущенных вызовов от Лили, отца, декана и несколько звонков с неизвестного номера, который также оставил голосовое сообщение. Предположив, что это жена, мой палец застыл над кнопкой «удалить». Хорошее настроение сыграло свою роль, и я нажимаю «прослушать» содержимое послания, которое слегка отрезвило:

«Доброе утро, мистер Вуд. Вас беспокоит детектив Джаред Миллс. Ставлю Вас в известность, что офис ФБР города Нью-Йорка передал ваше дело мне, так как занимающийся ранее этим агент был отстранен. Пожалуйста, свяжитесь со мной, как только прослушаете сообщение. Нам есть, что с вами обсудить при личной встрече. Всего доброго», — проговорил низкий мужской голос.

Прослушав это сообщение еще раз, я попытался уловить в тоне детектива Миллса хоть какие-то намеки, указывающие на успешность расследования. Но ничего. Он говорил четко и без эмоций. Интересно, почему отстранили прежнего агента? Этот факт меня смутил.

Я задумался. Перебираю пальцами смартфон и всматриваясь в одну точку на виднеющийся из окна остров с высокими зданиями. Четырнадцать миллионов это не пару затерявшихся центов в кармане. Их хищение серьезно пошатнуло внутреннюю работу компании и мои нервы. Удержаться на той отметке, которую мы достигли за последние пятнадцать лет, помогли мои личные сбережения.

Я бы мог оставить Эмилию тут на несколько часов и встретиться с агентом, но... В голове поселилось слишком много «но» и впервые в жизни я бы хотел разделить надвое. Мне не хочется оставлять ее одну. У нас не так много времени, и об этом настойчиво намекают бегущие стрелки моего предчувствия. Каждый день, час, минута имеет собственный вес для нас с ней.

Чаша с чувствами к Эмилиии значительно перевесила крупную сумму с шестью нулями, останавливая меня на мысли, что несколько дней без моего участия никак не повлияют на исход расследования. К тому же вряд ли детектив захочет копаться в моем деле в период рождественских выходных.

— Джон, все в порядке? — тихий голос слева и ладошка на моем плече заставляют врасплох, от чего я слегка напрягся. Но как только замечаю беспокойство в карих глазах, сразу же растягиваю губы в улыбке: ей незачем знать о моих проблемах.

— Все хорошо. Просто задумался, — убедительно улыбаюсь, но тревога в кофейном взгляде не желает отступить.

— Джонатан, мне не нравится, когда мне лгут, а ты именно сейчас это делаешь. Что случилось?

Слегка отступив назад, Эмилия скрещивает руки на груди, недоверчиво всматриваясь в мое лицо. Встаю с кровати и подхожу к ней, но она выставляет ладони вперед, этим жестом удерживая на расстоянии

— Детка, это связано с компанией, но не с нами. Тебе не о чем беспокоиться, — сдаюсь я, поверхностно выдавая подробности.

— У тебя что-то произошло? — склонив голову набок, она сочувствующе смотрит на меня.

— Нет. Я же сказал: все хорошо.

Этот допрос на ровном месте слегка раздражает.

— Ты снова лжешь, Джонатан. Пусть, мы знакомы не так давно, но я чувствую это.

— Что ты хочешь услышать? — вспыхнул я, но лишь от того, что она говорит с отчуждением и холодностью.

— Ну что ж, ладно, — проходит мимо меня, открывая сумку возле кресла. — Не хочешь говорить — твое право. Ты не обязан делиться подробностями своей жизни. Потрахались и разбежались. Да, Джонатан? — несмотря мне в глаза, вынимает сложенную Леной одежду.

Подстегнув меня на «слабо», она задела что-то внутри. Девушка, развернувшись ко мне спиной, демонстративно натягивает одежду.

— То же самое я могу сказать о тебе, Эмилия. От меня ты требуешь открытости, но сама не спешишь впускать в свою жизнь. Постоянно избегаешь этот разговор и перекладываешь ошибки Алекса на меня, — холодным тоном продолжил я.

Замерев на месте с джинсами в руках, Эмилия резко разворачивается ко мне лицом, обжигая гневным взглядом.

— Я не он, и нести за него ответственность не буду. Ты хочешь открытости, Эмилия? Так давай сядем и поговорим. Не убегая друг от друга, и не скрывая ничего, — как можно более убедительно сказал я, боясь сдвинуться с места. Молчание между нами заставляет сердце быстрее колотиться в груди, ожидая ответ.

— Только для начала оденься, — Эмилия прерывает тишину первой.

Принимаю душ и натягиваю первые попавшиеся штаны. Спускаюсь по лестнице и улавливаю в воздухе витающий аромат кофе и чего-то вкусного. Эмилия, опершись о спинку стула, провожает меня взглядом, пока я иду к столу, на котором уже стоят тарелки с обедом и бутылка вина. Разлив его по бокалам, я молча усаживаюсь на стул.

— Звонил детектив из ФБР, — начал я, этим пытаюсь завести разговор.

— ФБР? — Эмилия хочет сделать глоток, но отставляет бокал, настороженно ожидая продолжения.

— Да, — киваю я. — Сейчас идет расследование о незаконном списании денег со счета компании. До того, как ты вышла из душа, я прослушал сообщение от детектива Миллса, — мой взгляд непроизвольно упал на телефон, и я заметил, что Эмилия сделала также.

— Что ты имеешь в виду под «списанием»?

Что-то переменялось в ней, а ее взгляд стал более серьезным. Эмилия, напряженно расправив плечи, наблюдает за мной, так и не притронувшись к еде.

— Был заключен договор о покупке здания в Венеции. Мною были проверены и подписаны документы, как выяснилось позже, в банке они зарегистрированы не были, но деньги пропали. А владелец оффшорного счета решил остаться в тайне, — вкратце поясняя я, накалывая бекон и отправляя его в рот.

— Ты же понимаешь, что просто так списать со счета деньги нельзя? Как минимум там должна быть твоя подпись или же того, кто имеет на это право.

— Да, это мне известно. Филипп провел тщательную проверку системы компании: шпионских программ обнаружено не было. Над этим мы ломали головы ни одну неделю. Но, — отпиваю из бокала, — этим пусть занимается Бюро. У нас с тобой другие планы.

— Почему ты просто не рассказал, что у тебя возникли проблемы? Если тебе нужно уехать, я пойму.

— Детка, проблем нет. Эту финансовую черную дыру мне удалось закрыть, а ее возникновением занимается специальный детектив. Я не хочу этим испортить праздник. Если ты, конечно, не хочешь избавиться от меня поскорее?

— Нет, конечно, нет, — запротестовала Эмилия, снова откладывая вилку. — Я не должна была так реагировать, Джонатан. Выслушай, — она останавливает меня, как только хочу вставить свои пять центов. — Я не знаю, как мне вести себя рядом с тобой. Ведь я всего лишь...

— Эмилия... — хочу остановить ее.

— Ты хотел честный разговор? — перебивает меня, заправляя за ухо все еще влажную прядь волос. — Мне страшно, Джонатан. Я не знаю, что будет завтра, и как мне справиться с чувствами к тебе. Осталось не так много времени до моего отъезда.

— Так ты решила все-таки вернуться? — несколько резко спрашиваю ее. Чувствую нарастающие боль, обиду и раздражение.

— Пойми, у меня там дочь, — пытается дотянуться к моей ладони, но я убираю руку со стола, этим не даю к себе прикоснуться.

— И Алекс? — вот, что волнует меня больше всего.

Глаза Эмилии блестят от собравшихся слез, и это ранит меня еще больше.

— И Алекс. Я не могу просто исчезнуть из их жизни. А тем более бросить Еву. У тебя тоже есть обязательства — твой не родившийся ребенок, — ее щеки становятся влажными, а мое сердце замирает с каждой падающей слезой.

Не выдерживаю боль в карих глазах. Огибаю стол и присаживаюсь возле девушки, обхватывая ее лицо ладоням.

— Эмилия, нам нужно только захотеть, чтобы быть счастливыми. Мне неизвестно, что уготовано для нас судьбой, но раз мы встретились, значит, так было суждено. И переступить через свою любовь к тебе я не смогу, — всматриваюсь в любимый взгляд.

— И я тебя...

Мне хватает лишь первых слов, чтобы накрыть ее уста трепетным поцелуем. Теперь знаю точно, что наши чувства взаимны, и я буду бороться за нас до конца.

— Детка, не переживай, мы обязательно что-то придумаем. Не плачь, — стираю подушечками пальцев скатывающиеся капельки, а она, вымучено улыбнувшись в ответ, заключает меня в объятия.

Эта встреча стала для нас роковой. Мое предчувствие подсказывает, что нам придется пройти по пеплу, пока мы обретем шанс быть вместе.

Глава 26.2

(посвящается @Marry_Moore)

*«Достаточно всего одного человека,
чтобы все расцвело.*

Расцвело там, где никогда не было света»

©Уильям Шекспир

ЭМИЛИЯ

Компания молодых людей, пребывающих в приподнятом настроении, весело вываливается из припаркованного по соседству пикапа. Перекрикиваясь между собой, они, словно дети, пробираются между машин, кидая друг в друга снежки. Удивительно, но на Лонг-Айленде снега выпало уже намного больше, чем на Манхэттене. И он все еще продолжает идти, кружась снежинками в наполненном ароматами глинтвейна и цитрусовых воздухе. Выставив руку в теплой варежке, ловлю одну из них, улыбаясь простому чуду, лежащему у меня на ладони. Натягиваю капюшон, прячась от летящих прямо мне в лицо холодных серебристых хлопьев.

По словам Джона, каждый год на окраине Саутгемптона проходит предрождественская ярмарка. Там не только можно испробовать местные сладости или выпечку, но и провести весело время, участвуя в фестивалях, проводимых только в этот день, или покататься на коньках вокруг рождественской ели. Слышать от Джонатана о детских забавах также непривычно, как видеть его в повседневной одежде и вязаной шапке с милым помпоном.

— Идем? — Джон предлагает взять его за руку. — Надеюсь, здесь весело, как и десять лет назад, — со смешком сказал он, слегка сжимая мои пальцы.

Покинув парковку, выходим на небольшую дорожку между деревьями, которые буквально обмотаны в мигающие гирлянды. В конце нее виднеется арка, украшенная разноцветными шариками и бусами, что представляет собой вход на огражденную территорию ярмарки.

— Почему ты так долго не приезжал сюда? — интересуюсь у Джонатана, с любопытством поглядывая на него из-под ресниц.

— Все довольно банально — работа. В последние годы мне не хватало времени на свою жизнь, а о прогулке в парке или поездке на ярмарку и думать не приходилось. Ну и не последнюю роль сыграл переезд на Манхэттен.

Джонатан переложил руку мне на плечо, обнимая. Если опустить все подробности наших отношений, то мы бы сошли за влюбленную парочку, пребывающую в конфетно-букетном периоде.

— А как же твоя семья? Разве вы не празднуете Рождество? Ты говорил, что они живут в Хэмптонсе.

— Моя семья более сложна, чем структура «NW Company», — улыбнувшись, он продолжил: — В последний раз я здесь был вместе с дедом и Аделаидой. Родители предпочитают более консервативные развлечения: ужины или приемы.

— Ты часто упоминаешь Аделаиду, — замечаю я, а губы Джонатана приподнимаются в несколько печальной улыбке.

— По сути, моим воспитанием занималась именно она. Ну и дед. Отец в то время был ведущим юристом в компании, а его старший брат Майкл вице-президентом. Тогда они были командой. Управление в основном лежало на их плечах, а дед курировал из тени: готовил к работе без него.

— А мама?

Прижавшись ближе, ощущаю его тепло, и всматриваюсь в любимый изумрудный взгляд.

— Мама, — хмыкнув в ответ, Джонатан как-то замялся, что не осталось незамеченным, — как она говорила, создавала пиар компании: устраивала ланчи, обеды и прочие посиделки. Не хочу, чтобы ты подумала, будто я был брошен на произвол судьбы. Нет, просто наша жизнь отличается от жизни обычной среднестатистической американской семьи. А что насчет твоих родителей? — чмокнув меня в нос, он продолжил уверенно маневрировать между людьми, рассматривающих по обе стороны деревянные домики-лавки, наполненные сувенирами, едой и напитками. Каждый небольшой прилавок украшен к рождеству, а между крышами домиков через дорожку, натянуты переливающиеся гирлянды из красно-зеленых лампочек.

— Моим воспитанием занимались оба родителя, и даже сейчас они не упускают момента, чтобы направить меня на «правильный» путь. Отец работал в пожарной службе, а мама долгое время не могла найти хорошо оплачиваемую работу, пока не открыла свое дело — ателье. Сейчас мама все также работает, а отец на пенсии. Видимся мы нечасто, так как живем в разных городах.

Воспоминания о родителях повисают болезненным грузом где-то внутри. Не то, чтобы у нас были плохие отношения, но особой поддержки я от них никогда не чувствовала, и очень часто в мыслях винила их за это.

Джонатан, расплатившись, вежливо благодарит продавца за кофе и пирог с сухофруктами и орехами. Расставив тарелки и стаканчики, усаживаемся друг напротив друга за одиноко стоящим столиком возле фигурки оленя.

— Ты скучаешь по ним? — отпив кофе, Джонатан внимательно посмотрел на меня. — За родителями, — пояснил он, поймав мой слегка растерянный взгляд.

— Да, я бы хотела видеться с ними чаще. Мы жили практически рядом, когда поженились с Алексом.

Я только через несколько секунд поняла, что произнесла вслух. Моя рука, с зажатым в пальцах стаканом, замерла в воздухе, ожидая реакции Джонатана.

— Я хочу знать о тебе все, Эмилия. Конечно, если ты готова этим поделиться. Алекс часть твоей жизни. Не хочу, чтобы ты чего-то боялась, или нарочно избегала упоминаний о его существовании, — сказал Джонатан, и в знак поддержки накрыл своей ладонью мою ладонь, лежащую на столе.

— Спасибо, — почти одними губами говорю я, растворяясь в зеленых омутах, которые кажутся ярче, чем обычно.

— За что? — на лице Джонатана появилась улыбка, а густые черные брови в удивлении поднялись вверх.

— За то, что не давишь на меня и за то, что помнишь о реальности.

Ребяческая улыбка несколько померкла, но мне так не хочется портить этот поистине удивительный вечер. И я, подавшись вперед, нежно целую его в губы. Джонатан тоже придвинулся ближе, насколько позволяет круглый столик между нами, отвечая на поцелуй, от которого по телу пробежала дрожь, а дыхание стало тяжелым.

Разорвав наши языки, которые последние несколько минут сплетались настойчивыми ласками, я провела пальцами по его колючей щеке. Рядом с ним все по-другому. Моя жизнь другая. Мечты привели меня к нему, и сейчас я ощущаю невероятный прилив сил.

— Джонатан, — словно гром среди ясного неба, над нами раздался незнакомый мне голос. Подняв глаза, замечаю возвышающегося над нами мужчину в черном пальто. Он буквально сжигал меня своим зеленым и довольно знакомым взглядом из-под седых нахмуренных бровей. Джон расправил плечи и, кажется, даже перестал дышать. Еще немного и между этими двоими заискрится воздух.

— Эмилия, это мой отец Маршалл Вуд, — поднявшись с места, Джонатан ровным тоном представил мужчину, но я заметила, как его рука сжалась в кулак. — Отец, это Эмилия Шварц.

Я поднялась с места, но Вуд старший меня демонстративно проигнорировал, перебирая в руках кожаные перчатки и сверля глазами сына.

— Отойдем, — сказал ему Маршалл Вуд, делая с десяток шагов от нашего стола. Джонатан, бросив на меня успокаивающий взгляд, последовал за отцом.

Плюхнувшись обратно на стул, я подняла глаза к небу, размышляя какие последствия для Джонатана может иметь эта ситуация. Снежинки все также не спеша кружились в воздухе под играющую рождественскую музыку, и тихо спускались на мое пылающее лицо.

ДЖОНАТАН

По выражению лица отца могу предположить, что он крайне недоволен, и также это выдают его напряженные желваки.

— Ты хоть понимаешь, что ты творишь? — начал он. — Если Теодор узнает о твоей интрижке, то у всех нас будут неприятности. Большие неприятности. И списание четырнадцати миллионов покажется тебе детской шалостью на этом фоне, — сквозь зубы говорит он, а я пытаюсь сохранить безразличную мину, хотя удивлен, что отец в курсе дел.

Мое решение привезти сюда Эмилию, возможно, и было опрометчивым, но я точно не ожидал увидеть тут родственников. Хотя Спенсер писал, что Лили подняла всех на мои поиски, и апартаменты на Парк-Авеню превратилась в поисково-спасательный штаб.

— Твои действия и скрытность в последнее время играют против тебя, Джонатан. По слухам, Фелч недоволен твоими махинациями со счетами и благо, что это еще не просочилось в СМИ. А вместо того, чтобы решать проблемы, ты тягнешься со своей любовницей по Саутгемптону, — холодно говорит он, не скрывая неприязни к Эмилии.

— Перевести деньги с личного счета — это было правильным решение, отец, — сказал я, проигнорировав его злостные взгляды на девушку за столиком, и сделал шаг вправо, закрывая своей спиной Эмилию. — С Фелчем назначена встреча, которую никто не переносил и не отменял, поэтому верить в какие-то слухи я не буду.

— Просто исправь то, что ты натворил за последние несколько месяцев. Помни, что договор с Тео все еще в силе. А теперь убери ее отсюда, пока вас кто-нибудь не увидел. Хочешь любовницу, пусть будет так, но делай это подальше от наших глаз.

Наблюдаю за его отдаляющимся силуэтом и чувствую, как по телу расползается горькое разочарование. В семье всегда деньги, власть и привилегии от этого были на первом месте. До того, как я был скован обязательствами, мне и в голову не приходило, что я погрязну под чьим-то влиянием. А что же нужно было мне?

Ослепленный юношескими мечтами, я с упоением слушал рассказы Аделаиды об ее Родине — Ирландии. О том, как она жила в небольшом доме с соломенной крышей и была

вынуждена помогать по хозяйству с ранних лет. Однако те воспоминания, по ее словам, хранили в себе свободу, просторы зеленого травянистого моря, каменистых обрывов и бескрайнюю водную гладь, что виднелась из ее окна. Вдохновленный Изумрудным островом, я был уверен, что к тридцати пяти буду женат, иметь, как минимум, одного ребенка, и, возможно, у меня будет ферма или небольшое предприятие по производству виски. Мечты о самостоятельности и независимости так и остались мечтами, а рассказы Дели со временем начали вызывать досаду.

Громко смеющаяся проходящая мимо пара выдергивает меня из фантазии, окуная с головой в разительно отличающуюся реальность... Я в процессе развода. Лили беременна, черт возьми, от кого. На месте «моих» зеленых пастбищ, солода, кукурузы и дубовых бочек из-под хереса офис на Уолл-стрит. И она. Женщина, в которую я влюблен той самой любовью, что заставляет мечтать и судорожно биться покрытое слоем пыли сердце. Подперев щеку ладошкой в варежке, Эмилия точно смотрела мне в глаза. Если бы мы встретились несколько лет назад, какое бы будущее у нас было? Возникли бы между нами такие же чувства?

— Ну, — пряча подальше свою тревогу, обращаюсь к Эмили. — Начнем с сувениров или прокатимся на коньках? — наклонившись к ней, целую в холодную щеку. — Ты замерзла?

— Нет, все в порядке, — наиграно растягивает губы в вежливой улыбке. — А у тебя? Твой отец был явно недоволен.

— Не хочу, чтобы ты беспокоилась или переживала. Все идет так, как должно быть, — убедительным тоном заверяю ее. — У нас отняли время, поэтому предлагаю начать с катка, — нелепо перевожу тему, а Эмилия, цокнув в ответ, поднялась с места.

— Только не отпускай меня, — жалобно протянула Эмилия.

Крепче сжав ее ладонь, я с легкостью маневрировал по блестящему льду, огибая таких же фигуристов, как и мы. Воздух был наполнен знакомой с детства мелодией, которая смешивалась со счастливым смехом детей и обрывками доносящихся фраз.

Завизжав и прикрыв веки, девушка буквально повисла на моей руке, когда я резко свернул к бортику, проезжая в нескольких дюймах перед набравшей приличную скорость женщиной.

— Все, можешь открыть глаза, — смеясь, ставлю руки на ограждение по обе стороны от нее. Выбившиеся пряди волос из-под капюшона припорошены снегом, а взволнованно-восторженный взгляд, заставляет растянуть губы в довольной улыбке.

— Может, еще сделаем пару кругов? — предлагаю я.

Я забыл, когда в последний раз мне было так легко и уютно одновременно. Мой внутренний мир вздохнул с облегчением и наконец-то расслабился, наслаждаясь происходящим.

— Я бы с радостью, наверное, — Эмилия засмеялась в ответ. — Но у меня уже замерзли пальцы на руках.

Взяв ее маленькие ладошки в руки, я несколько раз подышал на них, а после растер, пытаясь согреть. Мне бы хотелось еще остаться здесь. Понимаю, что мы около двух часов провели на льду, а до этого практически столько же гуляли по импровизированным улочками между деревянных ларьков. И, если не согреться в ближайшее время, то можно запросто заработать простуду или того хуже.

— Все же ты романтик, мистер Вуд, — довольно делает вывод она.

Эмилия наблюдает за тем, как я достаю из камеры хранения наши пакеты с едой и сувенирами, некоторые из которых удалось купить по сниженной цене. Оказывается, в ней есть деловая жилка. Или под ее обаяние попал не только я?

— Скажешь спасибо Аделаиде за ее довольно романтичный взгляд на мое воспитание, — шучу, оставляя несколько поцелуев на ее холодной щеке, каждый раз громко чмокая.

— Слушаю, Спенс, — отвечаю на звонок, а Эмилия становится в очередь за чаем. — Как слышишь я живой и со мной все в порядке... На ярмарке в Саутгемптоне... Нет, тебе не послышалось... Ты по делу? — напрягаюсь от вопроса кузена. — Чему быть, того не миновать, Спенс... Отца я уже встретил, поэтому маме можешь передать, что на Рождество меня не будет. Я взял отпуск, — кидаю напоследок, перед тем, как попрощаться.

«Сегодня нам больше никто не помешает», — с этими мыслями выключаю телефон, проигнорировав очередное сообщение от детектива, и прячу его в карман.

Глава 26.3

(посвящается @AlenaChernichnaya)

*«Каждую минуту, проведенную с кем-то,
вы берете часть его жизни и отдаете часть своей»*

©Элли Каунди «Обрученные»

ЭМИЛИЯ

Выруливая на припорошенное снегом шоссе, Джонатан внимательно следит за дорогой. Напряженные скулы и сомкнутые в тонкую линию губы выдают оставшийся неприятный осадок в его душе после разговора с отцом. Кажется, что веселье и счастье не успели запрыгнуть на заднее сиденье его внедорожника, спешно покидающего ярмарку.

— Ты так и будешь молчать? — не выдерживаю первая, откидывая варежки на приборную панель, где навигатор указывает направление «домой».

— Что?

Джонатан не сразу оборачивается на мой голос. Бегло окинув взглядом, возвращает внимание на дорогу.

— Прости, задумался, — продолжил он, когда я, упершись лбом в стекло, смирилась так и проехать оставшиеся мили в раздражающей тишине. — Сегодня по плану ужин. Мы должны были навестить Куперов, но отец был тут, в Саутгемптоне. Думаю, вряд ли он успел бы прилететь из Вашингтона сразу после трапезы, — озвучил свои мысли Джонатан.

— Он был сильно зол?

Вуд старший буквально испепелил меня своим гневным зеленым взглядом и развеял где-то над Атлантикой. Каждая клетка тела пылала от стыда и уязвимости испытуемых рядом с недружелюбно настроенным Маршаллом Вудом.

— Он не всегда высокомерный кретин, если ты об этом, — Джонатан отпустил вымученный смешок. — Отец успокоится, когда найдут причастных к хищению и все более-менее утрясется.

— Я чувствую себя виновато. Мне казалось, что вот-вот и я сгорю от стыда перед твоим отцом, — пробую ладошками свои, наверняка, красные щеки.

— Ты ни в чем не виновата, Эмилия, — убедительным тоном заверил Джонатан,

съезжая на обочину.

— Я умолчала о муже и дочери, предала Алекса и вмешалась в твою жизнь. Из-за меня у тебя проблемы, — чувство сожаления, словно пламенем, выжигает все внутри.

— Посмотри на меня, — поддев пальцами подбородок, Джонатан повернул мое лицо к себе. — Ты не виновата в моих проблемах или в проблемах компании. Сейчас действительно все очень запутано, и мы оказались перед тяжелым выбором, но думаю, через некоторое время взглянем на это спокойно.

Уткнувшись носом в его теплый белоснежный свитер, я невольно представила отвращение и боль в глазах Алекса после того, как он узнает о моей неверности. Последние несколько лет были тяжелым испытанием для нас обоих. Нет, у нас не было ссор, только леденящее душу молчание. Я сдалась первая. Не боролась за нас, не пыталась выяснить причину, а просто впустила в свое сердце Джонатана Вуда, без которого моя жизнь уже никогда не будет прежней.

— Когда ты успел? — удивленно осматриваю ванную комнату, умиленно улыбаясь.

— Все подготовил до отъезда, а свечи зажег, пока ты переодевалась, — пояснил Джонатан, с хитрым прищуром выливая в воду тягучую жидкость из баночки. Вода сразу же начала покрываться густой пеной, смешиваясь со струей воды, а в воздухе появился аромат кокоса.

— Нам нужно согреться, — невозмутимо сказал он и начал развязывать пижамные штанишки в серую клетку. Засмеявшись, я закрыла ладонями глаза, смущенно прячась от его возбужденно-романтического вида, который будоражил все внутри.

Откидываю вещи на край серебристого пуфика и завязываю «в пучок» волосы. Джонатан уже залез в воду, по-хозяйски положив руки на борт ванны. Занимаю место напротив, погружаясь под слои пушистой пены и теплой воды.

Джонатан неожиданно потянул меня за лодыжку, и я проехала по скользкому дну на пятой точке прямо в его крепкие объятия. Наши губы, будто магнитом, притянулись за считанные секунды. Боль, сомнения, страх — это так не важно, когда его поцелуй переполнен пьянящим чувством...

Довольно устроившись между его бедер, я комфортно расположилась на широкой груди. Отчетливо ощутимое мужское напряжение, которое уперлось в поясницу, не дает полностью расслабиться в этой довольно уютной атмосфере: потрескивание пламени свеч, витающий аромат экзотического фрукта и до дрожи необходимое тело Джонатана.

— Теперь, ты молчишь, Эмилия, — расслабленным голосом сказал он, плавными движениями руки поглаживая мой живот.

— Даже не знаю, какие светские беседы вести в этой обстановке, — поерзав, я дала понять, что ощущаю его волнующую *часть*.

— Расскажи что-то о себе, — размеренный бархатный тембр заставил на секунду лениво закрыть глаза, не спеша с ответом.

— Ты же видел анкету. Она, наверное, с десятков страниц.

— Расскажи то, чего там нет. Или можем сыграть вопрос-ответ...

Я хотела обернуться, но Джонатан не позволил, удерживая ладонями на животе в исходном положении. Несколько торжествующих ударов сердца сменились томительным ожиданием следующих действий. Но целомудренные поглаживания и касания Джонатана в разрез расходятся с моими далеко неприличными мыслями.

— Все в порядке? Ты напряжена, — крепкие ладони переместились на плечи и начали осторожно массировать натянутые мышцы. Шумно втянув воздух, Джонатан надрывно, но уверенно, прошептал на ухо: — Я не сдамся, Эмилия.

Слова дрожью пробегают по нервным сплетениям, оставляя где-то волнение, где-то легкий трепет, а где-то сжигая дотла оставшееся самообладание. Сердце судорожно барабанит под ребрами. Низкий тембр уже проник в сознание, заставляя тело податливо отзываться на властные прикосновения.

— Мистер Вуд, — прошебетал чей-то неуверенный голосок за дверью. Дернувшись от неожиданности, я резко развернулась назад и уставилась на Джонатана.

— Ты можешь быть свободна, — громко ответил он, и его слова эхом прозвучали в просторной мраморной комнате. — А нас ждет следующая часть вечера, детка, — прижав к себе ближе, он чмокнул в щеку, на что я разочаровано вздохнула.

Миллионы светящихся точек с противоположного берега мерцают вместе со срывающимся снегом, который, похоже, превращался в метель. Затянув полы мягкого халата сильнее, я сделала несколько глотков ароматного кофе и наблюдала за мелькающими фарами проезжающих автомобилей по мосту. В духовке разогревалась приготовленная домработницей еда, а Джонатан перебирал коробку с дисками, не устывая спрашивать мое мнение по каждому кинофильму.

С улыбкой взглянув на мужчину, я разложила на тарелки салат и что-то похожее на жаркое. И, кажется, что так может быть всегда: я и он... Словно чан с ледяной водой окатил меня с головы до пят, напоминая, что дома меня ждут. Ева. Каждый раз, вспоминая ее полные печали карие глаза при расставании, сердце судорожно сжимается в болевых спазмах. Делаю несколько вдохов и стираю тыльной стороной ладони скатывающуюся слезу, пока не заметил Джонатан.

— А этот? «Один дома»? — с надеждой в глазах Джонатан поднял диск.

— Я буду стараться не говорить репликами героев, — хмыкнув в ответ, расставляю тарелки на журнальном столике возле телевизора и устраиваюсь на ковре. — Я из другой страны, но не из другой планеты, Джонни, — сладко протягиваю его имя, на что он громко цокает.

— Тогда можно включать любой из этих фильмов, — Джонатан слегка встряхнул коробку. — И ты и я видели их по несколько десятков раз.

— Давай «Один дома». Может, твой диск отличается от моего?

— Не смешно, Эмилия. Ты даже не представляешь, сколько я искал эту коробку. Пришлось даже просить Аделаиду, — с упреком сказал он, вызвав на моем лице ироническую усмешку, которую я с трудом пыталась скрыть.

— Джонатан, мне нравится любой из этих фильмов, особенно если мы будем смотреть вместе.

— Хотя с одной стороны хорошо, нам не обязательно досматривать до конца, — он игриво вздернул бровями и уселся рядом, подхватывая свою тарелку.

— Джонни... — снова протянула я.

— С твоих уст это звучит сексуально, Эмилия, — перестав жевать, Джонатан посмотрел на меня. — И я давно не слышал твоих стонов.

— Фильм, мистер Вуд, уже начался, — указываю невинным взглядом на телевизор и накалываю салат.

— Да кому нужен этот чертов фильм? — с этими словами Джонатан спешно отставляет тарелку и наваливается на меня сверху.

ДЖОНАТАН

Заваливаю Эмилию на ковер, одной рукой удерживая вес своего тела, а другой развязываю узел халата. Девушка смеется и пытается сопротивляться, но я вижу, что азарт и страсть в ее глазах уже слились в едином танце. К моему разочарованию под плюшевой тканью обнаруживаю пижаму. Тонкая ткань, которая возбуждающе прилегает к ее изгибам. Накрываю Эмилию своим телом, плотнее придвигаясь, и внимательно изучаю утонченные черты лица и карий взгляд. Я бы мог смотреть на нее вечно. Однако, есть ли это «вечно» у нас?

— Завтра Рождество, — говорю я, а Эмилия удивленно вскидывает брови.

— Знаю, — уже более настороженно отвечает она.

— Ты знаешь, что в Рождество принято загадывать желания? — стараюсь сделать как можно более серьезный вид.

— Я прочитала много литературы об американских традициях, но об этом было ни слова, — парирую Эмилия.

— Такую информацию не найти просто так, она слишком секретна, — подхватывает ее настрой.

— Джонатан, — улыбаясь, Эмилия обнимает меня за шею. — Что ты придумал?

— Это не выдумки, мисс Шварц, — оставляю быстрый поцелуй на розовых губах. — Тебе нужно хорошо обдумать свое желание, а лучше обсудить его со мной и тогда оно точно сбудется.

Перехватываю ее слова глубоким поцелуем, жадно сминая бархатные уста. Не в силах больше сдерживать себя, освобождаю пленительное тело Эмилии от раздражающих слоев одежды, оставив лишь короткие шортики. Тихие срывающиеся стоны еще больше разжигают возбуждение во мне, и я готов разорвать оставшуюся ткань на ней.

— Джонатан! — Эмилия успевает лишь вскрикнуть, когда шелковая материя с треском разрывается на части. — Мне нравилась эта пижама, — с наигранной обидой прикусывает губу.

— А мне нравится, когда на тебе ничего нет.

Рядом с ней я чувствую себя по-другому, ощущаю этот мир по-новому. Рядом с ней ничто не имеет вес для меня. Я влюбился и мне плевать, кто и что на это скажет. Я готов рискнуть — оставить все. Полностью начать жизнь с нуля. Но только с ней... Мысли, которые не давали мне спать и тысячи раз прокручивались в голове, рассеиваются в тишине, нарушаемой нашим прерывистым дыханием. Протяжные стоны срываются раз за разом, когда я мучительно медленно вхожу в Эмилию. Ее ногти впиваются в спину, а я нежно прикусываю кожу на шее, спускаясь беглыми поцелуями ниже к груди. Она хочет увеличить темп, приподнимая бедра на каждом толчке. Я не дам ей этого. Я буду наслаждаться каждым дюймом ее тела, перехватывающими дыхание стонами и мягкими губами на моей коже.

Эмилия с силой подтягивает ближе, запуская тонкие пальчики в волосы на затылке, и прикусывает мою губу. Знаю, что она находится на грани, поэтому резко и настойчиво проникаю внутрь, страстно сминая пересохшие губы девушки. Я готов отдать все, что у меня есть за нашу свободу, лишь бы так и дальше оставаться единым целым...

«Без любви жить легче.

Но без нее нет смысла»

©Лев Толстой

ДЖОНАТАН

— Просыпайся, — знакомый голос промурлыкал мне на ухо, и ленивая улыбка сразу же возникла на моих губах, но веки не желали открываться. — Просыпайся, соня, — пухлые губы оставили несколько поцелуев на шее. — Уже практически полдень.

Пытаюсь вспомнить, когда в последний раз так долго спал. Хотя во сне я пробыл относительно недолго.

— Я даже не могу перевернуться, — ощущаю, как болит каждая косточка в теле. Особенно ребра, кажется, будто они все сломаны. — Плохая идея остаться спать на полу, когда в апартаментах много более подходящих мест для этого.

— А я удивительно выпалась и полна сил, — бодро проговаривает Эмилия, вскакивая с импровизированного спального ложе.

— Конечно, ты всю ночь проспала сверху на мне. Использовала, как матрас, — с трудом заваливаюсь на спину, протяжно закрхтев. — У этого ковра ужасный ворс: от него все тело чешется, — несколько раз недовольно хлопаю по нему.

— Хватит причитать, мистер Вуд. Я в душ, а ты вставай.

— Я бы мог сказать, что пойду с тобой...

Наблюдаю как ее фигура, укутанная в плед, быстро поднимается по лестнице. Пытаюсь подтянуться, чтобы хоть как-то снять напряжение с мышц, и успеть за порхающей по ступенькам девушкой.

— Кофе и завтрак, Джонатан, на столе. Вставай! — весело крикнула Эмилия со второго этажа перед тем, как закрыть за собой дверь в ванну.

Неужели я настолько стар, что уже не могу перенести несколько часов на полу? Раньше, во времена моей беззаботной юности, пол был одним из самых удобных мест для сна: его не штурмовали алкогольные вертолеты.

Скидываю плед и усаживаюсь на противном ковре, пропуская спутанные волосы через пальцы. Сегодня Сочельник, поэтому нужно взять себя в руки, но для начала по выработанной годами привычке проверить почту.

Нащупав детище Стива Джобса под диваном, выключаю «режим Полета». Словно соревнуясь друг с другом, на моем экране загораются уведомления. Пролистываю вниз, пропуская сообщения, содержимое которых можно предугадать, и обнаруживаю несколько пропущенных от Джареда Миллса. Пишу сообщение, что встречу с ним сразу же после Рождества.

«Джон, куда ты пропал? Какие планы на Рождество? Мэлани предлагает встретиться после семейного ужина и отметить тесным кругом. Позвони мне, хорошо?»

А, и твоя мать звонила... Ты перегибаешь, Джонатан. Ты же не бросишь беременную жену ради «этой»? В общем позвони. И не наломай дров», — пробасил серьезный голос Алана в динамике.

«Ради «этой» ... Вот как?», — тяжело вздохнув, я поднялся с места и подошел к окну. Яркое зимнее солнце освещает жизнь внизу. Несколько пар прогуливаются вдоль реки по витиеватым дорожкам, небольшие суда не спеша скользят по темной водной глади, а резво играющая детвора в парке, наверняка, радуется снегу...

Наша дружба с Аланом тянется со старшей школы. Я заступился за него на церемонии посвящения, которую проводили для всех новоприбывших. Что-то зацепило меня в нем. С тех пор Алан был в моем близком круге общения и всегда был на моей стороне. Или умело показывал это? Меня всегда интересовало: где его родители и почему о них нет никаких данных? Я никогда не копал под друга, не использовал свои каналы, чтобы хоть как-то узнать о его жизни до Нью-Йорка. Алан Браун часто вызывал во мне сомнения, но эти сомнения никогда не подтверждались фактами.

Мэлани. Еще одна фигура из моего окружения, которая вызывает вопросы. Отец Мэл связан с нефтяным бизнесом и часто в разъездах. Но, несмотря на пагубные пристрастия дочери, доверил ей управление одним из филиалов его небольшой, но весомой на рынке нефти, компании. Я никогда ранее не задумывался об этом...

— Джонатан, ты хотя бы халат накинул, — маленькие ладошки на моих плечах застали врасплох, отчего я слегка напрягся. — Вдруг твоя гувернантка снова придет в неподходящий момент, — взглядом указывает на мои обнаженные части тела.

— Детка, во-первых, с этой стороны я довольно-таки неплох, а во-вторых, домработница сегодня выходная, — весело разворачиваюсь на стуле, обнаруживая испепеляющий взгляд.

Скрещенные руки на груди Эмилии не предвещают ничего хорошего. Влажные золотистые волосы беспорядочными волнами перекинуты на плечо, а сводящее меня с ума тело, спрятано под шелковым коротким халатом. Белые пушистые тапочки на ногах, добавляют невинности ее образу.

— Хочу сказать, что ты чертовски аппетитная. А я в последнее время постоянно голоден, — подхожу к ней вплотную, чувствуя кокосовый аромат ее волос.

— Нет, Вуд, сделай шаг назад, — Эмилия пытается меня отодвинуть, но у нее не выходит. Тогда она пытается сделать шаг назад, но снова неудача: сзади кухонная тумба.

— Ты ревнуешь? — уж слишком весело замечаю я и делаю шаг, не оставляя даже дюйма между нами.

— С ума сошел? — Эмилия неумело скрывает это, пытаюсь отвести карий взгляд.

— Ну, тогда завтра я встречу миссис Спрингс во всей красе, — расставляю руки в стороны, глупо улыбаясь.

— Только попробуй, Джонатан. Это будет последним твоим действием, — встает на носочки, чтобы поравняться взглядами.

— Примерно также я думал, когда на тебя смотрел Стивен, — подхватываю ее под бедра и усаживаю на отполированную столешницу.

— Твой водитель? — удивленно спрашивает Эмилия, закидывая руки мне на шею.

— У меня натянутые отношения с этой категорией прислуги. Детка, я твой с самой первой встречи, — серьезно говорю эти слова, на которые буквально месяц назад закатил бы глаза и громко цокнул.

Без стеснения забираюсь ладошками под халат, подвигая за бедра на себя. Эти карие глаза с заметной болью и ярко выраженной любовью ко мне одновременно дарят надежду и раздирают все внутри на куски.

— Джонатан, каждый раз в такие моменты я боюсь, что все лопнет, как мыльный пузырь.

— Мы всегда можем надуть новый, — улыбаюсь, скрывая свое беспокойство. — Помнишь, мы договорились? Не говорить, не думать, оставить это время только нам?

Очерчиваю ее ключицу, и зарываюсь пальцами в волосы, не разрывая взгляд. Без слов, Эмилия утвердительно кивает, соединяя наши губы в требовательном поцелуе...

Поправляю бабочку, наверное, уже в сотый раз, как и запонки на рубашке. Снова расстегиваю пуговицу на пиджаке, но сразу же возвращаю ее в исходное положение. Похоже, я волнуюсь. Последний раз я испытывал это чувство, когда подписывал первый контракт в должности президента «NW Company». Это, к слову, тоже было в канун Рождества. Исчезли чувства, которые я испытал за последние несколько часов, не стоят ни одного шестизначного счета...

Все планы на этот день были нарушены сразу же, как только мы покинули апартаменты. На улице кружил снег, а столбик термометра опустился ниже обычного. Укутанные в шарфы и пуховики, мы спустились на подземную парковку и обнаружили, что автомобиля нет. Джеймс по ошибке отогнал его на Манхэттен. Чертыхаясь, я еле сдерживал себя, чтобы не сорваться на водителя при хихикающей Эмилии. Мне не было смешно, зная, что ее подарок укатил на Парк-авеню и может не вернуться к назначенному времени из-за пробок. Возвращаться домой было нельзя, иначе бы и «этот» сюрприз сорвался. Нужно срочно придумать запасной план, но без машины и практически не зная окрестности, варианты не появлялись в моей голове.

— Пойдем, Джонатан, просто прогуляемся, — все также хихикая, Эмилия взяла меня за руку, направляя в сторону выхода.

— Детка, ты же видела сугробы? Там, как минимум, нужны лыжи!

Я судорожно перебирал в голове альтернативу.

— Может, найдем ресторан или кафе? — предложил я.

— Да ладно тебе, дорожки расчистили — я видела из окна еще утром, — убедительно сказала она и натянула варежки.

Деваться было некуда, да и до конца испортить намеченное не хотелось. Заключение девушки в объятиях, я прижал ее крепче к себе, насколько позволяла зимняя одежда.

— Если я заболею, тебе придется варить мне бульон, — хитро заявляю, целуя в прохладную щеку Эмилии.

— Это не самые большие трудности, мистер Вуд. Моя бабушка знала много действенных способов, чтобы побороть простуду и с радостью применяла их ко всем. Эти уроки я запомнила и, поверь, ты не захочешь больше болеть, — коварно сказала она на ухо.

— Твои угрозы действуют на меня также, как и твой запах, как и касания, голос, смех, глаза...

Ее покрасневшие щеки и выразительные карие глаза заставляют без стеснения найти мягкие губы. Падающие снежинки сразу же тают от горячего дыхания между нами и, если бы не присвистнувший прохожий, нам бы пришлось вернуться в апартаменты, по дороге разбрасывая одежду.

Спешно перебежав улицу, мы оказываемся практически под Манхэттенским мостом, что завораживает своей железной конструкцией.

— А это Бруклинский мост? — кивнув головой, Эмилия посмотрела в другую сторону.

Обернувшись через плечо, я пробежался взглядом по грандиозному сооружению. Я много раз проезжал по нему, но только сейчас увидел, насколько он невероятен.

— Итак, Кларк²⁴, — шуточно обратился к Эмилии, — какую часть Бруклина исследуем?

Наша экспедиция по заснеженным окрестностям длилась несколько часов, мы успели пройти по всем ближайшим дорожкам и прогуляться в небольшом парке в квартале от дома. Буквально с каждой минутой снега становилось больше, и мои переживания также увеличивались в объеме, как и сугробы.

Щеки Эмилии покраснелись от промозглого ветра, доносящегося со стороны Ист-Ривер, но она не переставала улыбаться, поглядывая на меня из-под пушистых ресниц. Нужно было согреться и я, взяв девушку за руку, потянул ее в сторону первого попавшегося магазина.

В носу сразу защекотало от пыли, что скопилась на многочисленных полках, забитых предметами интерьера, украшениями, книгами. Казалось, здесь нет свободного места, только небольшие проходы между шкафами-витринами. Эмилия принялась рассматривать небольшие статуэтки, внимательно изучая каждую из них.

— Будь здоров, Джонатан, — прощепетала Эмилия, не отрывая взгляда от потрепанного временем тома «Война и мир».

— Чертова пыль, — проворчал я, потерев нос салфеткой, ощущая, как закладывает нос. — Нужно поискать другое место для обогрева, — предложил я, но Эмилия, кажется, не обратила на это внимания.

— Дай мне несколько минут.

Прикрыв нос салфеткой, я последовал за ней, безучастно осматривая предложенный товар. Но одна вещица меня заинтересовала, и я потянулся к ней, чтобы убедиться в своей правоте. Подхватив пальцами небольшой медальон на тонкой цепочке, я перевернул его, чтобы рассмотреть надпись.

— Это Картье, — заключил я, вскидывая брови от удивления. Наверное, владелец этого магазинчика не догадывается, что на его полке хранится небольшое богатство.

— Да. Это изделие даже старше, чем я. Можно? — проговорил совсем рядом хриплый голос, устало засмеявшись. От неожиданности я за малым не уронил винтажное украшение на пол.

Женщина протянула руку ладонью вверх, и я отдал медальон ей.

— Давно я тебя не видела, — обратилась она явно не ко мне.

— Джонатан, я нашла интересные книги. — Эмилия вернулась с несколькими потрепанными печатными изданиями в руках. — Ой, простите, — неловко сказала она и остановилась в полуметре от меня, удивленно осматривая пожилую женщину.

— Я хозяйка лавки Стефания, — представилась пожилая женщина, перебирая пальцами находку.

— Тогда вы должны знать, что этот медальон стоит почти, как эта недвижимость, и его запросто могут украсть.

— За пятьдесят лет — это еще никому не приходило в голову, молодой человек, — женщина взглянула на меня так, словно я произнес самую большую глупость в своей жизни.

— Я Джонатан, а это Эмилия, — сухо представил нас, решив, что наших имен ей достаточно.

— Когда-то и я была также хороша, как твоя жена.

Эмилия лишь печально улыбнулась на ее слова.

— И носила вот это, — Стефания подняла с ладонки украшение, удерживая за цепочку. Несколько синих камней блеснули в воздухе, преломляя свет.

— Это принадлежало вам? — спросила Эмилия, опершись плечом о шкаф.

— Да, его подарил мне первый муж, когда я жила по ту сторону реки.

— Вы раньше жили на Манхэттене? — теперь отчего-то стало интересно мне.

— Это было так давно... Мои окна из спальни выходили на Юнион-сквер. Я была одета в костюм, как у Джеки²⁵, с такими же белыми перчатками, и так спешила прогуляться по парку с подругами, — Стефания все еще глядела на медальон, слегка покручивая за цепочку.

— Это престижный район, — недоверчиво хмыкнул я, за что Эмилия незаметно стукнула меня по ноге.

— Мой бывший муж мог себе это позволить, как и отец, — Стефания засмеялась, но сразу же закашлялась. — Он любил, когда я была в таких вот побрякушках. Я и сама любила и была так рада каждой из них! — женщина улыбнулась, но печально добавила: — Пока не встретила *его*.

Я машинально перевел взгляд на Эмилию, которая как замороженная смотрела в карие глаза Стефании, вокруг которых давно были морщины. Мне кажется, что я чувствую, как каждая ее мышца натягивается, а сердце бешено колотится в груди.

— Он только что вернулся из армии... В этой своей форме он выглядел, как кинозвезда, очаровывая своей белоснежной улыбкой прохожих. Я все еще помню все до малейших деталей, — Стефания закрыла глаза, болезненно поморщившись. — Каждый его уверенный шаг, блеск голубых глаз, что так удерживали мой взгляд, пока расстояние между нами сокращалось с каждым шагом. Понимаете, хватило одного лишь взгляда!

— А что было потом? — тихий голос Эмилии заставил сердце болезненно сжаться. Неужели она восприняла бредни старухи всерьез?

— Потом? Потом были несколько лет ада, которые мы проживали круг за кругом... Я сбежала от мужа в одной сорочке среди ночи после того, как он нашел письма от Ника. Оставила все, кроме этого кулона, который попросту не успела снять. От меня отвернулись все: отец, мать, сестра, подруги... Я больше полувека не была на острове и не жалею об этом, — Стефания скрестила руки на груди, спрятав медальон в кулаке, и победно приподняла подбородок.

— Что было не так с Ником, что от вас отказалась семья? — спросила Эмилия.

Я знаю, что она делает: примеряет эти рассказы на себя.

— У него была убогая комнатуха с видом на рыбный склад и несколько баксов в кармане. Мой отец быстрее бы пристрелил его в подворотне, что к слову пытался сделать, чем благословил нас.

— Вы бы могли продать кулон и переехать, — холодно заметил я, обнимая Эмилию за талию. Еще пара минут и я ее отсюда вынесу.

— Могли, но не сделали этого. Это деньги Фаулера и начинать новую жизнь на средства этого подонка было самым последним, чтобы мы предприняли. Было трудно, но мы справились. Даже купили этот магазинчик, а позже открыли небольшое кафе, — Стефания указала на дверь между стеллажей, которую мы сначала не заметили. — У каждой вещи своя цена, но стоит тебе сделать выбор, и вся ее ценность теряется, приобретая новый смысл, Джонатан, — тепло сказала Стефания, проигнорировав мой холодный взгляд.

Глава 27.2

«Прежде чем о чем-то мечтать — подумай.»

А вдруг сбудется?»

ЭМИЛИЯ

В маленьком помещении кафе, казалось, не было свободного места от праздничной атрибутики: гирлянды, мишура, разнообразные тематические фигурки и самое главное — ель. Небольшое, но обильно украшенное, деревце стояло как раз возле нашего столика, переливаясь всеми цветами радуги. За окном уже смеркалось, люди проходили мимо, с трудом пробираясь по заснеженному тротуару. А снега выпало действительно много и, похоже, он не собирался прекращаться.

Согревая руки о теплую чашку с шоколадом и разноцветным маршмеллоу, рассматриваю серьезное лицо Джонатана, который регулярно поглядывает на телефон. После разговора с хозяйкой лавки, он выглядит напряженным. Этот разговор тронул и меня, ведь мы никогда не задумываемся, что проходящий мимо человек или просто оказавшийся в очереди рядом, имеет свою историю. И не всегда его путь легкий и счастливый.

Я старалась не думать, что нас с Джонатаном ждет впереди. Каждый раз доходила до определенных событий в своей голове и возвращалась назад... Страшно, невыносимо больно, одиноко — это те чувства, которые я испытывала в моменты размышлений.

— Расскажи мне, какой ты был в юности? — задаю, может быть, нелепый вопрос после длительной паузы, и делаю пару глотков из кружки с Гринчем.

— В юности? — Джонатан улыбнулся в ответ. — Высокомерным, упертым, избалованным — типичным парнем из Верхнего Ист-Сайда, который посещал частную школу.

— А что же изменилось сейчас? — стараюсь скрыть в голосе сарказм и не улыбаться.

— Ты смеешься надо мной? — Джонатан оперся локтями о столик и хитро прищурил глаза. — Я помню, что сказала твоя подруга: «высокомерный кретин», — он задорно засмеялся, чем привлек внимание официантки.

— Это было ужасно, — ладонями закрываю пылающие щеки, в надежде их как-то остудить.

— Было забавно. И Алан был в восторге, — Джонатан продолжил улыбаться, убирая прядь моих спутанных волос за плечо.

— Вы давно знаете друг друга? — цепляюсь за спасительную соломинку и перевожу тему.

— Со старших классов. Алана перевели из какой-то частной школы Великобритании. Сначала мы были далеки от дружбы, но в один момент все изменилось.

— А Спенсер, правда, твой кузен?

— Правда, — в подтверждении своих слов, Джонатан кивнул. — Нас связывает родство по линии моей матери. В девичестве Вивьен Чейз. Спенс — сын ее сестры Лорен. Он больше, чем кузен или друг. Спенсер мой соратник, близкий человек. Как знает меня он, больше никто не знает.

Его слова отчего-то неприятно кольнули в груди. Ревновать к кузену — сверхидиотизма.

— А что насчет тебя? Кузены, подруги, друзья? Насколько я понимаю, с Леной вы знакомы недолго, — не глядя на меня, спросил он. Джонатан быстро написал кому-то сообщение и отодвинул телефон.

— С Леной нас свел один самолет и два соседних кресла. У меня есть и братья и сестра,

но мы не поддерживаем дружеские отношения, общаемся по случаю. Есть несколько подруг. С моей близкой подругой Наташей мы жили по соседству полжизни, учились в одной школе, университете, но потом разъехались в разные концы города. Сейчас видимся не часто.

— Пообещай, если я спрошу, ты не будешь расстраиваться, — серьезным тоном поинтересовался Джонатан, но при этом выглядит забавно с кружкой в руке, на которой изображено Чудовище и Белль. — Что насчет Алекса? Как долго вы женаты?

— Не думаю, что это лучшая тема в Сочельник, — я постаралась улыбнуться, а внутри меня все будто взвыло. Не то, чтобы меня волновал именно он, Алекс. Больше всего я боялась оступиться в своих мыслях.

Джонатан пронзительно смотрел на меня, ожидая ответы и выжидая малейшее проявление эмоции. С трудом выдерживаю зеленый взгляд, и накрываю своей ладонью его сжатые пальцы в кулак. Это похоже на «Салочки», но не один из нас так и не догоняет другого. Несмотря на все слова и чувства ни я, ни Джонатан, так и не решаемся полностью открыться.

— Алекс, — начала я, надрывно вздохнув, — у него все замечательно. Он много работает, поэтому несколько лет назад получил хорошую должность. Женаты мы семь лет.

Я подумала, что этой информации для него достаточно. Как бы сейчас не складывались отношения с Джонатаном, обсуждать Алекса я бы не хотела.

— Что-ж, — он зачесал пятерней свои черные волосы, — тогда нас ждет главная часть вечера.

Джонатан завел нас в апартаменты с «черного» входа, и пресек все мои попытки увидеть, что происходит на первом этаже. Мне был дан час на сборы и я, в предвкушении вечера, за рекордное время приняла душ и уселась за туалетный столик. Косметики у меня было с собой не так уж и много, но достаточно, чтобы привести себя в подобающий вид. Несколько раз мне приходится распускать и закалывать волосы, осматривая свой образ в зеркало. Хочется выглядеть намного лучше, чем когда-либо. Лучше для него.

Знакомая мелодия из соседней комнаты пробежала мелкой дрожью по телу — это Алекс. Не спеша беру смартфон в руку, решаясь ответить или нет.

— Привет, — как ни в чем небывало говорю я и присаживаюсь на край кровати.

— Привет, — привычным тоном ответил муж. — Наконец-то я услышал твой голос. Как ты?

— Готовлюсь к занятиям. А вы как? — мое сердце бешено колотится в груди, но голос даже не дрогнул.

— У вас же вроде бы Рождество? Ева с бабушкой, а я вернулся на работу, возникли некоторые дела.

— Рождество. Последняя неделя выдалась очень тяжелой, — почти прошептала я.

Слышу, как он листает страницы, и точно знаю, что его внимание приковано к очередному «Делу». Повисло несколько секундное молчание между нами.

— Это твой выбор, Эмми, — после паузы ровным голосом ответил он. — Я позвоню, когда буду дома, Ева хотела увидеть тебя, — упрек в его голосе больно резанул в области ребер.

Не прощаясь, завершаю звонок и закидываю телефон в сумку. Злость и хладнокровие заполняют каждую клеточку моего тела, заставляя впервые почувствовать ненависть к Алексу. Это чувство одновременно пугает и придает решительности в дальнейших

действиях.

Перед тем, как покинуть комнату, быстро осматриваю себя в зеркале, и уверенно шагаю к лестнице. Стук от каблучков разносится по пустому коридору, а сердце бешено стучит в груди, предвкушая встречу с Джонатаном. Он стал моей драмой, моей любовью за такой короткий период. Окунул в мир, который словно греза, и я до дрожи боюсь, что она также быстро закончится, как и началась. Всего больше месяца прошло с нашей первой встречи, а я все также отчетливо помню тот день на конференции.

Сердце замирает, когда вижу празднично украшенную гостиную с высокой елью, рядом с которой стоит Джонатан. Черный смокинг идеально сидит на тренированном теле. Несколько пуговиц на рубашке расстегнуты, и я вижу, как напряжены жилы на его шее. Но самое главное — взгляд. Взгляд, который манит, завораживает, забирает всю меня без остатка.

— Ты прекрасно выглядишь, — Джонатан галантно падает мне руку и целует в щеку.

— А ты чертовски сексуален в этом костюме, — говорю ему на ухо, обнимая за шею.

Если честно, то я не могу поверить, что произнесла это вслух. Его пальцы впиваются в мою спину через ткань платья, сильнее притягивая к себе.

— Игривое настроение? — Джонатан оставляет поцелуй за ушком и еще несколько на шее. — Эх, Эмилия, если бы ты знала, что я загадаю на Рождество.

— Думаешь, сбудется?

Одурманенная запахом его тела, запускаю пальцы в шелковистые черные волосы.

— Я не часто мечтаю, а тем более загадываю желания. Думаю, там наверху должны это учесть и пойти мне на уступки, — с улыбкой говорит он, самонадеянно подняв глаза кверху.

Внешний вид Джонатана и его внутренний мир совершенно разнятся. Если с виду он уверенный, самодостаточный, временами заносчивый, но невероятно привлекательный мужчина, то внутри чувственный романтик. Он аккуратно взял меня за руку, переплетая наши пальцы, и повел к столу возле окна. Небольшой круглый столик был сервирован, изящно украшен свечами и небольшим букетом из фрезий посередине.

— Шампанское? — предложил Джонатан, а я лишь кивнула в ответ, наблюдая, как по бутылке скатывается капелька конденсата. Понимаю, что лед не помешал бы и мне. Два бокала были наполнены ароматным напитком, и мы слегка чокнулись перед тем, как сделать по несколько глотков.

Небольшое расстояние между нами накалено до предела, а глаза поедают друг друга. К черту ужин, когда есть *Он*. Мне хочется забраться в объятия Джонатана, спрятаться ото всех, отдать всю себя только ему. Но суждено ли нам это «долго и счастливо»?

Я наслаждаюсь каждой минутой, проведенной рядом с ним, стараюсь запомнить все до малейших деталей: слова, жесты, мимику, даже потрескивание свеч и едва уловимый сладкий аромат небольших цветков. Сейчас есть он и я.

Время течет мимо нас, лишь напоминая о себе каждый час еле слышным боем курантов из соседней комнаты.

— Я хотел тебе еще кое-что показать, — Джонатан встает из-за стола и подает руку. Стоит мне встать, как я оказываюсь в его крепких, теплых объятиях на несколько секунд. Отстранившись, Джонатан снимает пиджак и накидывает мне на плечи. — Придется выйти на улицу.

На мое удивление мы не спускаемся на лифте, а поднимаемся вверх по лестнице. Приходится придерживать платье, чтобы не оступиться. Взглянув через плечо, Джонатан

озорно улыбнулся и открыл серую металлическую дверь. Морозный воздух сразу же забрался под пиджак и платье, но от состояния предвкушения холод совсем не ощущается. Расчищенная от снега крыша была украшена, наверное, сотнями фонариков. Ближе к краю стоит что-то наподобие кушетки, а в вокруг нее расставлены обогреватели.

— Иди сюда, — Джонатан накинул поверх пиджака клетчатый плед и стал сзади. — Если верить моим часам, то ровно через двадцать секунд...

Он не успел договорить, как послышались залпы салюта. Тысячи, а может и миллионы, светящихся точек окрасили небо над нашими головами.

Расслабившись в надежных руках, я устремила взгляд вверх. В моей голове впервые за долгое время не было никаких мыслей, а сердце размеренно билось в груди. Пусть эта ночь длится как можно дольше...

Мы буквально сбежали по лестнице, чтобы поскорее оказаться в теплых апартаментах. Не скидывая пиджак и плед, я подошла к камину и протянула руки к обогревающей панели. Пальцы на руках замерзли, поэтому слегка покалывали от теплого воздуха. Джонатан стоял рядом, потирая мне плечи с двух сторон.

— Я не думал, что там настолько холодно, что даже не помогут обогреватели и пледы, — пребывая в хорошем настроении, сказал он, и подставил свои руки к камину то же.

— Это было незабываемо, — проговорила я, нежно улыбаясь, вспоминая салют и его теплые объятия.

Между нами повисло молчание, но слова нам были не нужны. Каждый раз, окунаясь в зеленый взгляд Джонатана, я проживала маленькую жизнь, наполненную любовью и страстью. Мне страшно представить, что может наступить тот момент, когда его не будет рядом.

— Можно тебя пригласить на танец? — как-то робко спросил он, протягивая мне ладонь.

— Но у нас нет музыки, — смеясь ответила я, но положила свою ладонь в его.

— Это пока, — хитро проговорил Джонатан и достал из кармана брюк телефон.

В гостиной заиграла знакомая мелодия, но я не могла понять какая именно, пока не услышала голос.

— Синатра?

Джонатан кивнул в ответ, и положил другую руку мне на талию. Он подошел ближе, а его губы оказались около моего уха. Джонатан тихо напевал некоторые слова, а я закрыла глаза, просто растворяясь в его бархатистом тембре и в неповторимом голосе Френка Синатры. Хоть с виду и показалось бы, что мы топчемся на месте, но нам этого было достаточно. Наши чувства сплели нас невидимыми нитями, и назад пути уже нет. В голове, как фильм, прокручиваются все произошедшее между нами события от первой встречи до сегодняшнего момента. Сердце больно кольнуло, напоминая, что остались не решенные дела.

— Эмилия, — Джонатан на последних словах песни оставил ласковый поцелуй на губах. — У меня кое-что есть для тебя, — он остановился, придерживая одной рукой за талию, а второй достал из пиджака небольшую коробочку. Ловко открыв ее пальцами, Джонатан слегка отстранился. Даже в слабоосвещенной гостиной можно было уловить блеск ювелирного украшения. На подушечке лежал утонченный браслет с подвесом в виде буквы «W».

— Я хочу, чтобы это осталось у тебя при любом исходе, — серьезным тоном попросил он, и застегнул браслет на запястье. — Пусть он напоминает о моей любви к тебе, где бы ты ни была.

Под белой рубашкой Джонатана быстро бьется сердце, что я могла слышать, приложив к его груди ладонь. Рассматриваю украшение, пока внутри меня все сокрушает ураган. Мне безумно хочется остаться с ним, но я также трезво оцениваю ситуацию. Моя любовь к дочери, естественно, сильнее. Я не смогу бросить Еву, какие бы не были чувства к Джонатану и как бы сильно я этого не хотела. Мне придется вернуться домой.

— Я люблю тебя.

Глава 28.1

**«Когда ты угодил в шторм,
обратной дороги нет»**

©Аризонская мечта

ЭМИЛИЯ

Зимнее солнце встает из-за горизонта, и комната постепенно окрашивается оранжевыми лучами. Наши два тела, сплетенных между собой, расположились на мягкой просторной кровати. Я молча наблюдаю, как в спальне становится светлее с каждой минутой, и боюсь нарушить спокойствие. Тихое сопение Джонатана на соседней подушке притягивает мое внимание — он мой идеальный мужчина. И дело не в его внешней красоте, природном обаянии или банковском счете. Я невольно перевела взгляд на его грудь — это внутри него. До встречи с Джонатаном, мне казалось, что уже никогда не испытаю таких сильных чувств, что так вскружат мне голову.

Осталось не так много времени в Нью-Йорке. Всего лишь несколько недель и огромная куча дел. Декан ожидает от меня еще несколько лекций, и итог с попечительским советом. Интересно, Джонатан тоже будет присутствовать? Как я буду себя чувствовать возле мужчины, которого безумно люблю, но не могу даже заговорить с ним при всех?

Джонатан дернулся во сне, заставив меня замереть. Я в предвкушении жду, когда увижу зеленые глаза под веером черных ресниц. Зачем мужчине такие? Наверняка, чтобы сводить окружающих с ума. Уголки моих губ растянулись в улыбке от собственных глупых мыслей. Боюсь признаться себе, но сейчас я счастлива. Не смотря на все трудности и боль внутри, счастье окутывает меня, словно в пуховое одеяло. И пусть сегодня мы разъедемся по своим апартаментам, я хочу сохранить это чувство как можно дольше. У Джонатана есть неотложные дела, по его словам, а мне нужно успеть подготовиться к лекции. Наша разлука будет недолгой, а тоска уже тихо подкралась ко мне. Так хотелось спросить, что он будет делать в это время. Наверняка, что-то важное, но я промолчала. Не хочу давить на него. Последнее время я чувствую в нем тревогу, а иногда он и вовсе погружается в себя. Может, это из-за Лили? Ревность просто душит меня, крепко сдавливая горло.

— Эмилия, ты давно проснулась? — хриплый голос возвращает из мыслей, а пальцы Джонатана нежно поглаживают кожу на моей пояснице.

— Не хотела тебя будить. Ты так сладко спал, — протягиваю я и сильнее прижимаюсь к нему, словно боюсь, что кто-то заберется между нами. — Уже почти семь. Ты говорил, что в девять тебе нужно быть в офисе, — обнимаю его и удобнее устраиваюсь на широкой груди.

— Скоро нужно вставать. Это будет недолгое расставание, Эмилия, — будто читая мои

мысли, сказал Джонатан.

Он не спеша пробегается пальцами по моим позвонкам, перед тем, как положить ладонь на плечо.

— Я знаю, но уже скучаю, — позволяю себе такую откровенность. Крепче прижимаюсь к его торсу, сдавливая в объятиях.

— Правда? — Джонатан резко перевернул меня на спину и сел сверху, обездвижив весом своего тела. Его волосы причудливо взъерошены, а на губах появляется мальчишеская улыбка, которая сводит с ума. — Повтори! — требует он, удерживая мои руки с двух сторон.

— Я буду скучать, — смеюсь, выполняю его просьбу. — Я буду скучать, Джонатан, — говорю еще раз без сомнений.

— Детка, я украду тебя снова через несколько дней. Хочу тебе что-то показать, — загадочно сказал он, но при этом взгляд Джонатана переместился на грудь.

— Что? — с нетерпением интересуюсь я. Мне действительно хочется уже узнать.

— Терпение, детка, — целует меня в нос и забирается между моих бедер. — Это будет через пару дней, а пока мы еще здесь...

Последние слова теряются в нашем выдохе, когда Джонатан напористо входит в меня. Выгибаюсь, приподнимаю грудь и расставляю бедра шире, этим впуская его глубже. Губы находят друг друга, а пальцы рук сплетаются над моей головой. Временами грубые и напористые толчки заставляют меня громко стонать, нарушая тишину в апартаментах. Хорошо, что на этом этаже мы одни, иначе бы недовольные соседи всю прошедшую ночь стучали нам в стены.

— Черт! — зарывав, в одно движение Джонатан переворачивает меня на живот.

Порывистые движения и горячие губы на моей шее все быстрее подталкивают к очередному наслаждению. Прикрыв глаза, я невольно прикусила губу от удовольствия. Хочу его ощущать, как можно дольше. Но тело не подчиняется разуму, и уже готово снова рассыпаться на миллион частей от нахлынувшей волны ... Горячая жидкость стекла по моему бедру, а губы Джонатана замерли на плече.

— Мне каждый раз кажется, что еще лучше быть не может? — риторически спросил он, а я промывчала что-то невнятное в ответ.

Каждый раз лучше, чем предыдущий, и я с этим полностью согласна.

Наспех принимаю душ и присоединяюсь к гладковыбритому Джонатану в белоснежной рубашке и темно-сером галстуке, который внимательно читает свежую газету. Идеально выглаженный пиджак ожидает своего хозяина на соседней спинке стула, как и черный портфель с папками. Этого достаточно, чтобы снова пробудить во мне зачатки ревности. Я уверена, что каждый раз его провожают голодные взгляды женской половины офиса.

Сегодня Джонатан совершенно другой. В нем чувствуется власть, уверенность и даже нотки снобизма. Расправленные плечи, словно говорят о решительности в предстоящих делах. Крепкие пальцы сжали небольшую чашечку с ароматным кофе, которую он размеренно поднимает к губам.

— Что-то не так? Ты смотришь, не моргая, — Джонатан настороженно смотрит в глаза, пока я пытаюсь отогнать воспоминания о его нависающим надо мной торсе с рельефными мышцами. — Эмилия, не молчи.

— Извини, задумалась, — расплываюсь в довольной улыбке. — Ты подвезешь меня? Или мне лучше вызвать такси?

— Джеймс отвезет тебя, — хмыкнув в ответ, Джонатан хитро улыбнулся. — Я не понимаю, зачем тебе ехать в ту квартирку? Нам бы не пришлось расставаться, — бурчит он, отодвигая рукав рубашки, чтобы посмотреть время на серебристых часах.

— Джонатан, я не могу здесь сейчас остаться. К тому же мне нужно позвонить дочери. А вид на Бруклинский мост может вызвать вопросы.

— Надеюсь, эти прятки не будут долго продолжаться, Эмилия? — властно произнес он, изогнув одну бровь.

— Надеюсь, ты не всегда такой высокомерный кретин, Джонатан.

Джонатан засмеялся в ответ и встал со стула. Он отложил на край стола папку и телефон. Спокойно надел пиджак и застегнул одну пуговицу. Расправив плечи еще шире, Джонатан подошел ко мне и буквально навис надо мной. В предвкушении его дальнейших действий, я интуитивно замерла.

— Эх, мисс Шварц, этот высокомерный кретин влюблен в тебя, — в мои губы сказал он, обдавая горячим дыханием с ароматом кофе.

Нажимаю «Сохранить» и с облегчением закрываю лэптоп. Последняя разработка лекции далась мне тяжелее обычного. В моей голове постоянно прокручивались события прошедших дней. Джонатан бесцеремонно поселился в моих мыслях. Чтобы я не делала, его лицо, глаза или ребяческая улыбка постоянно всплывает перед глазами. Жалобно заскулив, заваливаюсь на многочисленные бумаги и папки на столе, сгребая их и укладывая под голову. Если я не могу сутки вытерпеть без него, то страшно даже представить, что будет, когда улечу обратно домой.

— Домой, — произношу одними губами, понимая, что смысл этого слова как-то стерся.

Разговор с Алексом был натянутой обычной, словно мы совершенно чужие. Если бы не Ева, мне кажется, мы бы забыли о существовании друг друга на это время. Так странно, что два очень близких когда-то человека, так холодны в общении. Когда мы переступили эту черту невозврата?

Интересно, чем занят Джонатан? Он несколько раз звонил, но разговор не был долгим. Сдерживаю себя, чтобы не собраться и не уехать в Бруклин. Может быть, Джонатан в своей квартире на Парк-авеню? Или с Лили?

— Джонатан, Джонатан, Джонатан... — жалобно причитаю, закрыв ладонями лицо. Мне нужна пилюля от этой «болезни»!

Подхожу к окну и прислоняюсь лбом к прохладному стеклу. На улице давно наступила ночь. Изредка мимо проезжают автомобили, сверкая своими фарами, а деревья, освещенные уличными фонарями, качаются из стороны в сторону от поднявшегося ветра. В новостях передали, что на Нью-Йорк надвигается шторм...

Глава 28.2

«Подозревать хуже, чем знать.»

У реальности есть границы, а воображение безгранично».

©к/ф «Клон» (O Clone)

ДЖОНАТАН

Переступаю порог небольшого кафе, и обоняние улавливает сильный запах никотина, отчего я морщусь нос. Надеюсь, стоило ехать на другой конец острова ради того, чтобы встретиться с детективом в прокуренной забегаловке. Я не часто бываю в таких районах, а тем более в таких заведениях. Точнее — никогда. Помещению давно требуется ремонт, как и смена шеф-повара, который во весь голос нецензурно выражается на молоденькую официантку. Девушка приветливо мне кивнула, хотя несколько минут назад испугано собирала осколки разбитой тарелки с рыжего паркета.

Блуждаю взглядом по столикам с красными скатертями, пока не замечаю высокого мужчину с черными кудрявыми волосами. Он встал из-за стола и махнул мне рукой, в которой между пальцев тлеет сигарета. Вздыхнув, я за малым не закашлялся, но уверенно зашагал к нему.

— Детектив Миллс? — уточнил я, пробежавшись по нему взглядом. На вид ему не больше пятидесяти.

— Да, добрый день, мистер Вуд. Я детектив Джаред Миллс, — мужчина затушил сигарету в пепельнице и крепко пожал мне руку. — Присаживайтесь, — рукой он указал на синий истрепанный временем диван напротив.

Я огляделся по сторонам, чтобы куда-то повесить свою верхнюю одежду. Однако, так и не обнаружил ни гардеробной, ни вешалки. Усаживаюсь напротив него, положив на колени пальто от известного бренда. Боковым зрением замечаю, что на нас с интересом смотрит пожилой мужчина, от этого мне стало еще более не по себе в этом убогом месте.

— Извините, что вырвал вас в такую даль, мистер Вуд, — начал он, и зачесал пальцами наверх курчавую шевелюру. — Это место безопасно для нашей встречи и тут вряд ли мы встретим знакомых.

Официантка молча поставила нам по чашке кофе и по расписному блюдцу с круассаном.

— Надеюсь, вы не против, что я сделал заказ за вас? — как будто заученной речью спросил он, доставая из внутреннего кармана пиджака блокнот и ручку.

— Детектив, вы сказали, что есть какие-то новости по моему делу. Могу я узнать какие именно?

Осматриваю довольно большую чашку на наличие грязи или отпечатков помады, покрутив ее на блюдце. Отпиваю несколько глотков и, к моему удивлению, кофе оказался не так ужасен, как я предполагал. Он листает свой блокнот с желтыми страницами, пока не останавливается на полностью исписанной размашистым почерком странице.

— К сожалению, их не так много, мистер Вуд. Для начала мне нужно уточнить у вас некоторые вопросы. К сожалению, это не телефонный разговор, да и дозвониться к вам проблемно. Начнем?

Я одобрительно кивнул ему и взглянул на наручные часы. В полдень у меня совещание. Детектив достал из кармана пачку сигарет, но покрутив ее в руках, положил на стол, так и не подкуривая.

— Итак. Мистер Вуд, кто имеет доступ к вашему домашнему компьютеру?

— Только я, — коротко ответил я, а детектив Миллс делает быструю пометку.

— Помимо вас, кто еще проживает в апартаментах на Парк-авеню?

— Сейчас я живу один. Миссис Вуд проживает отдельно уже несколько месяцев. Мы в процессе развода.

— Хорошо. Миссис Вуд когда-либо имела доступ к вашему домашнему компьютеру или

офисному?

Детектив отпил свой кофе и случайно пролил его, когда ставил чашку на блюдце.

— Я не видел, чтобы Лили пользовалась моим домашним ноутбуком или тем более офисным, — машинально говорю, не отрывая взгляд от того, как коричневое пятно растекается по скатерти, а официантка явно не спешит выполнять свои обязанности.

— Кто имеет открытый доступ в апартаменты кроме вас, мистер Вуд?

— Охранник, водитель и домработница, — спокойно отвечаю и добавляю их имена.

— У вас кто-то из них вызывает подозрение? — монотонным голосом мистер Миллс задал очередной вопрос со списка.

У меня складывается такое ощущение, что детектив действует строго по учебнику, который он выучил наизусть в Куантико.

— Нет.

— Хорошо. Кто имеет доступ к счетам, офисному компьютеру, с которого осуществляется вход в интернет банкинг или на сервер компании?

— Три человека: я, финансовый директор Кассандра Стенли, и... — я замаялся, ощущая как начало пульсировать в висках, — вице-президент Маршалл Вуд, но он не участвует на данный момент в управлении.

Отец.

В моей голове стали ускоренно вращаться шестеренки...

— Мистер Вуд, вы слышите? — Джаред Миллс озадаченно смотрел на меня почти черными глазами. — Повторить вопрос?

Я еле заметно кивнул, но не мог отогнать мысли, что больно отдавали под ребрами.

Отец не мог этого сделать.

Ему не зачем трогать счета компании, а тем более мешать сделке с Николу. Какой мотив? Если бы ему нужна была крупная сумма, то он далеко не беден. И к тому же есть я. Отец пришел бы ко мне...

— Маршалл Вуд — это ваш отец? — Мистер Миллс достал из пачки сигарету, — Не возражаете?

— Пожалуйста. Да, детектив, он самый, — я поднял на него взгляд и пытаюсь уравнять дыхание, чтобы не выдать волнение.

Отцу доступны счета и ему не нужна моя подпись: Маршалл Вуд имеет все права...

— Он вызывает у вас подозрение? — детектив внимательно изучает меня.

— Нет, все в порядке, — я улыбнулся уголками губ и отпил из кружки, а кофе действительно хорош. — У меня осталось несколько свободных минут. У вас еще будут вопросы? И вы так и не сказали, какие имеете... зацепки?

Он подкурил и, наконец-то, отвел от меня пронзительный взгляд. Слышу, как под рубашкой скатились несколько капель пота, а сердце бешено заколотилось в груди. Мне нужно срочно на Лонг-Айленд.

— Специалисты ФБР сделали вывод, что перевод денежных средств осуществился внутри компании. Не было обнаружено взлома или обхода системы безопасности. Счет, на который были списаны деньги компании, так и не удалось отследить. Скорее всего, их вывели в офшорный траст.

— Это все? — я разочаровано выдохнул. — Всю эту информацию я узнал несколько недель назад.

— Есть еще кое-что, — детектив прочистил горло и продолжил: — Мы подозреваем

вашу жену, мистер Вуд.

— Лили? — я подавил в себе смешок. — Этого не может быть, детектив Миллс. Если вы узнали об ее дипломе Школы Бизнеса Гарварда, то это ни о чем не говорит. Лили... — я все же засмеялся, в то время как лицо Джаред Миллса даже не дрогнуло.

— Я бы не стал недооценивать миссис Вуд. Мы следили за ней несколько недель. Вы знаете, что она встречалась минимум три раза с Говардом Фелчем после того, как посещала ваши апартаменты на Парк-авеню?

Какого хрена?

Сейчас я мало что понимаю, но знаю одно: вокруг одни лжецы.

— Об этом она меня не уведомила. Я же сказал, мы разводимся, — сквозь зубы почти прошипел я.

Я задушу эту змею своими же руками. Неужели, она спутались с Фелчем?

Это низко даже для тебя, Лили.

Нужно было оставить все на самотек. Черт с этими миллионами, когда всплывают подробности, которые я знать не хотел бы!

— Насколько мы знаем с мистером Фелчем у вас далеко не дружеские отношения, — Джаред Миллс пытается вывести меня на разговор.

Детектив затушил сигарету и запрятал пачку обратно в пиджак.

— Мы просим Вас не заниматься самоуправством и завершить свое расследование — это мешает следствию. Я сказал больше, чем должен был, мистер Вуд, поэтому прошу вас отнестись с пониманием, — он мягко улыбнулся. Возле его глаз появились небольшие морщины, а мне показалось его лицо знакомым.

— Мне кажется, мы встречались? — я отвлекся от мыслей, вспоминая, где мог его видеть.

— Скорее всего, по делу двух сумасшедших влюбленных из Хеджесвилля. Или по делу в Чикаго, в тот период жизни я работал частным детективом. К моему сожалению, это широко освещалось в прессе, — Джаред Миллс поднялся с места, и я сделал также. — Я с вами свяжусь, мистер Вуд, когда у нас появятся улики. А пока помните: не пойман — не вор.

Я спешно попрощался с детективом Миллсом и быстро вышел из кафе, и уже буквально бежал по тротуару к автомобилю. Джеймс не успел даже открыть для меня дверь, когда я плюхнулся с разгона на заднее сиденье и громко скомандовал:

— Едем на Лонг-Айленд! Быстро!

Стив сорвался с места, но сразу же пришлось сбавить скорость: дороги были загружены. Манхэттен в час-пик превращается в живой механизм с бурлящими автомобильными артериями.

Не знаю, сколько по времени мы стоим на подъезде к мосту, но я постоянно думаю об отце и его мотивах. Что он скажет на мое обвинение в растрате? Эти деньги теперь не останутся не замеченными. Даже с учетом того, что я закрыл эту дыру, у ФБР все равно будут вопросы и компанией могут «заняться». Или хуже того обвинить в махинациях.

— Джеймс, сколько раз миссис Вуд была в апартаментах на Парк-авеню? — задаю еще один волнующий меня вопрос. Лили должна объясниться. Я знал, что она давно знакома с Фелчем, но не знал, что их может что-то связывать.

— За последнюю неделю около пяти раз, мистер Вуд.

— Получается, в мое отсутствие? — недовольно шиплю я.

Джеймс нервно заерзал на переднем сиденье, а Стив сделал вид, что ничего не слышит, и не при нем сейчас отчитают коллегу.

— Мистер Вуд, остановить миссис Вуд очень проблемно. Если мы не пропускали ее с парковки, она шла на ресепшн и там устраивала скандал. Вы же знаете постояльцев здания. Они сразу вызывают охрану здания и нас, а мы не могли допустить, чтобы миссис Вуд в ее положении пришлось нервничать...

— Я понял, — прервал его. — Но почему ты не упоминал об этом, когда приезжал?

Джей замямлил в ответ и начал нести чушь.

— Ты уволен, — просто говорю я, наблюдая, как небольшие волны тревожат не замершие участки Ист-Ривер. — По приезду на Манхэттен, передашь обязанности Сэму.

Я устал. Устал от всего.

Моя жизнь начала катиться вниз кубарем с того момента, как я стал президентом компании, и упала в пропасть, когда я отвел Лили к алтарю. Раньше Дели шутила, что это «проклятое кресло». Сейчас ее шутки не вызывают улыбку, а наоборот: заставляют насторожиться.

За всю дорогу с десятков раз Джей отвечает на звонки, в то время как я игнорирую все входящие. Я должен разобраться в семье. Поговорить лично с отцом. И, если надо будет, вытрясти из него всю правду. А потом я навещу Лили. Этой змее придется долго объясняться.

Как только Стив тормозит возле фонтана на моем парковочном месте на территории «Ночного сияния», я вылетаю из салона, громко хлопнув дверью. Только сейчас замечаю, что все покрыто снегом. Где обычно зеленеет трава, и растут гортензии, завалено сугробами в почти мой рост. Обычный снегопад, похоже, снова превращался в метель. Ветер продувает до костей. Я с пульсирующей болью в висках шагаю к дому по довольно скользкой брусчатке, а снежинки моментально облепляют кашемировое пальто. Через несколько шагов я узнаю правду. Будь она неладна.

Глава 29

*«За наши подозрения мы расплачиваемся тем,
что находим то, о чем подозревали»*

©Генри Дэвид Торо

ДЖОНАТАН

Массивная входная дверь громко за мной захлопывается, оставляя за собой морозный ветер. Просторный холл «Ночного сияния» погружен в необычную для него тишину. Странно, что меня еще не встретила мама со своими очередными нравоучениями. Последнюю неделю мой телефон был недоступен для них. Все вызовы мамы, отца и Алана встречал автоответчик. Моему бедному кузену, как обычно, выпала роль парламентаря. Из-за этого он долго бурчал в динамике телефона.

Ступаю по паркету, и каждый мой шаг эхом разносится по комнате. Вид из больших окон, сквозь которые в хорошую погоду ярко светит солнце, сейчас напоминает снежный апокалипсис. Останавливаюсь на середине, и заглядываю в ближайшие комнаты, двери в которые открыты. Но никого не обнаруживаю.

— Отец? Мама? — громко зову родителей.

Раздражающая тишина еще больше заставляет мое сердце биться в груди и пульсировать

в висках.

— Джонатан, сынок, это ты?

Поворачиваюсь на приближающиеся шаги сзади. По неосвещенному коридору идет Аделаида, в руках держа стопку постельного белья.

— Дели, где все? — нервно спрашиваю ее и целую в щеку, как только она подходит ближе. — Где отец?

— Они улетели вчера к Куперам вместе с мэром Стэлфордом. Миссис Вуд несколько дней не могла к тебе дозвониться, нервничала. Где ты был? Я тоже волновалась, — последние слова Аделаида произносит со свойственной ей теплотой.

Черт.

— Разве они не были с ними на Рождество? — с подозрением интересуюсь я.

— Нет. Мистер Вуд старший чувствовал себя неважно последнее время, и миссис Вуд настояла, чтобы они остались дома, вызвали доктора. Но вчера им пришлось срочно улететь в Вашингтон. Мистер Вуд сказал, что эта поездка очень важна.

Что же ты скрываешь от меня, отец?

Накалившееся подозрение просто сжирает меня, накалывая каждый кусочек тупой вилкой. А боль, словно ледяная глыба, рвано режет в груди.

— Ты будешь обедать? Я могу быстро для тебя что-то приготовить, — с заботой спросила Аделаида и отложила стопку белья на столик, выжидающе посмотрев на меня.

— Не надо, Дели. Мне нужно в кабинет.

Обхожу ее и быстрым шагом иду по нужному направлению. Открываю резную дверь, сразу улавливая знакомый запах кожи и сигар. Бегло осматриваю кабинет, будто ответы на мои вопросы должны лежат на самом видном месте.

В кабинете повисла несколько угрюмая обстановка. Штора небрежно сдернута в бок, на журнальном столике стоит недопитая бутылка бренди, а в камине творится черт возьми что. Пора бы его давно вычистить.

Прохожу к столу и открываю верхний выдвижной ящик, где хранятся отчеты и прочие бумаги, касающиеся компании. К моему удивлению, все выстроенные в алфавитном порядке папки, которые я достаю, оказываются пустыми. Начинаю проверять каждую из них: открываю, убеждаюсь, что она пуста, и небрежно кидаю на стол. Через несколько минут он буквально завален ими.

Присаживаюсь в кресло деда и подъезжаю почти вплотную к столу. Открываю лэптоп отца, уверенно ввожу пароль, но строка загорается красным и написано, что он не верный. Делаю еще одну попытку, возможно, в спешке я пропустил символ. К моему удивлению, все повторяется. Я ни один раз пользовался этим компьютером, и такое происходит впервые. Начинаю подбирать предполагаемые пароли, которые мог бы поставить отец. Однако, каждый из них не пропускает меня. Если я продолжу дальше подбирать, то могу зависнуть тут до следующего Рождества.

— Филипп, как «обогнуть» пароль на лэптопе? — сходу спрашиваю парня.

Фил диктует малопонятный мне алгоритм, по которому я, словно школьник, беспрекословно следую.

— Ничего не получается. Есть еще какой-то способ?

В ответ он перечисляет варианты, с азартом описывая каждый из них.

— Ты нужен мне вечером в офисе. До встречи, — кладу трубку быстрее, чем он продолжит свой рассказ.

Сейчас нет ничего важнее, чем узнать правду. Я не могу поверить, что все происходит под моим носом. У отца еще хватило совести обвинить меня во всем этом. А мне пришлось выложить с личного счета довольно внушительную сумму, и буквально подарить деньги компании.

Прокручивая разговоры с отцом, я в каждом нахожу намек на его обман. Именно он настаивал на роспуске Совета директоров несколько лет назад.

После смерти дяди, дед сформировал Совет директоров из опытных профессионалов, и они были достойны занимаемых мест. Все крупные сделки и инвестиции проходили через их контроль. Совет буквально под лупой все рассматривал и сверял. Тогда Кристофер Хейс, близкий друг деда, входил в их число. Он занимался проверкой документов. Но после одного инцидента, об этом мне почти ничего не известно, Хейс покинул компанию.

Растираю ладонями лицо, тогда как под рубашкой капли пота буквально градом скатываются по телу. Я своими руками убрал Совет. Взял на себя больше, чем способен проконтролировать.

Поднимаю глаза на портрет деда, висящий над камином. Если бы он был живой, то даю сто процентов, что назвал бы меня полным дураком.

В памяти всплывают его слова, которые он часто повторял перед смертью:

— Не верь своим ушам, Джонатан, и своим глазам. Слушай разум и самое главное — сердце. Оно тебе все подскажет.

На моих губах самовольно появляется улыбка. После этих слов он еще похлопывал меня по плечу.

Президентское кресло вскружило мне голову, затуманило рассудок, дало ощущение власти, каких-то невероятных способностей. Масло в огонь подлила измена Лили. Что еще больше подтолкнуло к безрассудству.

На потухшем экране ноутбука замечаю свое отражение. В нем я не узнаю себя. Я не тот, кем был раньше. И точно не тот, кем хотел когда-то стать.

Занимаемая мной должность никогда не должна была мне достаться. Но как говорят: никогда не говори «никогда». Произшедшие события в семье повлекли череду перемен. Отец всего несколько месяцев исполнял обязанности Президента компании, так как на него были оформлены некоторые документы. Потом в силу вступило завещание деда, и все полетело к чертям. Все были шокированы, узнав, что свое место дед завещал мне. Но Совет принял это с уважением. Знали бы они, чем это обернется для них и компании в целом.

Встаю из кресла и громко захопываю ноутбук. Подхватив его под руку, спешно покидаю кабинет, оставляя за собой открытую дверь.

Подперев ладонями голову, смотрю как Филипп уже несколько часов пытается продвинуться дальше Загрузочного экрана.

— Фил, ну что там? — наверное, в сотый раз за этот час спрашиваю его.

Он что-то бормочет и отсоединяет очередную штуковину, которую принес с собой. По его словам, там не просто пароль, а какая-то новая программа, и ее так просто не взломать.

Интересно, зачем это отцу?

Я пытался с ним поговорить, но дозвониться к нему нереально. А связаться с ним через маму, я не хочу. Ей не к чему знать о проблемах компании.

— Фил, ну что? — снова интересуюсь я, будто за эти секунды что-то изменилось.

— Босс, — громче, чем обычно, сказал он, при этом в его глазах заметно

раздражение, — я работаю над этим. Джонатан, тебе нужно успокоиться и подождать.

— Тц, — цокнул я в ответ и подошел к бару.

Работники компании давно уже разошлись по домам, поэтому я беру наполненный бурбоном стакан и выхожу из кабинета.

У Элисон выработанная привычка оставлять рабочее место в идеальной чистоте. Все папки, бумаги строго разложены по ячейкам к концу рабочего дня. Канцелярские принадлежности убраны на места, даже степлер на привычном для него и меня месте. Шагаю дальше и выхожу из приемной. Осматриваюсь по сторонам, убеждаясь, что никто не засиделся допоздна. Все небольшие кабинеты, отделенные стеклянными стенами, пусты. Но, как обычно, в одном из них горит настольная лампа. Закатив глаза и громко цокнув, проделываю то же самое, что и всегда — машинально ее выключаю. Одна из сотрудниц уже который месяц забывает это делать.

Подхожу к окну в уголке для отдыха, где любят обсуждать самые горячие новости, например, мой развод с Лили, и смотрю в окно. Из него открывается вид на другую часть Манхэттена. С этой стороны не видно Эмпайр или Всемирный торговый центр, но из него отлично виден другой берег Нью-Йорка — Бруклин.

Я печально улыбнулся, глядя на святящиеся точки. Приблизительно там находятся апартаменты, где я провел последние дни вместе с ней. Куда бы я ни шел, Эмилия постоянно мелькает в мыслях. И это очень мешает сосредоточиться на делах. Я стал одержим ею. Ее смех, еле заметный акцент, когда она злится, четко сейчас звучат в моей больной голове. Выпиваю стакан залпом, ощутив прилив желания в паху.

Черт! Даже на расстоянии я все также хочу ее.

По моим подсчетам у нас пара недель и потом... Потом я не знаю, что будет. Эмилия не дала четкого ответа, а я не в силах от нее что-либо требовать. От этого я чувствую себя никчемным.

Я хочу увидеть ее.

Сердце колотится в груди, будто подтверждая мои дальнейшие действия. Пищу управляющей, что меня снова не будет в клубе, как и всю предыдущую неделю. Меня скоро уволят с моего же заведения, я совсем перестал им интересоваться.

— Фил, на сегодня хватит, — говорю парню, пока не передумал. — Встретимся завтра. Я позвоню, когда буду в офисе.

Подхожу к креслу, но решаю, что пиджак мне не нужен, поэтому с вешалки подхватываю пальто и сразу же надеваю его.

— Босс, я могу забрать лэптоп и попробовать еще дома, чтобы не терять время, — предлагает он, складывая в рюкзак свое оборудование.

— Нет, его я заберу с собой. Продолжим утром.

Лэптоп удобно устраивается у меня в портфеле. Там все доказательства и рисковать ими я не хочу.

В это время пробок на острове нет, поэтому дорога в сторону Колумбийского занимает не больше получаса. И вот я уже несколько раз стучу в дверь, а ее открывает рыжеволосая девушка. Она явно не одобряет мои ночные появления здесь.

— Она спит, — сонным голосом говорит Лена.

В ее взгляде я был сожжен несколько раз, а прах выкинули в мусорный бак за домом.

— Я не буду ее будить, — невинно сказал я.

Не дожидаясь приглашения, по-хозяйски снимаю свои туфли на входе и вешаю пальто.

— Хорошо, проходи, — с сарказмом пробормотала девушка. — У Эмилии завтра лекции. Имей в виду, ей нельзя опаздывать, — дала наставление она.

— Мне тоже нужно выспаться.

Если честно, я не шучу. Я просто валюсь с ног от усталости. И у меня ужасно болит голова. Этот день хорошенько поиграл на моих нервах и общем самочувствии.

Открываю тихо дверь и прохожу в небольшую спальню. Стараюсь не нарушать тишину в комнате. Посередине стоит кровать, на которой заметен силуэт Эмилии. Возле окна письменный стол, заваленный книгами, бумагами, папками, а на противоположной стене одиноко расположился комод. Над ним висит зеркало с прикрепленными к нему фотографиями, которые освещает свет уличного фонаря. Несколько бесшумных шагов, и я рассматриваю каждую из них. Наверное, это ее дочь. Достаяю из кармана телефон, чтобы подсветить. Она похожа на Эмилию. Такие же волосы и пухлые губы. Девочке на вид около четырех или пяти лет. На другой фотографии, похоже, день рождения Евы. Мужчина, скорее всего Алекс, бережно держит малышку на руках, а Эмилия подносит торт с четырьмя свечами. У Алекса с дочерью одинаковые голубые глаза.

Эти моменты из жизни Эмилии остро колют в груди. Имею ли я право вмешиваться в нее? Выглядят они как счастливая семья. Снимаю одну из фотографий, где Эмилия в легком белоснежном платье с распущенными волосами греется на солнце. Складываю ее пополам и прячу в карман брюк вместе с телефоном.

Тихо подкрадываюсь к кровати, откуда слышно умеренное сопение девушки, и также бесшумно ложусь на бок почти на самом краю. Свет ночи из окна мягко освещает ее лицо и переливается в прядях волос, разбросанных на подушке. Ресницы Эмилии слегка подрагивают, она немного прикусывает нижнюю губу. Интересно, что ей снится сейчас?

Эмилия неожиданно появилась в моей жизни. Перевернула ее, как ураган, за такое короткое время. Въелась в мое сердце и прочно осела в душе. Все переживания, боль улетучиваются, как только она оказывается рядом. Ее присутствие в моей жизни, словно глоток свежего океанского воздуха. Сейчас я завидую Алексу самой дикой завистью. Я все бы отдал, чтобы она была моей и никуда не уезжала. Но понимаю, что она нужна дочери. И, если с Алексом я могу побороться за Эмилию, то в любви к Еве я проиграл сразу.

— Джонатан? — удивленно спросила Эмилия, слегка приоткрыв веки.

— Спи, детка, — я погладил ее по щеке.

— Ты полностью свел меня с ума. И такой реальный сейчас, — в ее голосе заметны ноты печали.

— Я настоящий. Это не сон, — улыбнувшись в ответ, я забрался к ней под одеяло и обнял.

Эмилия крепко прижалась ко мне, будто меня сейчас вырвут из ее рук. Она уткнулась носом в мою шею, умиротворено засопев. Я нежно касаюсь ее плеча, слегка поглаживая, и незаметно погружаюсь в сон...

Глава 30

«Воспоминание — это мечта о прошлом...»

ЭМИЛИЯ

Просыпаюсь от яркого солнца, что светит мне в лицо через приоткрытую штору. Странно, вчера я точно их плотно задернула. Сильнее укутываюсь в одеяло, растянувшись под ним, и переворачиваюсь лицом на соседнюю подушку. В нос ударяет знакомый аромат

парфюма Джонатана. Несколько раз нюхаю наволочку, и она действительно пропитана пряностями и вишней. У меня есть немного времени, будильник даже еще не звонил, чтобы насладиться полетом фантазии. Но на всякий случай, приоткрыв один глаз, проверяю часы на будильнике, который стоит на прикроватной тумбе.

Какого хрена?

Шире распахиваю веки. Вскрываю с кровати, по пути проверяя время на телефоне.

— У меня будут проблемы! Большие проблемы! — говорю вслух, надевая на ходу брюки и рубашку, которые приготовила на спинке стула с вечера.

Сгребая в сумку листы с лекцией, которая начнется через четверть часа. Если задать правильный темп, то я могу опоздать всего на семь минут!

— Лена? — зову подругу, убеждаясь, что никого нет в апартаментах, когда вылетаю из комнаты. — Какого черта?

По моим планам все должно было идти не так. Я должна была проснуться по сигналу будильника, спокойно принять душ, приготовить завтрак и выпить кофе. Странно, что меня не разбудила Лена. Обычно она несколько раз проверяет, встала ли я перед тем, как уйти.

Прискакивая на одной ноге, обуваю ботинок на другую ногу. Наконец-то покончив с обувью, обматываю шарф вокруг шеи и застегиваю пальто. Хлопнув дверью, проверяю количество сумок, которые должны «уйти» со мной. Надо было еще захватить солнцезащитные очки. Снега намело, будто мы на полярном круге, а не в Нью-Йорке. Сугробы заняли место вдоль дороги, поблескивая от солнечных лучей. Сегодня чудесная предновогодняя погода и предпоследний день семестра.

— Мисс Шварц, присаживайтесь, я подвезу, — крикнул мне в след знакомый голос.

— О, Джеймс, — разворачиваюсь к мужчине. — Доброе утро. Было бы отлично.

Интересно, мне приснилось, что ночью был Джонатан? Или он все-таки спал на моей кровати?

Я начинаю сомневаться уже в том, что я вижу или слышу.

Подхожу ближе, и замечаю, что Джеймс выглядит никак всегда. Он одет в джинсы и темную куртку, вместо черного костюма и белой рубашки. И автомобиль стоит на обочине совершенно другой. Серебристая Тойота привлекает мой взгляд своим грязным состоянием.

— Вас прислал Джонатан? — с сомнением спрашиваю я и сбавляю шаг.

Теперь я точно опоздаю.

— Присаживайтесь, мисс Шварц, — ровным голосом сказал Джеймс, делая несколько шагов ко мне на встречу, как только между нами остается пару футов.

Джеймс хватает меня за локоть, больно сдавливая пальцами, и разворачивает в сторону машины, буквально волоча за собой. Я выкрикиваю его имя и требую, чтобы он отпустил меня, но Джеймс не обращает на это внимание. По телу проносится дикий страх, когда я понимаю, что вокруг никого: улица пуста. Мне требуется приложить все усилия, чтобы чудом вырваться из его рук прямо перед дверью автомобиля.

Бросаю самую тяжелую сумку на снег и забегаю по ступенькам в кондоминиум, в котором наши апартаменты. Судорожно ищущи похолодевшими пальцами ключи от входной двери в карманах пальто, выворачивая их содержимое на пол. Успеваю закрыть за собой дверь почти перед лицом Джеймса.

О, Боже!

Задыхаясь от учащенного дыхания и барабанившего сердца в груди. Выворачиваю все из сумочки, пытаюсь найти телефон. Слышу, как Джеймс стучит и пытается вышибить дверь. На

всякий случай забегаю в спальню, закрываясь на замок. Трясущими пальцами перебираю контакты, спешно выбирая кому бы я могла позвонить, но мой список состоит из максимум десяти человек. Набираю Службу спасения, слушая, как параллельно идут гудки и Джеймс ломиться во входную дверь.

Какого черта ему надо от меня? Что вообще происходит?

— Мне нужна помощь, — осипшим голосом говорю я, когда слышу спокойный женский голос на другом конце. — Меня преследует мужчина... Он хочет вышибить мою дверь.

Оператор несколько раз повторяет некоторые вопросы, перед тем, как спросить адрес. По моей спине скатываются капли пота, во рту пересохло и становится тяжело дышать... Мне нужен воздух.

Подхожу к приоткрытому окну, откуда видно, что Джеймс в спешке запрыгивает в машину и срывается с места под приближающиеся звуки сирены полицейской машины. Я облегченно вдыхаю морозный воздух, стирая слезы со щек.

Мое тело трясет, пока я иду ко входной двери и открываю сначала один замок, а потом другой, впуская в апартаменты двух мужчин в форме.

— С тобой все в порядке? — спрашивает Лена, обнимая меня за плечи, укутанные в плед.

Около часа меня опрашивали полицейские, как будто это я накинулась на человека и хотела проникнуть в апартаменты, а не Джеймс. Они опросили всех соседей на нашем этаже и этажом выше и, конечно же, Лену.

— Да, мне лучше, — вру я.

На улице уже смеркалось, а я также смотрела в окно, сидя в кресле. Солнце скатывается за горизонт, зажигаются фонари, и я чувствую, как пустота внутри меня снова разрастается, словно черная дыра.

Время шло, проносилось с реактивной быстротой, и я не заметила, что стрелка подкралась к одиннадцати часам ночи. Мой телефон вибрировал ни один раз, но у меня не было сил даже, чтобы посмотреть кто звонит. Я просто смотрела в это чертово окно, когда моя жизнь прокручивалась в голове. День за днем. Месяц за месяцем. Год за годом... И пусть многое я уже не могла вспомнить в подробностях, однако значимые для меня даты отчетливо воспроизводились в памяти. С этим жизненным кино всплывали и давно забытые обиды, ссоры, недопонимания...

Джеймс не только меня испугал, но и отрезвил, заставил взглянуть на все без розовых очков. Мне ужасно захотелось домой. Спрятаться у себя в спальне в любимом кресле возле окна, из которого видно мой небольшой сад и вдалеке озеро. Ева часто ко мне усаживались на колени, и я читала ей сказки. Ее взгляд всегда был устремлен в окно, за которым периодически менялись времена года. Однажды, она спросила:

— *Мам, что за тем озером?*

— *За озером лес. Возможно, дальше есть небольшие деревни.*

— *А может там живет принц?* — *Ева указала на небольшую гору, что больше напоминала холм из-за дальнего расстояния к нам.*

— *Не исключено, — я улыбнулась ей, а дочка мне в ответ.*

— *Мам, — Ева перебила мое повествование, — а, если принц захочет меня украсть?*

— *Настоящие принцы не крадут девушек, а тем более маленьких девочек. Они сильные, мужественные, с невероятно добрым сердцем.*

— Как папа?

— Как папа...

Когда-то Алекс был именно таким, моим принцем, что так отчаянно оберегал от всех невзгод. Со временем работа адвоката затянула его с головой. Он часто бывал в командировках, оставался сверхурочно на работе. Дела поглощали его, затягивали. Мне кажется, он проживал каждое из них. Несколько лет Алекс работал в суде, был адвокатом на стороне обвинения.

В один день моя налаженная жизнь изменилась. Алекс пришел домой и сказал, что мы должны уехать из города, в котором прожили с начала студенческих лет. Я была не готова к этому. Мне нравилась моя работа на кафедре, где я параллельно заканчивала аспирантуру. Каждый день был расписан, жизнь выстроена по плану и переезд не входил в него. Алекса будто подменили в тот день. Утром он ушел одним человеком, а вернулся тем, которого я не знала.

На мою просьбу сесть и спокойно обсудить происходящее, он кинул дорожную сумку к моим ногам. Просто швырнул, как будто у меня нет права голоса.

— Собирайся, — рявкнул он. — Выезжаем рано утром.

— Алекс, — позвала я его, переводя взгляд с сумки в небесно-синие глаза. — Может, хотя бы объяснишь, что происходит. Зачем нам так спешить?

Обида душила меня. Я со всех сил сдерживала слезы, которые застилали глаза.

Я не заслуживала такого отношения, а тем более не понимала причину происходящего.

— Если не соберешь вещи к утру, уедешь в том, что на тебе сейчас надето, — не знакомым тоном сказал он.

— А университет? Что мне делать с работой?

— Придумай что-то, фантазии у тебя не отнять, — сказал Алекс, перед тем, как закрыть за собой дверь в кабинет.

Несколько минут я смотрела ему вслед, замерев на месте. Три месяца назад мы поженились, переехали в свою квартиру и выбирали цвет стен... А сегодня я не узнала своего любимого мужа.

— Алекс, — я сорвалась с места, влетев на его территорию. Дверь сильно ударилась о стену и, наверняка, оставила след. — Как, черт возьми, это все понимать? Почему ты так ведешь себя?

— Мы не будем сейчас это обсуждать. Просто сделай то, о чем я тебе сказал — собери вещи на первое время и возьми необходимое, — не глядя мне в глаза, ответил он. Алекс делал вид, что меня здесь нет, и продолжил так же, не спеша листать папку.

— Мне нужны объяснения! Я не могу бросить все по твоему велению. Здесь моя жизнь: работа, университет, квартира, друзья, обязательства. Ты приходишь вечером и приказываешь мне собрать вещи. Даже не просишь, не объясняешь, а кидаешь сумку к ногам!

— Я решил, что этот переезд нам необходим. Сейчас.

— А твоя работа? Ты ее также просто оставишь?

Мое сердце от боли и злости барабанило под ребрами. Я просто ничего не понимала.

— Считай, что меня перевели, — спокойно сказал Алекс.

— Сейчас я ненавижу тебя, — вырвалось у меня от досады.

В одно мгновение Алекс оказался возле меня, и боль разрослась по моей щеке. Сначала я не поняла, что произошло. Но как только я подняла взгляд, прижав свою ладонь к лицу, и

встретилась с испуганными синими глазами, все прояснилось — это я простить не смогу.

— Эмми, прости, — почти одни губами прошептал муж. — Я не знаю, что на меня только что нашло. Эмилия... Эмми...

Алекс пытался меня догнать, пока я судорожно нажимала на кнопку лифта, который закрылся перед его лицом. Я молилась, чтобы Алекс не успел спуститься вниз, поэтому вышла не на парковке, а этажом выше. Я пулей вылетела из здания и побежала в противоположную от университета сторону.

На улице смеркалось, желтые листья шуршали на деревьях от порывистого ветра, а небо окрашивалось оранжево-фиолетовым. Солнце еще пробивалось сквозь серые тучи, но уже становилось прохладно. Тонкая кофта почти не согревала, и я скрестила руки на груди, пытаясь хоть как-то согреться. Мне нужно было теплое помещение как можно быстрее, поэтому я пробежала по дорожке парка и перешла на другую сторону улицы, где было мое любимое кафе. О нем Алекс не знал, так как я обнаружила его недавно и не успела показать это место.

Я села подальше от окна и запустила руку в карман, где лежала сдача, которая осталась от оплаты за пиццу.

— На бокал вина хватит...

Я тут же себя одернула. Утром я узнала, что беременна. Почти весь день я готовилась сделать Алексу сюрприз. Выбирала варианты, как интересно преподнести это событие. Внутри я была взволнована, слегка напугана и одновременно счастлива. Моя жизнь изменилась рано утром, а к вечеру и вовсе перевернулась с ног на голову.

— Надеюсь, Алекс не найдет эту коробку с крошечными носочками и тестом...

Он потерял мое доверие всего одним необдуманном движением. От вечерней прохлады щека перестала гореть, но след остался не только на коже, но и в душе...

— Эмилия, — горячее дыхание на месте давнего ушиба вернуло меня в зимний Нью-Йорк. — Я только узнал, что произошло. Ты как?

Джонатан разглядывает меня зелеными глазами со всех сторон. Его взгляд тяжелый, полный сожаления. Плечи напряжены, а на шее видно, как пульсирует вена. Джонатан подстригся и побрился, и выглядит как-то необычно, моложе своих лет. Провожу по гладкой щеке подушечками пальцев, опуская взгляд на его руки, что крепко сжали мою руку с двух сторон. Я боюсь в нем разочароваться. Боюсь разбиться о мечты. Что, если он иллюзия? Что, если я снова нарисовала себе идеального мужчину? Мне так страшно снова ошибиться, снова почувствовать себя опустошено.

— Эмилия, — его тембр голоса ласкает каждую букву моего имени.

Поддавшись вперед, я целую его настолько нежно, насколько могу это сделать. Наши губы соединяются, языки сплетаются, и я усаживаюсь к нему на колени. Джонатан поддерживает меня под ягодицы, слегка их сжимая через джинсы.

— Я могу это расценить, что с тобой все в порядке?

Я киваю и снова жадно накидываюсь на его губы. Сейчас он необходим мне, как никогда. Мне нужно чувствовать его тепло, заботу, любовь... Только Джонатан может дать мне эти чувства с избытком. И мне кажется, я смогу простить ему многое, если когда-то это потребуется.

Глава 31

«Нет лекарства от любви,

кроме как любить больше»

© Генри Дэвид Торо

ДЖОНАТАН

Я вынужден был покинуть город, чтобы встретиться с бывшим акционером компании. Анита Торн всегда жила на два города, но после того, как я сделал роковую ошибку: убрал попечительский совет, она совсем перебралась в Чикаго, и продала мне большую часть акций. Анита была женщиной далеко преклонных лет, но имела прекрасное расположение духа и ясность ума. Женщина единственная, кто помнит конфликт деда и отца, и точно знает, почему уволился Хейс.

Мне сообщили о нападении на Эмилию в полдень. Я снова испытал те чувства, которых боялся больше всего — страх потерять дорогого человека. Утратить навсегда. Все внутренние органы сделали кульбит, в голове гудело паровой сереной, а сердце несколько раз переставало биться, пока Майкл дошел до самого главного: с Эмилией все в порядке. На секунду я представил, если бы ее не стало? Что, если бы Джеймс догнал Эмилию? Холод пронесся по телу, пальцы занемели и мне стало трудно дышать.

Прервав встречу, я выехал в аэропорт, чтобы поскорее добраться из Чикаго в Нью-Йорк. Непогода и пробки на дорогах, будто специально задерживали, щекотали мои нервы. От ненависти к Джеймсу я готов был найти его и разорвать в клочья. Он вычислил мою слабость. Хотя не заметить человеку мое безумие по отношению к Эмили, который был со мной практически целый день, не составит труда.

Сейчас Эмилия рядом. Я чувствую ее взгляд на себе и слушаю приятный смех. Этого достаточно, чтобы вздохнуть с облегчением.

Апартаменты в Бруклине встретили нас тишиной и приятным хвойным ароматом, смешанным с приготовленной едой, которую я заказал из ресторана.

По дороге сюда на мои бесконечные расспросы Эмилия уверяла, что все в порядке. Она выглядит в порядке. Надеюсь, этого ублюдка найдут как можно скорее, и он ответит за все то, что Эмилия испытала сегодня.

— Джон, прости, кажется, я много говорю сегодня, — Эмилия засмеялась и прикрывала пальчиками рот, так как громко икнула.

На столе открыта бутылка вина, которая опустошена чуть больше половины и бурбон, градусы которого я не ощущаю. Согревающая жидкость попадает в меня и просто там растворяется. Я на гребанном пределе.

Разговоры Эмили отвлекали меня, но каждый раз я возвращался к тому, что мог бы предотвратить нападение Джея. Мне нужно было настоять на своем: оставить девушку здесь или дать ей машину с водителем.

— Джон, ты почти постоянно молчишь, — обиженно протянула Эмилия. — Или ты хочешь спить меня? — она по-девичьи захихикала.

— Конечно нет, мисс Шварц, — я лукаво улыбнулся на ее замечание.

Да, я пытаюсь это сделать, но только ради того, чтобы она ненадолго расслабилась.

— Джонатан, ты сводишь меня с ума, — пожаловалась Эмилия и отпила из бокала. — Мне приснилось, что ты спал в моей кровати прошлой ночью, — она рассмеялась.

— Но я действительно спал в ней.

— Тогда я не совсем свихнулась, — она облегченно вздохнула. — Почему ты не разбудил

меня утром?

— Я ушел очень рано, мне нужно было уехать из города по делам.

— По делам... — она повторила мои слова, но почти шепотом.

— Это связано с компанией и семейными проблемами, — ответил я коротко, посчитав, что этой информации пока ей достаточно.

— Как ты думаешь, почему Джеймс это сделал? — грустно спросила Эмилия. От бывшего веселья на ее лице не осталось и следа.

— Возможно, его действия связаны со мной. Я уволил его несколько дней назад. Вероятно, таким образом он хотел отомстить, — глядя в карие глаза, честно сказал я.

Мне ужасно жаль, что это произошло из-за меня.

— Ты не виноват, Джонатан. Я, правда, не виню тебя. Наверное, я слишком доверяю людям. Он позвал меня, и я просто сама пошла к нему в руки.

В глазах Эмилии появились слезы, и она обняла себя руками. Я сразу же встал и подошел к девушке. Присев на корточки рядом со стулом, я положил свои ладони на ее стройные ноги.

— Теперь я тебя не отпущу. Даже, если у тебя будет тысяча причин. Больше я не допущу, чтобы с тобой что-то произошло.

Впервые в жизни я дал обещание, в котором не сомневался. Я хочу, чтобы это было так. Но далекий голос сомнения заставляет тяжело вздохнуть.

Эмилия встает со стула и берет меня за руку. Она ведет за собой, а я покорно переступаю ногами. По дороге расстегиваю еще пару пуговиц на рубашке. Она усаживает меня на слишком мягкий диван в гостиной, на котором полно подушек, а сама становится между моих колен. Как только я хочу положить ладони на аппетитные бедра в обтягивающих штанишках, она убирает мои руки.

— Имей терпение, мистер Вуд.

На это я недовольно цокаю. Ненавижу терпеть, а тем более, когда Эмилия так близко.

В одно движение девушка стягивает с себя толстовку и остается в одном прозрачном топике через который видно соски. Я издаю что-то похожее на рык, а мое сердце ускоряет ритм.

Штаны медленно скользят вниз по ее бедрам и ногам... Эти чертовы прозрачные трусики сведут меня с ума!

— Нет, Джонатан, — Эмилия снова убирает мою руку.

Я хочу что-то ответить, но она кладет палец на мои губы. Мне удастся его быстро поцеловать перед тем, как она его убирает.

Эмилия опускается между моих ног, становится на колени, и принимается за оставшиеся пуговицы рубашки. Тонкие пальчики скользят по моей коже, сгущая кровь в паху. Она не спеша расстегивает пряжку ремня, пуговицу на брюках, и наконец-то освобождает от молнии мой член.

— Приподними бедра, — возбужденным голосом сказала Эмилия.

Я выполнил просьбу, и она стащила с меня брюки вместе с боксерами. Вернувшись в исходное положение, Эмилия оказалась возле самой эрогенной зоны моего тела. В предвкушении мое сердце готово выпрыгнуть из груди от тяжелого дыхания.

Подвинувшись немного вперед, сначала Эмилия накрыла поцелуями мой член, а после бархатные губы опустили по всей длине.

— Черт, детка... — прохрипел я не связно.

Я откинулся назад на подушки, желая не пропустить ни одного касания или жадного поцелуя. Ее острые ногти впились мне в бедра, а волосы слегка щекотали живот. Надрывистое дыхание Эмилии самая лучшая мелодия для меня, которая подталкивает к головокружительному наслаждению.

— Детка, — снова хриплю я, когда она глубже опускается по моей длине.

Мне нужно срочно оказаться в ней. Я не выдержу больше ни одной гребаной секунды, если не почувствую Эмилию.

— Стой, — приподнимаю ее подбородок, осматривая припухшие губы. — Я хочу тебя.

Я встаю с дивана, поднимая Эмилию с колен. Скидываю свою рубашку и стягиваю с девушки топик, оголяя грудь. Притягиваю ее ближе к себе, быстро целую в губы.

Подхватываю под бедра и аккуратно укладываю Эмилию на диван, прижимая весом своего тела. Мой член надавливает на возбужденный участок ее тела. Между нами всего лишь прозрачные трусики. Упираюсь еще сильнее, и заставляю ее прогнуться подо мной. Эмилия издает протяжный стон и закусывает нижнюю губу.

Я скольжу поцелуями к ее соскам, накрывая ртом по очереди каждый. Девушка извивается и пытается плотнее придвинуться ко мне. Я чувствую насколько она влажная, и больше не в силах терпеть.

— Джонатан, — мое имя слетает с губ Эмилии вместе со стоном.

В движение отодвигаю трусики и вхожу медленно, но напористо. Эмилия шире раздвигает бедра и слегка их приподнимает.

— Не останавливайся, — шепчет в губы.

Этой команды для меня достаточно, чтобы перейти от плавных толчков до грубых и быстрых. Наше дыхание и стоны смешиваются и разносятся по всем апартаментам.

Покидаю ненадолго Эмилию, чтобы перевернуть ее на живот. Девушка встает на четвереньки, эротично по-кошачьи прогнувшись в спине. Вот черт! От этого вида член больно запульсировал. Шлепнув ее по попе, я грубо вхожу в нее, удерживая за бедра.

Не проходит и нескольких минут как Эмилия протяжно застонала мое имя. Почувствовав ее пульсацию по всей длине, я также прихожу к наслаждению. Оргазм накатывает от кончиков пальцев на ногах и разливается по всему телу. Я за малым успеваю покинуть влажную плоть...

— Ты до сих пор обижаешься на меня из-за моих придинок на конференции?

Наши взгляды направлены в окно, откуда хорошо виден Бруклинский мост и берег Манхэттена. Мы перебрались на кровать в спальню сразу же после совместного душа.

— Я уже и забыла об этом.

— Я не хотел обидеть тебя, — целую Эмилию в волосы. — Ты просто свела меня с ума еще тогда, и я начал нести пургу. Одного взгляда было достаточно, чтобы я ревновал тебя ко всей мужской половине, которая была на конференции.

— А наша встреча в клубе? Я правда не знала, что Алан твой друг, и вообще, что ты имеешь отношение к «Бархатной ночи». Меня не должно было там быть. Меня уговорила пойти Лена. Но скорее всего она просто запала на Алана.

— Он не для нее. Лена хорошая девушка, а Алан всегда выбирает Мэл, чтобы не произошло. Лене не нужно все это дерьмо, — предостерег я. — В клубе я просто не поверил своим глазам, что мне могло так повезти, Эмилия. Я весь день думал о тебе и даже собирался послать цветы.

Эмилия удобно устроилась у меня под рукой и захихикала в ответ. Я глажу хрупкое плечико девушки, скользя пальцами по бархатистой коже. Ее волосы еще слегка влажные и разбросаны по белоснежной подушке. Вот как я готов засыпать оставшуюся жизнь. Все проблемы покинули мою голову: отец, деньги, компания. Мне кажется, что я свободен сейчас от всего.

— Почему ты так надолго пропал после Дня благодарения? Ты был в Венеции?

— Решал свалившиеся проблемы, и не мог разобраться со своими чувствами. Моя жизнь снова окрасилась в цвета, но это было неожиданно.

— Не по плану? — она тихо засмеялась.

— Можно и так сказать, — я улыбнулся, хотя знаю, что Эмилия этого не увидит. — Ну и Майкл рассказал мне об Алексе.

Я знал, что могу этим снова ее спугнуть. Знал, что Эмилия может снова закрыться от меня. Тема Алекса остается для нее болезненной, и она всегда уходит от ответа.

— Да, Алекс, — Эмилия тяжело вздохнула. — Александр, — сказала она с акцентом.

— Почему ты не указала его в анкете?

— Мы сильно поссорились на кануне. Я решила, наверное, его так наказать. Знаю, что это звучит глупо, но я была обижена и зла на него.

— Что же он сделал? — аккуратно спрашиваю я.

Я просто хожу по лезвию.

— Пытался снова отговорить меня от программы. Я уже выиграла грант, когда заполняла анкету, а он даже не поздравил меня. Просто игнорировал все, что было связано со стажировкой. Пытался давить на меня, и у него это в основном получалось. Если честно, я не знаю, как решилась на эту поездку. Алекс был зол, очень зол. Сейчас он то же не упускает возможность, чтобы упрекнуть меня.

— Почему ты терпишь такое отношение?

— Я слабая, Джонатан. Я боюсь, что развод как-то повлияет на Еву. Боюсь, что скажут родители, окружающие. Боюсь, что меня начнут жалеть. Боюсь Алекса.

— Алекса? — я напрягся. Если он трогал ее хоть пальцем, клянусь, я убью его.

Эмилия сильнее прижалась ко мне, будто прячась. Я крепче обнял ее в ответ, чтобы дать ей чувство безопасности.

— Алекса...

Эмилия не продолжила рассказ, и я услышал слабое сопение. Она уснула. Уснула и оставила меня наедине со своими догадками и мыслями. Почему она боится его? Или может быть я неправильно ее понял?

Я привстал, уложил девушку на подушку, и укрыл теплым одеялом обнаженное тело. Мне нужен свежий воздух.

Подхватив с тумбы телефон, я накинул банный халат, одел тапочки, и тихо вышел на небольшой балкон из нашей спальни. Он был припорошен снегом. На улице морозно, но я не ощущаю холод. Мое тело горит от переполняющих эмоций. Манхэттен переливается огнями с другой стороны Ист-Ривер, а на мосту сверкают фары автомобилей. Под ногами хрустит снег и доносится шум города, который к ночи немного утихает.

Мы сдвинулись с места: Эмилия приоткрыла мне в ход в ее мысли и душу, но я все еще стою на пороге.

Достаю из халата смартфон и нажимаю на клавишу быстрого набора. После восьми протяжных гудков Майкл наконец-то берет трубку:

— Джонатан, ты видел который час? — сонно ворчит он.

— Мне нужно, чтобы ты навел справки на мужа Эмилии Алекса. Чем быстрее, тем лучше.

— Поговорим об этом утром. Тем более кто захочет работать в праздничный день?

— Майк, это не просьба, — несколько грубо говорю я. — Я заплачу.

— Джон, дело не в деньгах...

Это последнее, что я услышал перед тем, как сбросить вызов. Я знаю, что Майкл все сделает. Он один из тех, кому я могу доверять.

Подкрадываюсь к кровати, где лунный свет освещает сексуальные изгибы девушки. Эмилия перевернулась набок, закинув ногу на смятое одеяло. Я, словно безумный, наблюдаю за тем, как она умиротворено спит.

Откидываю на кресло халат и забираюсь на кровать, устраиваясь поближе к Эмилии. Она, будто почувствовав мое присутствие, сразу же кладет руку мне на живот. Пусть оставшиеся часы ночи подарят нам спокойствие, а завтрашний день мы проведем вместе...

Глава 32

«Ревность — остроумнейшая страсть и, тем не менее,

все еще величайшая глупость»

©Фридрих Вильгельм Ницше

ЭМИЛИЯ

Каждый шаг вниз по лестнице приближает меня к свежесваренному кофе. Я приняла душ, привела себя в порядок, и надела первую попавшуюся футболку Джонатана белого цвета.

Первый этаж просто утопает в солнечном свете, который проникает в апартаменты сквозь большие окна. Гостиная выглядит уютнее, чем в прошлый раз, когда я тут была. Замечаю, что появились цветы, некоторые предметы декора и новый ковер. На диване декоративные подушки в наволочках с праздничным принтом, и, кажется, сам диван в прошлый раз был другой.

Замечаю за обеденным столом Джонатана и незнакомого для меня мужчину. На вид он не старше Джона, и одет в такой же идеальный костюм только глубокого серого цвета.

На звук моих шагов оба мужчины поднимают головы. Их взгляды скользят от босых ступней вверх по ногам и, наконец-то, удосуживают меня взглядом.

— Эмилия, доброе утро, — Джонатан закрывает крышку ноутбука, и встает из-за стола. — Это мой адвокат Майкл Торн, — он сухо представил высокого мужчину с крепким телосложением. Майкл Торн имеет такие же темные волосы, как у Джона, но серые глаза. Губы мужчины изогнулись в приветливой улыбке, и он встал из-за стола. Я не ожидала здесь увидеть еще кого-то, иначе бы нашла одежду приличнее.

— Эмилия, приятно наконец-то познакомится, — сказал Майкл равномерным голосом.

Джонатан цокнул в ответ и недовольно покосился на Майкла, пока тот приблизился ко мне, чтобы пожать руку. От смущения мои щеки запылали. Мне страшно представить, как я сейчас нелепо выгляжу в мешковатой футболке, переступая с ноги на ногу.

— Подожду наверху, пока вы закончите. Не буду мешать, — я кивнула в сторону лестницы, и уже сделала несколько шагов в ее сторону.

— Майкл уже уходит, у него полно дел, — сказал Джонатан тоном, который тяжело оспорить.

Мужчина цокнул взял свой портфель и подхватил пиджак со стула.

— Спасибо за кофе. Джон, ты очень гостеприимен, — с укором сказал ему Майкл. — С наступающим Новым годом, Эмилия, — подмигнул он мне перед тем, как уйти к лифту.

— С Наступающим, — громче сказала я мужчине в след, чтобы он услышал.

Повернувшись к Джонатану, я заметила его хмурый взгляд, которым он провожал своего адвоката. Майкл хитро улыбнулся ему в ответ до того, как закрылись двери лифта.

На столе стоит не тронутая чашка кофе, которую Джонатан сразу же отправляет в раковину. Он собирает папки в портфель, и туда же отправляет брендовый лэптоп.

На часах десять утра, а Джонатан выглядит просто идеально. На нем темные брюки, белоснежная рубашка с повязанным синим галстуком и идеально начищенные туфли.

— Ты уходишь? — разочаровано спросила я, осматривая его.

— С чего ты взяла? — Джон поднял брови от удивления.

— Ты выглядишь так, будто собрался на деловую встречу, — я окинула его еще раз взглядом.

— Нет, Эмилия. Я... Я не знаю почему так оделся. По привычке, наверное, — Джонатан мягко улыбнулся, и нажал на кофеварке кнопку.

— Тебе будет неудобно печь печенье в таком виде, — хмыкнула я.

Это моя традиция уже много лет. Сначала я делала это с мамой, потом сама, а с появлением Евы, я начала печь вместе с ней. В этот новый год мы далеко друг от друга, но я не хочу, чтобы этот год стал исключением.

— Печенье? — Джонатан почесал затылок. — Это то, которое вырезают формочками из готового теста?

— Нет, — я подошла к нему и обняла за талию. — Мы будем делать тесто сами.

— Я ничего не понимаю в этом, детка. Когда-то Дели пыталась меня приобщить к кухонным делам, но дальше яичницы-глазуньи дело не пошло.

— Не переживай. Я всему тебя научу.

Джонатан чмокнул меня в нос, сжимая своими крепкими ладонями ягодицы. Ему не стоит так делать, иначе мы вернемся в спальню или на тот милый диванчик с подушками.

— Пойду, надену что-то другое, — сказал он, несколько раз слегка шлепнув по попе. — Я мигом.

Пока Джонатан ушел в поисках более удобной одежды, я начала искать нужные ингредиенты. К большому счастью все необходимое было в наличии.

Я выставляла продукты на столешницу, успевая поглядывать на телевизор, на котором шла музыкальная новогодняя передача.

— Так, с чего начнем? — Джон потер руки.

От делового мужчины не осталось и следа. Джонатан надел пижамные штаны и такую же, как на мне, белую футболку.

— Найди глубокую миску, пожалуйста, и скалку.

От его мальчишеского вида в этой одежде с растрепанными волосами и озорным блеском в глазах у меня взбунтовались бабочки. Помню, как он в похожих штанах, но с голым торсом, расхаживал по своим апартаментам на Парк-авеню.

— Мы можем заказать печенье в любом ресторане, — предложил Джонатан, будто читая мои мысли.

— Нет, мы справимся. Сейчас только найду корицу, — я постаралась сказать убедительно, отгоняя возбуждающие мысли прочь.

Боже, нам нужна корица.

Я отвернулась от него, но неожиданно ощутила спиной и ягодицами теплое тело Джонатана. Он подошел почти в плотную и открывает дверцу подвесного шкафчика над моей головой. На верхней полочке стоит кухонная утварь, а на нижние маленькие баночки с приправами.

— Нужно посмотреть здесь, — сказал он мне на ухо и указал пальцем на одну из стеклянных баночек.

Джонатан уперся своим твердым членом мне в ягодицы, а его горячее дыхание защекотало и без того хрупкое самообладание.

Мое сердцебиение участилось, в голове уже вспыхнули картинки возможного сценария. Но неожиданно Джонатан пошел к другому кухонному шкафчику, чтобы достать миску и скалку.

Я облегчено выдохнула, и на секунду прикрыла глаза. Если мне суждено сойти с ума, то причиной я выбираю Джонатана.

— Детка, — позвал он меня бархатистым голосом.

Джон повязал фартук и предлагает мне сделать то же самое. Я взяла фартук, завязала на шее верхнюю часть, а Джонатан помог мне завязать на талии нижние ленточки. Ну все, мы готовы. Главное — выкинуть из головы неприличные мысли и следовать цели.

Я ловко смешивала ингредиенты, и вымешивала ароматное тесто. Джонатан наблюдал за каждым моим движением. По его внимательному виду мне казалось, что он откроет блокнот и начнет конспектировать рецепт. Таким сосредоточенным я не видела его никогда.

— А теперь нам нужно раскатать тесто в пласт, и можно вырезать печенье.

Эту миссию я доверила Джонатану, который принялся неуверенно раскатывать скалкой тесто.

Я залюбовалась его перекатывающимися мышцами на руках, серьезному виду и в то же время наивному взгляду, поэтому вовремя не проконтролировала толщину теста. Мне пришлось свернуть его в несколько слоев, и попросить Джонатана раскатать еще до нужной толщины.

Специальных формочек не оказалось, поэтому я взяла стакан и начала показывать, как им вырезать печенки. Пока Джонатан продолжил процесс «кройки» теста, я застелила пергаментом противень и включила духовку.

— Оказывается, это не так уж сложно, — сказал довольно Джонатан, перекладывая печенье. — Я чувствую себя шефом Гордоном. Мне идет фартук?

Я засмеялась и одобрительно кивнула в ответ. Джон посмотрел на меня своими зелеными глазами, которые от его счастливо вида и яркого зимнего солнца напоминают летний лес. Говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, но все оказалось намного банальнее.

— У нас есть десять минут, чем займемся? — Джонатан посмотрел на таймер на духовке.

Он подошел вплотную и поставил на столешницу руки с двух сторон от меня, заигрывающе посмотрев в глаза.

— Девять минут, Эмилия.

Его губы в миллиметре от моих, которые с нетерпением ждут продолжения.

Я закидываю руки ему на шею, зарываясь пальцами в черные волосы. Джонатан обхватывает талию и страстно сминает мои губы.

Весь мир перестает существовать. Проблемы, переживания теряются во времени. Боль, страх стираются из воспоминаний. Любовь, легкость, страсть, безопасность — это то, что переполняет меня сейчас.

— Господи, я безумно тебя люблю, — разорвав поцелуй, шепчет Джонатан.

В подтверждение своих слов, он жадно целует так, что не хватает дыхания. Руки Джонатана скользят вниз по моей спине и забираются под футболку, которая заканчивается немного ниже ягодиц. Проскользнув под белую ткань, Джон плавно перебирает пальцами вдоль позвоночника.

— Хорошо, что ты надела топик, иначе бы я убил Майкла прямо здесь, — озвучил он свои мысли после того, как нащупал верхнюю часть нижнего белья.

— Ревнуешь, мистер Вуд?

— Я бы соврал, если сказал, что нет.

Джонатан приподнял меня и посадил на столешницу, припорошенную мукой. Я хотела возразить, но он встал между моих бедер, упершись своим твердым аргументом.

— Вечером у нас планы, Эмилия. Поэтому если тебе нужно сделать звонки родным и дочери, то нужно успеть до шести вечера.

Я согласно кивнула в ответ. Нужно будет найти место в апартаментах, которое не вызовет подозрения. Мне уже не терпится узнать, что приготовил Джонатан. Но самое сложное сейчас — Алекс. Нужно пережить несколько минут разговора.

По мере приготовления печенья воздух пропитывается корицей, апельсином и кардамоном. Этот запах у меня ассоциируется с домом, новогодними праздниками, семейными вечерами. Окутывает теплом и уютом каждую клеточку тела.

Джонатан подогрел то, что осталось от вчерашнего ужина, налил нам кофе, а я достала из духовки печенье. Аромат в апартаментах усилился. У меня появилось по-настоящему легкое праздничное настроение.

— И его мы приготовили сами, — Джонатан закрыл от удовольствия глаза, отправляя еще один кусочек выпечки в рот.

— Джон, ты выглядишь забавно, — я не смогла сдержать улыбку. — Это всего лишь печенье.

— Не говори так. Оно особенное: мы сделали его *с любовью*.

Мы припарковались сзади здания «Бархатная ночь» на небольшой стоянке, которая скорее всего была только для служебного транспорта. На парковке уже стояли несколько машин и один мотоцикл. Закрыв за собой ворота из сетки, Джонатан взял меня за руку и повел к служебному входу. На пороге стоит парень, который при виде Джона сразу же выбрасывает сигарету в урну.

— Добрый вечер, мистер Вуд, — поздоровался он, отходя от двери, чтобы пропустить нас.

— И мисс Шварц, — деловым тоном добавил Джонатан.

— Простите, и мисс Шварц. С Наступающим, — громко сказал парень нам в след.

В клубе еще не погас свет, не играет громко музыка, и совсем нет посетителей. Полным ходом идет подготовка к праздничной ночи. Высокая девушка с темными собранными в пучок волосами делает какие-то пометки в своей папке, и внимательно следит за тем, что

делают ее подчиненные. Персонал заведения, скорее всего, выполняет намеченный заранее план.

— Карла, — окликнул девушку Джонатан, — пусть нам принесут чай и что-нибудь перекусить. Шампанское и бокалы мы заберем с собой.

Она кивнула боссу в ответ и скрылась за двухстворчатыми дверями.

— Побудем здесь несколько часов, а дальше пойдем пешком. Это ближайшее место от намеченной мной локации, — объяснил Джон, пока мы поднимались по лестнице на хозяйский этаж.

Я сразу же прошла на балкон и посмотрела вниз. Почему-то я представила, как нем тогда стоял Джонатан. Я сделала также: положила руки на деревянные перила. Джон подошел сзади и обнял за талию, упершись подбородком мне в плечо.

Внизу суетятся официанты, бармен натирает до блеска элитные бутылки алкоголя, а диджей проверяет готовность аппаратуры. Каждый занимается своей работой, за которой, словно ястреб, наблюдает Карла. Она заглядывает в каждый уголок, контролирует каждого работника. Такая слаженная работа завораживает, и я не заметила, что выключили основной свет. Огромная люстра зажглась мелким лампочками, окрашивая пространство в приятный знакомый алый свет. А в воздухе я почувствовала аромат спелой вишни.

— Вишня — это мой любимая ягода, — прошептал Джонатан. — И клуб назван в честь моего любимого сорта — Бархатная ночь.

— И чем же тебе так нравится этот сорт? — я оглянулась на него.

Я никогда не разбираюсь в сортах ягод, а тем более вишни. Знаю, что они чем-то отличаются. Возможно по вкусу, цвету, и на этом знания заканчиваются.

— Ну, она очень сладкая, — как-то застенчиво произнес он.

Джонатан на последнем слове слегка прикусил мочку моего уха, чем заставил засмеяться.

— Конечно же, не настолько сладкая, как ты, Эмилия, — продолжил он покрывать поцелуями мою шею.

Крепкие руки Джонатана перебрались вверх, останавливаясь под грудью. Пятой точкой ощущаю твердость в его паху, которая будоражит все внутри. Воображение сразу рисует неприличные картинки и варианты того, что может быть дальше.

— Время десерта, — бархатистым тембром сказал Джон, разворачивая меня к столику.

Я готова была согласиться на любую сладость, но Джонатан всего лишь указал на высокий кусочек торта на блюде. Не знала, что тут бывают торты.

— В честь праздника шеф добавил в меню несколько десертов. Это Шварцвальд или шоколадно-вишневый торт.

Я демонстративно вздохнула, а Джонатан улыбнулся в ответ. Тогда мне потребуется не один кусочек этого аппетитного десерта, чтобы сбить разбушевавшуюся оскомину.

Глава 33

*«На одно мгновение наши жизни встретились,
наши души соприкоснулись»*

©Оскар Уайльд

ДЖОНАТАН

Теплая ладошка Эмилии находится в моей ладони, пока мы пробираемся сквозь толпу.

Желающих отпраздновать Новый год на Таймс-сквер с каждым годом становится больше. Люди, как и мы, двигаются в направлении к площади. Нам нужно попасть в одно из тех зданий, что находятся ближе к центру праздника.

— Осторожнее, — шиплю я на мужчину, который за малым не сбил Эмилию с ног.

Я сильнее сжимаю ее руку, чтобы не потеряться в толпе. Осталось не так много времени, поэтому нам нужно поспешить к намеченному месту.

Улица сверкает со всех сторон, переливаясь неоновыми рекламами на огромных экранах, а в воздухе парят тысячи голосов на фоне музыки известного исполнителя. Царит праздничная атмосфера, не взирая на ощутимый мороз.

Наконец-то добравшись до нужного здания, мы заходим в небольшой недавно отремонтированный холл, где за стойкой сидит мужчина в возрасте.

— Ваши ключи, мистер Вуд.

Мы быстро заходим в лифт, и я нажимаю на цифру последнего этажа.

— Джон, осталось меньше четверти часа, — сказала Эмилия, посмотрев на наручные часы.

— Мы на месте, — подмигиваю ей.

Двери лифта открылись на верхнем этаже, и мы вошли в помещение, которое освещается только светом из улицы через два больших окна. Эмилия удивленно осмотрела пространство. Здесь только завершили черновую отделку. На полу стоят мешки с мусором, а посередине комнаты сложены строительные материалы.

— Компания купила это здание под реставрацию. Я говорил, что мы занимаемся недвижимостью, — напомнил я.

Мы прошли к окну, из которого лучше всего видно сцену, где стоит мэр на фоне исторического небоскреба Таймс билдинг. Традиционно именно с этого здания происходит «падение» шара.

Я открыл дверь на небольшой балкончик, впуская прохладный зимний воздух. Быстро снимаю рюкзак и достаю из него бутылку шампанского. Ставлю бокалы на тонкой ножке на широкое ограждение балкона, чтобы потом разлить в них игристый напиток.

— У нас самое лучшее место, — довольно сказал я. — Внизу запрещен алкоголь.

Эмилия улыбнулась и вышла ко мне на балкон. Она посмотрела вниз, слегка опершись о поручень. Внизу ликовала толпа, пребывая в торжественном настроении.

До нас доносились слова песни, которые я проговаривал себе под нос. Петь я не умею, но радость и счастье, которыми я полон сейчас, передают легкости и безмятежности.

Я действительно сейчас счастлив.

— Джон, что сейчас будет? — Эмилия с восторгом посмотрела на засветившийся шар.

Мэр Стэлфорд произносит праздничную речь, уделяя внимание значимым, по его мнению, событиям уходящего года. Для меня также этот год стал особенным. Тяжелым, выматывающим, но с *особым подарком*.

Эмилия внимательно следит за происходящим, а я внимательно наблюдаю за ней. Пытаюсь запомнить ее такой, то как она воспринимает мир вокруг.

Машинально откупориваю бутылку, но не даю шампанскому «выстрелить».

Мы смотрим на спускающийся шар, святящийся разноцветными огоньками, к огромному циферблату, на котором начался обратный отсчет.

— Пять... Четыре... Три... — наши голоса звучат в унисон с голосами на площади внизу.

Я быстро наполняю бокалы перед тем, как на огромном экране появляется надпись: «Счастливого Нового года!».

Голоса внизу взрываются аплодисментами и праздничными возгласами. Мы слегка ударяем бокалами и делаем по несколько глотков.

Небо окрашивается десятками залпов салюта, а воздух наполняется романтическим тембром Фрэнка Синатры.

Я обнимаю Эмилию за талию и нежно целую в губы. Уверен, собравшиеся, у кого есть вторая половинка, делают то же самое.

Это лучшие минуты за последние несколько лет моей жизни. И мне хочется, чтобы они продолжались вечно.

— Джонатан, это невероятно!

На глазах Эмилии выступили слезы счастья, а я еще раз целую ее.

— У нас будут сотни таких моментов. Нет! Тысячи, — уверенно заверяю девушку, обхватив ладонями ее лицо. — Это я тебе обещаю.

Обещаю...

Я так давно не произносил это слово в слух, что готов поклясться, забыл его значимость. Но для нее я готов не только обещать, но и держать данное обещание, чего бы это мне не стоило.

Наполняю наши бокалы шампанским, а Эмилия достает телефон.

— Нам нужно это запечатлеть, — тихо сказала она, ожидая моей реакции.

Недолго думая, я подтянул девушку за талию ближе. На экране появились два счастливых лица перед тем, как Эмилия нажала на кнопку, чтобы этот кадр остался в памяти.

— Это не конец нашего вечера, — загадочно произношу я. — Сейчас нам нужно вернуться к машине.

Сэм должен был ее подогнать ближе к нам на сколько это получится. Сейчас в городе начнется безумие: народ будет пытаться добраться домой. Надеюсь, пробки на дорогах не задержат нас надолго. Мы могли взять вертолет, но почти весь персонал, за исключением водителя, я распустил на праздники.

Пребывая в хорошем настроении, мы садимся на заднее сиденье автомобиля. Сэм трогается с места, но сразу же сбрасывает скорость: дороги загружены. Пока он ищет в навигаторе объездные пути, Эмилия быстро целует меня в щеку, а я расплываюсь в улыбке.

Боже, я выгляжу как придурок. Тридцатичетырехлетний больной придурок.

Влюбленный придурок.

Эмилия подвигается ближе ко мне, крепко обнимает двумя руками за талию и укладывает голову мне на плече. Я утыкаюсь носом в шелковистые длинные волосы, разбросанные по плечам. Так я готов кататься по городу не один час.

Сэм медленно пробирается по улицам, пока наконец-то не съезжает на нужное шоссе. Эмилия тихо засопела, и я аккуратно уложил ее к себе на колени.

На дорогу к поместью ушло меньше времени, чем я планировал. Мы добрались в «Ночное сияние» еще задолго до рассвета. Родителей все еще нет, а Дели должна была уехать к родственнице, поэтому все семейное гнездо Вуд в нашем распоряжении.

Водитель припарковался на моем месте около парадного входа, который на удивление в этом году даже не украшен. Обычно тут все сверкает не хуже, чем на Бродвее.

Эмилия непонимающе осмотрелась по сторонам, когда мы вышли из теплого салона автомобиля. Она поправила волосы и накинула капюшон. Освещение было включено по минимуму, придавая какой-то таинственности этому месту.

— Это семейное поместье моей семьи, — я указал рукой на здание. — То самое, которое основал Гарольд Вуд почти столетие назад.

— Джон, — Эмилия тревожно посмотрела на меня.

— Не переживай, сейчас тут никого нет, — уверенно сказал я.

Связаться с родителями так и не удалось. Все мои звонки были переадресованы на автоответчик. Аделаида сказала, что они вернутся не раньше следующей недели.

Мы тихо вошли в холл, и я также тихо закрыл за нами дверь. Подсветки над картинами блекло освещают пространство и дают возможность увидеть интерьер. По центру нет даже праздничной ели. В этом году мама, похоже, проигнорировала праздники.

Эмилия сделала несколько шагов, но остановилась по середине комнаты. Она осмотрелась по сторонам, пока ее внимание не привлек портрет моего прадеда, оформленного в темную деревянную рамку.

— Вы похожи, — она по очереди взглянула на меня и на Гарольда Вуда.

Он стоит полу боком и любуется океаном из окна, только что построенного кабинета. На портрете Гарольд еще молод, возможно, на десяток лет старше меня. Высокий, черные волосы, уложенные небрежными прядями назад. Я его смутно помню в силу своего раннего возраста. А Гарольду Вуду было под сто лет, когда я видел его в последний раз.

Девушка подошла ближе, внимательно осматривая холст.

— Ты унаследовал не только фамилию от своего предка, но и внешние данные, — сказала Эмилия, на что я улыбнулся.

В доме полная тишина, и мы стараемся почему-то ее не нарушать, разговаривая почти шепотом. Продвигаясь выше по лестнице, осматриваем многочисленные портреты и современные фотографии моей семьи, пока не оказываемся на втором этаже.

Я открыл первую дверь справа от лестницы.

— Твоя спальня? — Эмилия повернулась ко мне с хитрой улыбкой.

— В ней почти ничего не поменялось с момента моего переезда.

Посередине комнаты все также стояла кровать с балдахином. Да, я был крутым парнем с Лонг Айленд, у которого обязательно должно быть такое ложе.

Эмилия подошла к ней ближе, перебирая пальчиками по дубовой резной стойке. Но потом увидела полку с наградами.

— Джонатан, ты пловец? — удивленно спросила она, осматривая Кубок первенства штата.

— Я думал, ты заметила, что я в неплохой физической форме, — нелепо пошутил я, но Эмилия засмеялась. — Да, я даже учился на стипендии благодаря плаванию.

— А сейчас? Ты плаваешь?

— Редко. В моих сутках не хватает часов. Раньше я любил этим заниматься. Больше мне нравилось плавать в океане, — я кивнул на окно, за которым луной освещалась водная гладь.

Она подошла ко мне и закинула руки мне на шею. Ее пальчики прошли по моим волосам на затылке, заставляя мурашки предательски пробежать по спине.

Давай, Джон, растекись еще лужицей возле ее ног.

— Джонатан, ты один из лучших людей, которых я когда-либо встречала, — серьезно сказала она, не отрывая от меня взгляд.

— Эмилия, — каждый раз, когда произношу ее имя, я не могу насытиться им.

— Мы можем тут остаться? — устало спросила она, укладывая голову мне на грудь.

За окном было еще темно, но я точно знал, что до рассвета осталось немного.

Я скинул свой пуховик и сделал то же самое с верхней одеждой девушки. Поднял Эмилию на руки, подошел к кровати и аккуратно уложил на мягкий матрас, на котором не спал со школьных времен.

Аделаида каждую неделю меняет постельное белье и делает уборку в комнате, за это я ей сейчас благодарен как никогда.

Нам открылся прекрасный вид из окна. Первые лучи солнца появились на горизонте, окрашивая воды океана на удивление яркими лучами. Небольшие тучи заиграли красками на небосводе, становясь ярче с каждой секундой.

— Джонатан, это лучшее начало года, — тихо проговорила Эмилия, наблюдая за рассветом.

Я что-то сказал невнятное в ответ, но точно поддерживающее ее слова. Да, еще пару месяцев назад я не мог представить, что так буду встречать этот год. В своей комнате на Лонг Айленд рядом с Ней.

Перед моими глазами появилась темно-синяя ткань балдахина, когда я открыл веки. Надо убрать это безвкусие отсюда.

Я огляделся по сторонам. Боже, я ощущаю себя снова прыщавым школьником. Хотя я никогда таким не был. Замечаю, что мы укрыты пледом, которого еще пару часов назад не было. Сейчас я испытываю те неловкие чувства, когда впервые привел девушку к себе в спальню.

За дверью кто-то прошел, и доска предательски закрипела. Ее все еще не починили.

Эмилия заерзала рядом и перевернулась лицом ко мне. Мое сердце застучало в груди. Что, если родители вернулись раньше? Не то, чтобы я переживал об их чувствах. Я волнуюсь об Эмилии и о том, что может наговорить моя мать. Нам нужно тихо выбираться отсюда.

— Эмилия, — я шепотом позвал ее.

Девушка открыла карие глаза и улыбнулась.

— Доброе утро, — сонно произнесла она.

— Нам нужно уходить. Мы не одни, — предупредил я.

Эмилия шире распахнула глаза. Она села, взволновано посмотрев на меня.

— Ты же говорил, что тут никого нет? — с укором спросила она.

— Я был уверен в этом.

Я подхватил с кресла наши пуховики, приоткрыл дверь, и мы выглянули в коридор. В доме была тишина. Не могло же мне показаться?

Я взял Эмилию за руку, и начал, не спеша, на носочках идти вниз по лестнице. Половица закрипела, вынуждая остановиться на месте.

— Джон, — Эмилия тихо захихикала, — я давно так себя не чувствовала.

Я поцеловал ее в щеку, сдерживая себя, чтобы громко не засмеяться. Мы, будто два подростка, нарушивших комендантский час, которые стараются не попасться на глаза взрослым.

— Доброе утро, — послышалось сзади нас, когда мы почти спустились в холл.

На секунду я замер, а Эмилия сильнее сжала мне ладонь, но потом облегчено вздохнул.

— Доброе утро, Дели, — невозмутимо развернулся к ней, будто происходящее в порядке

вещей.

— Я уже накрыла на стол, — также невозмутимо объявила она.

Наши взгляды встретились. Повисло недолгое молчание. Аделаида улыбнулась мне, переключая внимание на Эмилию.

— Джонатан, ты представишь нас?

Дели с интересом осматривала девушку, делая это как можно деликатнее. Я почувствовал, что Эмилия напряглась.

— Дели, это Эмилия. Эмилия, это Аделаида, — деловым тоном представил я их другу другу.

— Ну же, блинчики и кофе остынут! Идемте ко столу, — весело сказала Дели, кивнув в сторону столовой.

Аделаида ведет себя так, будто ничего не происходит, а Эмилия, кажется, не дышит.

— Родители? — сразу спросил я.

— Не переживай, Джонатан, их нет. Идемте.

Я вопросительно взглянул на Эмилию. Мне не хочется давить и ставить ее в неловкое положение.

— Что скажешь? — обратился к ней, как только Дели скрылась за дверью столовой.

Аромат свежее испеченных блинчиков и только что заваренного кофе вынудил заурчать в моем животе.

— Ладно, я не дам тебе умереть голодной смертью, — ответила Эмилия, волнительно улыбаясь.

Глава 34

*«Страсть — непреодолимое влечение,
которое невозможно забыть, даже когда все прошло».*

©Мэри Элис Янг

т/с «Отчаянные домохозяйки»

ЭМИЛИЯ

Мы вышли на порог дома Джонатана, держа каждый по пакету с блинчиками и еще какими-то коробочками. Аделаида настояла, чтобы мы взяли приготовленную еду с собой.

Джонатан поцеловал женщину в щеку, а я еще раз поблагодарила за завтрак и провизию. Дели пожала мне руку, искренне улыбаясь. Я узнала много нового из жизни Джона, особенно из его ранних лет. Оказывается, он был еще тем сорванцом и доставлял Аделаиде много хлопот.

Между ними чувствуется связь, они понимают друг друга по взгляду. Видно, что Дели любит его всем сердцем, и Джонатан отвечает взаимностью. Хотя пытается это сильно не показывать.

— Только Дели заставляет меня снова чувствовать себя проказливым ребенком, — сказал Джонатан, открывая мне дверь с пассажирской стороны.

— Она замечательная, — серьезно ответила я.

От Аделаиды веет теплом, искренностью и уютом. У меня сложилось впечатление, что я побывала у очень близкого человека. Сначала я очень переживала, оказавшись за одним с Дели столом, но она сделала все, чтобы я чувствовала себя комфортно. И благодаря этому у

меня остался приятный осадок от проведенного вместе с ней времени. За это я ей отдельно благодарна.

Джонатан проехал возле фонтана и свернул на дорогу, ведущую к трассе. Напоследок я взглянула в зеркало, где видно отдаляющееся здание в американском колониальном стиле. Поместье хранит память прожитых дней. В нем можно прочувствовать дух Старой Англии и эпохи «процветания» Штатов. Мне бы хотелось осмотреть каждый уголок поместья и, может быть, на минуту почувствовать себя Скарлет О'Хара. Правда, не такой заносчивый и капризной.

— Аделаида думает, что я не знаю о их романе в молодости с моим дедом «Ричи» Ричардом Вудом, — легко сказал Джонатан, этим заставляя оторваться от раздумий.

Вспоминая разговор за завтраком, я улыбнулась. Аделаида несколько раз кого-то называла именем Ричи. Тогда я не знала, что Ричи — это и есть Ричард Вуд. Она говорила о нем с теплотой и немножко с придыханием.

— Поэтому мне все сходило с рук. Если бы не Дели и его чувства к ней, меня бы точно отправили в школу-интернат где-нибудь в горах. Она единственная могла ему в открытую перечить. Конечно, когда рядом никого не было.

— А как же твоя бабушка?

— Они познакомились до нее. И насколько мне известно состояли в отношениях около года. Потом что-то произошло между ними. У Дели не было никого из близких, она была в ужасной жизненной ситуации, поэтому дед предложил ей работу. Точнее уговорил в этом своего отца.

Джонатан переключил радиостанцию. Из динамиков зазвучал звонкий голос диктора, который поздравляет с началом Нового года. Он убавил громкость так, чтобы она не мешала нашему разговору.

— Аделаида работает и живет в поместье с девятнадцати лет. То, что знает Дели, не знает никто из семейства Вуд. Аделаида еще тот агент под прикрытием.

— Видно, что она тебя любит, Джонатан.

Я повернулась к окну, за которым проносились почти одинаковые дома. Каждый из них был украшен обильнее другого. На улицах редко попадались машины или прохожие. Наверное, люди еще отдыхали от бессонной праздничной ночи.

Джонатан продолжил что-то рассказывать об Аделаиде, но я погрузилась в свои мысли. Сейчас я чувствую, будто моя жизнь разделилась надвое. Есть я и Джонатан, а в другой реальности меня ждут Алекс и Ева. Кажется, эта грань между двумя мирами становится меньше, истончается с каждой минутой. Я не чувствую, где должна остановиться.

— Джон, ты отвезешь меня в апартаменты? Те, которые снимает нам университет, — добавила я, когда Джонатан непонимающе взглянул на меня.

— Я думал мы вернемся в Бруклин, — насторожено проговорил он. — Мы можем заехать, чтобы ты взяла необходимое для себя. Джеймса еще не нашли, я не смогу оставить тебя там одну.

— Там будет Лена. Я хотела бы поработать, — о последнем я солгала, больше всего мне сейчас хочется остаться одной.

— Лены нет дома. Она уже почти месяц встречается с лаборантом со своей кафедры, — выдал он, на что я удивленно округлила глаза.

— Откуда ты знаешь?

— После инцидента с Джемом, я не мог оставить все на самотек. Я проверил даже

Лену, — деловито заявил мужчина.

— Что значит «даже Лену»?

От недовольства у меня начало пульсировать в висках. Я ненавижу, когда меня контролируют, а тем более просеивают мою жизнь через сито.

— Джонатан, ты не ответил!

Он свернул с трассы и припарковался на безлюдной обочине. Вокруг нас был только лес, окутанный пушистым снегом. Как только автомобиль полностью остановился, я выпрыгнула из салона. Мне нужен свежий воздух.

— Эмилия, стой! — крикнул он мне вслед, хлопая дверью автомобиля.

Джонатан догнал меня, разворачивая к себе лицом. Его волосы казались еще темнее на фоне белого снега. Снежинки не спеша падали между нами, а перед моими глазами проносились мгновения рядом с ним.

— Пойми, я не мог больше рисковать. Мне пришлось проверить Алекса и всех, кто имеет с тобой связь, — Джонатан подтвердил мои догадки.

— Ты не имел право нагло вмешиваться в мою жизнь. Тем более в жизнь Алекса, — обвиняющим тоном холодно сказала я.

— Я не хотел тебя обидеть, — все, что ответил он, пропуская через пальцы свои волосы.

В моей груди смешались страх и разочарование. Что, если он узнал причину нашего переезда и перевода Алекса?

Как бы я не относилась к мужу, и какие бы у нас не были отношения — это не дает Джонатану право копаться без спроса в моей жизни. *Нашей с Алексом жизни.*

— Ты не должен был так поступать, — в моем голосе звучала обида, которую мне не удалось скрыть.

— Я волновался о тебе, — в свою защиту произнес он.

Сейчас я чувствую себя раздетой догола́ на всеобщее обозрение. Джон хотел дотронуться до моего лица, но я не позволила, увернувшись от его руки.

— Ты не должен был трогать Алекса.

— Эмилия, — Джонатан положил ладони на мои плечи, слегка удерживая, — Я правда переживал о тебе. Возможно, я поступил неправильно и нужно было спросить у тебя... Понимаешь, ты сказала, что боишься? Я не могу тебя отпустить к нему, если тебе будет что-то угрожать.

Я вижу, что он говорит искренне и с заботой, но не могу смириться с тем, что Джонатан сделал. Наша связь выходит за границы дозволенного. Мы начинаем плотно въедаться в жизни друг друга. Я люблю его, но для начала должна сама разобраться со своими чувствами и Алексом.

— Никогда больше делай так, — прошу я. — Если тебя что-то волнует, спроси у меня. Хорошо?

Он согласно кивает. Его зеленые глаза под веером черных ресниц и виноватый вид наполняют меня теплым чувством. Я обнимаю его за талию, и утыкаюсь носом в пуховик. Мне хочется еще злиться на него, но я не могу.

— Поедем в Бруклин? — тихо спрашивает Джонатан, перебирая пальцами по прядям моих волос.

— Сначала заедем в кондоминиум, — настоятельно говорю я.

— Ладно. Тогда сделаем еще одну остановку на Уолл-стрит.

Джонатан оказался прав, Лены не было в университетской квартире. Только записка, написанная на скорую руку, которая пылилась на кухонном столе. Я не знаю зачем она ее оставила, потому что вчера мы несколько раз обменялись сообщениями. Внизу на оставшейся части листика пишу ей ответ, что жду всех подробностей и рисую подмигивающий смайлик. Двадцать первый век на дворе, а мы занимаемся не пойми чем.

Я быстро собираю нужные мне вещи: лэптоп и блокнот, в котором записи по стажировке. Кидаю в сумку некоторые вещи и первую попавшуюся косметику.

На все сборы у меня ушло не больше пятнадцати минут. Джонатан все это время насторожено выглядывал в окно, будто кого-то ожидая. Похоже, он действительно волнуется обо мне.

Мы быстро добрались до Уолл-стрит, не взирая, что сейчас время ланча. Многие офисы закрыты на праздничные дни и это немного разгрузило дороги.

Джонатан припарковался на центральном входе возле высокого здания с черными стеклянными окнами. Я остановилась на входе и подняла голову вверх. На самом верху виднелись золотые буквы «NW Company». Здание выглядит внушительно и стильно.

Внутри почти никого нет, кроме охраны и милой девушки на ресепшн, которая при виде Джонатана расплылась в ослепительной улыбке. Хочу испепелить ее взглядом или впиться в губы Джона, этим показывая, что он мой.

Боже, о чем я вообще думаю?

Поднимаемся на стеклянном лифте выше и выше. На каждом этаже не более нескольких сотрудников, которые приветственно кивают боссу со своих рабочих мест. Замечаю, что на этих этажах нет кабинетов, только небольшие кабинки, огражденные друг от друга низкими стенками.

На двух последних этажах кабинки заменились стеклянными просторными кабинетами. Пол застелен темной плиткой, а стены выкрашены в глубокий серый цвет. Огромное обилие цветов, пальм, папоротников, широколиственных растений наполняют жизнью этот на первый взгляд скучный интерьер.

Двери лифта открываются на самом последнем этаже. Мы проходим мимо нескольких пустых кабинетов и подходим к двери, которую президент этой компании открывает с помощью ключ-карты. Проходим дальше мимо стола, на котором идеальный порядок. Наверное, тут сидит его секретарь.

Джонатан открывает черную массивную дверь и становится в бок, пропуская меня.

— Мой кабинет, — просто говорит он.

Здесь бы могли вместиться с десятков кабинетов этажем ниже. Стеклопанель открывает невероятный вид на другую сторону острова. Где-то вдалеке угадывается очертание небоскреба на Парк-авеню, в котором живет Джонатан. В помещении идеальная чистота, как и запах.

Джонатан присаживается в президентское кресло и включает лэптоп, а я занимаю коричневое кожаное кресло напротив него, любопытно рассматривая все в округ. Я думала, такое бывает только в фильмах.

Пока я верчу головой, словно сова, Джонатан быстро печатает на клавиатуре. С принтера выезжает лист, он подхватывает его, внимательно читает, стуча пальцами по черному стеклянному блестящему столу.

— Ты выглядишь сексуально сейчас, — озвучиваю свои мысли, игриво улыбаясь.

Он хитро улыбается в ответ, выразительно приподняв одну бровь. Джонатан уверенно

ставит подпись на листике и кладет его в коричневую папку «НW Company». Опершись спиной о спинку кресла, он сосредоточил взгляд на мне.

Джонатану ничего не нужно делать только, как пронижительно смотреть в глаза, чтобы ускорить мое сердцебиение. Стараюсь держать себя в руках под пронизывающим взглядом зеленых глаз.

— Я хочу тебя трахнуть, — твердо сказал он. — Сейчас.

Властный голос Джонатана эхом разнесся по всем клеточкам моего тела. От его откровения дыхание стало глубже. Чувствую, как бабочки зашевелили низ живота, и я невольно скрестила ноги.

В своем офисе, в этом кресле он совершенно другой. Это тот Джонатан Вуд, которого знают многие, если не все в Нью-Йорке. Сейчас в нем чувствуется власть, уверенность, страсть и немного опасности.

Я заерзала на кресле. Моя грудная клетка поднимается с каждым глубоким дыханием, а сердце учащенно стучит под ребрами. Если он сейчас ничего не сделает, я сама накинусь на него, словно малолетняя фанатка на кумира.

— Сними кофточку, Эмилия, — таким же тоном продолжил он.

Мне потребовалось меньше десяти секунд, чтобы подхватить пальцами край пуловера и стянуть его через голову.

— А теперь джинсы.

Ботинки один за другим небрежно ложатся возле кресла. Расстегнув пуговицу и молнию, я начала стягивать джинсы, которые отправились к пуловеру на соседнее кресло.

Легкая прохлада слегка касается моего полуобнаженного тела, что пылает внутри.

— Скинь эти чертовы трусики и бюстгальтер.

Сейчас мое тело полностью открыто для его зеленых глаз. Он по-хозяйски блуждает ими, задерживаясь на груди.

Джонатан встает из кресла, не спеша обходит стол, и становится между моих ног, которые он раздвинул коленкой. Приподняв мой подбородок, Джон пронзительно посмотрел в глаза.

— Встань на колени спиной ко мне.

Я выполнила просьбу, хотя она звучала больше как приказ.

— Поставь руки на спинку кресла, — низким тембром сказал он.

Джонатан убрал мои волосы со спины и слегка надавил между лопаток, чтобы я прогнулась. Дыхание стало еще тяжелее и, кажется, что оно звучит по всему пространству кабинета.

Теплые пальцы прошли вниз по позвонку, слегка сминая ягодицу. От неожиданных касаний в самом центре возбуждения, с моих губ слетел тихий стон.

Слышу, как Джонатан расстегивает ремень и молнию. От предвкушения я прикусываю губу, а пальцы впиваются в мягкую кожу кресла.

— Сейчас я не буду нежен с тобой, Эмилия. Этот секс навсегда запомнит твое тело.

Джонатан грубо берет меня за волосы, заставляя еще больше прогнуться в спине, и резко входит в меня. Я становлюсь более влажной для него, а он увеличивает темп толчков, которые звонко разносятся по кабинету.

Наша близость не похожа на то, что было ранее. Джонатан наполняет меня до приятных болезненных спазмов внизу живота. Но я хочу еще грубее и сильнее.

Его пальцы на одной руке сильно сжимают кожу на бедре, а другой рукой он крепче

тянет волосы на себя. С каждым хлопком по ягодицам Джонатан входит в меня до предела, подталкивая к головокружительному удовольствию.

— Ты так плотно сжимаешь меня, — с хрипотцой произнес мне на ухо, и это последнее, что я услышала перед тем, как выкрикнуть его имя.

Глава 35

*«Правда редко бывает чистой
и никогда не бывает простой»*

©Оскар Уайльд

ДЖОНАТАН

Эти несколько дней мы провели только вдвоем, наслаждаясь друг другом, чувствуя друг друга. Только я и она. Только наша любовь. И безумный секс. Мне кажется, я никого так безумно не желал, как ее. Эмилия вызывает во мне ураган, настоящее торнадо, из эмоций, чувств, желаний. Я не могу насытиться ей. Мне постоянно мало Эмилии в моей голове, сердце, постели. Она дарит мне тепло, спокойствие и порхание дурацких бабочек в животе.

Сейчас, когда во всю идет совещание, я думаю о ней. О ее идеальном для меня теле с аппетитными изгибами, о шелковистых волосах, о пронизывающих карих глазах.

Я даже забыл о пропавших деньгах и о том, что мои родители так и не вышли на связь. Последнее я решу сегодня. Дели сказала, что они прилетают в обед.

Я постоянно смотрю на часы на своем запястье и подгоняю выступающих. Хочу быстрее закончить со всеми делами и отправиться в апартаменты в Бруклин, где ждет Эмилия. Завтра у нее важный день. Одна из последних лекций, на которой будет присутствовать весь попечительский совет. Мне хочется ее поддержать, подбодрить. Возможно, помочь, если это будет в моих силах.

Утром я несколько раз оборачивался по пути к лифту, чтобы запомнить эту идеальную картинку. Эмилия сидит за обеденным столом в моей рубашке, под которой только трусики. Вокруг нее лэптоп, блокнот, куча бумаг, которые она распечатала в моем кабинете, и чашка кофе. Волосы небрежно заколоты на макушке, а несколько локонов выбились из импровизированной прически. Это чертовски эротично.

Боже, у меня встает на любое воспоминание о ней.

Пока я борюсь с мыслями и эрекцией, докладывать о проделанной работе вышел главный специалист по финансам. Никогда бы не подумал, что моя работа начнет меня так напрягать.

— Фил, — я тихо позвал единственного, кто меня не раздражает.

Филипп повернулся ко мне, но одним глазом следит за выступающей.

— Босс, лэптоп у вас в кабинете, — шепотом сказал он. — С него хотели убрать всю информацию, но кое-что осталось, — Фил улыбнулся. — Все же вас это не обрадует, — уже более серьезно продолжил он.

Я почесал подбородок. Теперь мне еще больше здесь не хочется сидеть. Мне нужны ответы.

— Вы можете быть свободны, — серьезно сказал я.

Несколько десятков глаз недоверчиво посмотрели на меня. В зале повисло гробовое молчание, даже дыхание не слышно в пространстве.

— Сегодня, у меня еще много дел. Жду ваши доклады в письменном виде, — я

попытался я как-то исправить ситуацию.

Я поднялся из кресла во главе длинного глянцевого стола, собрал свои папки, ручку и зашагал из конференц-зала под настороженные лица моих сотрудников. Филипп последовал за мной. Интересно, о чем они думают сейчас? Я свихнулся? Или компания тонет?

— Так, что ты узнал? — спросил я, как только мы зашли в мой кабинет. Фил сел напротив, а я остался стоять, опершись пятой точкой о свой стол.

— Вы были правы: с этого ноутбука перевели деньги. Все, конечно, пытались скрыть. Даже запустили вирус, который сожрал реестр, но некоторые файлы мне удалось восстановить.

Филипп достал из папки несколько листков и потянул мне. Мое сердце забилося быстрее, предчувствуя распечатанную информацию. Мой взгляд сразу упал на электронную подпись.

Я не ошибся.

Она принадлежит моему отцу.

Зачем ему понадобились деньги? Зачем он провернул это у меня за спиной? Почему именно деньги компании, а не его личный счет?

— Что-то еще? Удалось узнать кто получатель?

Я несколько раз пробежался взглядом по листику. На нем были указаны номера счетов, с которого списали средства, и на который зачислили.

— Получатель скрыт. Мне не удалось пробить даже по своим каналам. Кто-то очень не хотел, чтобы мы о нем узнали.

— Надо полностью очистить ноутбук. Так, чтобы на нем ничего не было. Даже малейших упоминаний об этом. Ты сможешь это сделать?

— Уже сделал, мистер Вуд. Если все-таки понадобятся сведения, они здесь, — Фил кинул мне флешку, а я ее подхватил в воздухе. — Ноутбук чист. Копий больше нет.

— А что насчет системы компании? — Я потер переносицу, обдумывая дальнейшие действия.

— Я все почистил. Никаких упоминаний о переводе денег вашим отцом. С вашего личного счета средства были зачислены на счет компании еще рано утром. Финансовой дыры нет. ФБР ничего не найдет. Для них мы приготовили документы о техническом сбое, устаревших базах. Ну, и вы заявите, что неполадки устранили, а после тщательной внутренней проверки деньги были найдены.

— Думаешь, они поверят нам? — с сарказмом поинтересовался я.

— ФБР не доверяет никому. Они сделают вид, что поверили, но будут копать. Глубоко и внимательно разбирать компанию по камешкам. В итоге ничего не найдут. Поверьте, я постарался, — Филипп победно улыбнулся. — Старые счета сведены, мистер Вуд. Теперь дело за вами. Немного харизмы и актерского мастерства.

— Спасибо, — сказал я, а Фил улыбнулся в ответ. — Все как договорились.

Филипп получит основную мою благодарность на свой банковский счет. Он проделал огромную работу за месяц: обновил систему безопасности компании. И самое главное — удалил все файлы, которые свидетельствовали о переводе денег и создал новые, которые помогут инсценировать сбой в работе. Этот небольшой спектакль мы придумали совсем недавно. Да, ФБР далеко не глупы, они найдут за что схватиться, но в любом случае мы сейчас более в выгодном положении.

— Удачи, босс, — кинул он напоследок и закрыл за собой дверь.

Удача сейчас мне не помешает. Нужно решить семейные дела. А потом... Потом я отправлюсь к ней, чтобы почувствовать тепло и уют рядом с Эмилией.

Подхватив лэптоп с заднего сиденья, я уверенно прошел ко входной двери, которая сразу же распахнулась перед моим лицом. От неожиданности я даже задержал дыхание. На пороге была Дели. Ее лицо не светилось радостью, не было доброй улыбки, а наоборот оно было поникшим, как и потухший взгляд.

— Аделаида, что с тобой? — встревоженно спросил я.

Ее вид меня пугает. На ней лица нет. Мое сердце забилося сильнее, отдавая глухими ударами по всему телу.

— Где родители?

Дели молча кивнула на второй этаж. Я взлетел по лестнице, перепрыгивая по две ступени. Прошел по длинному коридору и оказался рядом с приоткрытой дверью в комнату родителей. Оттуда доносился разговор, и я с облегчением вздохнул, узнавая голоса отца и матери. Толкнув дверь, перед моими глазами открылась раздирающая душу картина. Я сразу же кинулся к кровати, на которой лежал бледный отец. Он выглядел совсем иначе, чем мы виделись в последний раз.

— Может, вы объясните мне, что происходит? — я окинул их обвиняющим взглядом. — Что с отцом? — спросил маму, которая стирала слезы с впалых скул.

— Джонатан, — тихим голосом обратился ко мне отец. Его ладонь легла на мою руку, и он легонько ее сжал.

— Папа, объясни, что с тобой, что происходит? Где вы были?

— Сынок, прости, что так долго все держали в тайне, и ты застал меня в таком состоянии, — прохрипел он. — Прости, Джонни.

— Джон, твой отец серьезно болен, — послышался за спиной дрожащий голос мамы. — Мы не были у Куперов. Мы летали на лечение, которое не принесло положительного результата, — на последних словах ее голос почти пропал.

— Вивьен, называй все своими словами. К сожалению, мне осталось жить не так много, как хотелось бы.

— Что? Как долго вы скрывали это от меня? — обвиняющим тоном спросил их. Я не верю в происходящее.

— Не сердись, сынок. Мы узнали о болезни несколько месяцев назад. Лечение в Нью-Йорке не принесло результата, поэтому мы летали в Чикаго. Там хороший специалист, но результаты обследования после лечения не утешительные, — еле слышно пояснил отец.

Сейчас я чувствую себя беспомощным. Ноги становятся ватными, а в голове сильно гудит. Мне становится тяжело дышать, грудную клетку сдавило с двух сторон, будто тисками.

— Почему вы сразу об этом не сказали? Молчали! Я бы нашел доктора, который смог бы помочь. Да, еще не поздно.

— Джонатан, сядь! — отец повысил голос, но закашлялся. К нему сразу подбежала мама и помогла сесть поудобнее.

— Маршалл, дорогой, главное — не нервничай, — попросила она его.

— Сынок, у нас мало времени. Я хотел бы провести его с тобой. Нам нужно многое обсудить. А лежать в больнице последние дни, или, может быть, часы я не хочу. Вижу, ты узнал, что деньги компании я перевел на неизвестный счет, — он указал пальцем на лэптоп

у меня под мышкой. — Ты хочешь узнать, почему я так поступил?

Я почти два месяца гонялся за правдой. Подозревал все свое окружение. Буквально стал параноиком. А это сделал мой отец, который так просто в этом признался. Я готов ему сейчас простить все. Но я должен знать причину его поступка.

— Зачем тебе четырнадцать миллионов? — я озвучил терзающий меня вопрос.

— Присядь, — отец похлопал по матрасу возле себя.

Я скинул пальто, положил на столик лэптоп и сел на край кровати.

— Это тянется еще с тех времен, когда был живой Майкл, твой дядя. Живой для всех.

На последних словах я удивленно поднял одну бровь.

— У всех семей, особенно таких, как мы, есть тайны, Джонатан. Твой дед был замечательным бизнесменом, дальновидным предпринимателем, при котором компания заняла одно из ведущих мест на побережье. Но он был часто не справедлив к своим детям, ко мне и Майклу. Ты знаешь, что президентское кресло принадлежало моему старшему брату, а я должен был занять место вице-президента, контролируя всю юридическую часть компании?

Я всегда об этом знал, это никогда не было ни для кого секретом. Пока дед был живой, дядя был вице-президентом, а отец брал на себя контроль бумаг компании.

— Майкла не было на том самолете, Джонатан. Он живой и здоровый. Ну, как здоровой? Не такой, как был раньше, но еще протянет пару десятков лет.

— Отец, что за бред ты несешь? — я скривился. Сейчас я сомневаюсь в его здравом рассудке. — Ты же сам говорил, что не веришь расследованию.

— И все еще не верю! Так как знаю правду! И они не смогли дать точный ответ, почему погиб борт!

— Мама, дай ему воды, — я указал на стакан, который сразу передал отцу.

Папа откашлялся и привел дыхание в порядок.

— Борт пропал над Атлантикой. Были найдены только части фюзеляжа самолета. Тела так и не были найдены. Да упокоятся они с миром. Это было отличным моментом, чтобы помочь Майклу инсценировать смерть. Его не было там, он не сел на самолет компании. На кануне он здорово поссорился с отцом. У них были разногласия по поводу управления компании и развития ее направлений.

— У него была беременная жена! — Я вспомнил о Мелиссе, которая родилась после смерти дяди.

— Ты не дослушал, Джон! Я не буду судить Майкла, копаться в его голове и душе, или искать ему оправданий. Он обратился ко мне за помощью, я ему помог. Надо было действовать быстро. Майкл мой брат, если нужно поступить для него еще раз так, я, не задумываясь, это сделаю. Твой дядя попросил о невозможном — исчезнуть из жизни. Мне было трудно это организовать, но я смог. Новый паспорт, новое имя, билет в один конец на Азорские острова, банковский счет, небольшое жилье. Сейчас Майкл Вуд успешно занимается виноградниками.

Мне нужно что-то крепкое. Я подошел к камину, на котором стояла бутылка бренди и стакан с губной помадой мамы. Плеснул в него темно-коричневую жидкость, сразу же отпивая половину.

— И что было дальше?

— Дальше последовало расследование, на которое твой дед не скупился. Нам было тяжело все скрывать. Майкл умер для всех, но не для меня. Не выдержав одиночества в этой

тайне, я поделился ей с твоей матерью. Но за несколько месяцев до того, как я узнал о болезни, случилось непоправимое. О том, что Майкл жив узнала Лили.

— Лили? — По моему телу пронесся холод, и я почувствовал, как немеют конечности.

— Я не знаю, как она узнала об этом. Она искусно шантажировала этим.

— Так ты ей перевел деньги? — Я пристально посмотрел отцу в глаза.

— Я не знаю кому принадлежит этот счет. Но одним из условий Лили было то, что деньги должны быть переведены именно из компании. Я долго пытался найти этому объяснение. И, похоже, нашел этот простой ответ. Наши с тобой счета защищены. Мы не можем переводить деньги на те счета, которые засекречены или с неуказанными данными получателя. Все так просто. Чертовка Лили все просчитала!

— Ты думаешь за ней никто не стоит? И Лили действовала сама?

— Последнее время я стал подозревать Говарда Фелча. Но это не обоснованно. Он встречался с Лили, но только для..., — отец запнулся и замолчал.

Я прикрыл веки, растирая двумя пальцами переносицу. Мне кажется, что большим дураком, чем сейчас, я никогда не был.

Лили — женщина, которую я любил и повел под венец. Которой я готов был подарить все, что она желала. Отдать себя. Лили...

— Почему ты сразу об этом не сказал?

Многое в моей голове наконец-то приобрело смысл. Выстроилось, будто на шахматной доске. Только пока еще неизвестно чей будет последний ход.

— Поэтому вы хотели, чтобы мы помирились?

— Мы думали, что это ее сдержит, — жалобно протянула мама. — Мы виноваты перед тобой, дорогой. Втянули тебя, без твоего согласия.

Несколько раз я действительно хотел ее придушить, и похоже, что это скоро случится. Я просто возьму ее за горло, медленно сдавливая пальцы. Загляну в голубые лживые глаза и не дам вырваться. Меня одолевает сомнение, что Лили действовала одна. Джеймс с ней за одно?

Мой телефон разрывался в кармане брюк, но я полностью игнорировал все звонки и сообщения. На улице давно стемнело. Я почти допил проклятый бурбон прямо из бутылки, сидя в сумраке в своей спальне. Сейчас я понимаю своего дядю. Я сам хотел сбежать, оставить все как есть и скрыться где-нибудь в Атлантике. Возможно, когда-то я так и поступлю.

Глава 36

*«Звук разбитого сердца —
это самая громкая тишина на свете»*

©Кэрролл Брайант

ЭМИЛИЯ

Мой взгляд постоянно падал на пустой стул. Стул, на котором должен был сидеть Джонатан. Я несколько раз серьезно запнулась, а к концу лекции и вовсе листики со вспомогательной информацией разлетелись в разные стороны.

Я не спала всю ночь. Ждала его. На телефонные звонки Джонатан не отвечал, как и на сообщения. Эту долгую ночь я ходила с одного конца спальни в другой, реагируя на каждый шорох. Вдруг это он? Но его не было ни поздней ночью, ни ранним утром. В моей голове во

всю крутились картинки от смертельного происшествия до воссоединения с Лили. Джонатан пропал, а мое сердце сжалось в ком, который не бился.

Лекция прошла, словно в самом страшном бреду. Я пыталась сосредоточиться, взять себя в руки. Но каждый раз мои мысли занимал он. Мне хотелось разрыдаться посередине огромной аудитории, обнять себя руками и закричать от боли.

Я не знала с чего начать поиски Джонатана. И хочет ли он, чтобы я его нашла?

У меня нет номера Спенсера или Алана. Я даже думала поехать на Парк-авеню, не боялась застать их вместе.

Ноги сами несли меня в университетскую квартиру, и как только я хотела подняться по ступеням ко входу, зазвонил телефон. В надежде, что это Джонатан, я бросила сумки прямо на снег. Но, к моему разочарованию, это была декан. По ее голосу я поняла, что-то случилось. Она потребовала вернуться в кампус в самое ближайшее время и зайти к ней в кабинет.

В приемной девушка вежливо улыбнулась и кивнула в сторону двери. Я оставила ей верхнюю одежду и вошла в просторный кабинет декана.

На пороге я сразу же замерла на месте. В кресле сидела очень напряженная декан Уорен, а возле окна, скрестив руки на груди, стояла Лили. Я узнала ее сразу, это не составило труда. Миссис Вуд выглядит шикарно в деловом костюме и безоговорочно уверенно.

— Декан Уорен, — обратилась я к женщине, пытаюсь унять сердцебиение. — Что-то случилось?

— Присаживайтесь, Эмилия, — декан указала напротив на кресло.

За несколько месяцев я много раз общалась и виделась с миссис Уорен, но таким тоном она разговаривает со мной впервые.

Я сделала несколько шагов под взглядом светлых голубых глаз, что, не скрывая, рассматривали меня со всех сторон. Сев в кресло, я расправила сильнее плечи, стараясь держаться более уверенно.

— Хочу начать с того, что я крайне недовольна твоей лекцией. Это не высший уровень, дорогая. Если попечительский совет многое упустил из виду, то для меня ты эту лекцию провалила, — незнакомым мне тоном заявила она, а я услышала смехок сбоку. — Также я пообщалась с миссис Вуд и крайне оскорблена твоим поведением. Есть профессиональный этикет. Или ты думала, что сможешь добиться всего через постель?

Чувствую, как каждое ее слово, больно режет под ребрами. Я не могу контролировать мои вспыхнувшие огнем щеки от стыда.

— Мы продолжим позже. Миссис Вуд хотела с тобой пообщаться наедине.

— Спасибо, Кларисса, — ангельски пропела Лили.

Декан послушно скрылась за дверью, а Лили вальяжно уселась в ее кресло, закидывая ноги на край стола. Наши глаза встретились, которые люто ненавидят друг друга.

— Ты думала, я не найду тебя? — спросила она, поправляя белые блестящие локоны.

— Я не пыталась прятаться, — твердо ответила я.

Мой голос не дрожал, хотя внутри все было натянуто от переизбытка эмоций.

— Сначала буду говорить я, — резко заявила Лили и села ровно. — А ты будешь слушать меня внимательно, Эмилия, — мое имя она произнесла с особым отвращением.

Меня разрывает внутри. Я хочу встать и хорошенько врезать по ее идеальному лицу с, наверняка, дорогущим макияжем.

— Я дам тебе шанс поступить правильно, — наигранно нежным голосом произнесла она. — Ты должна уехать из Нью-Йорка.

— Я не могу это сделать, у меня стажировка еще две недели, — грубо ответила я.

— Декан мне об этом сказала. Но тебе повезло: ты можешь закончить ее прямо сейчас. Конечно, если тебе дорога твоя работа. Твой муж. Алекс. Твоя дочь. Ева.

Сердце громко застучало, а по телу пронеслась дрожь.

— Ты так не переживай, успокойся, — довольно проговорила Лили, явно наслаждаясь моим состоянием. — Красавчик Алекс еще ничего не знает о твоей интрижке с моим мужем. Но может узнать. Это зависит от тебя. Тебе нужно покинуть Нью-Йорк первым же рейсом, — она кинула билет на стол. — У тебя есть семь часов, чтобы собрать свое дешевое тряпье и скрыться в закате. Декан пошла на встречу, тебе выдадут все документы после нашего разговора. Ты сохранишь работу, семью. В противном случае, Алекс узнает все и даже больше. В твоей дыре узнают все о тебе, Эмилия. Интересно, твой муж оставит дочь себе? — с сарказмом спросила Лили.

За ангельским лицом прячется настоящий демон. Да, в этой ситуации я виновата сама. Безоговорочно и необратимо. В душе закололи тысячи иголок, а во рту пересохло. Моя никчемная жизнь в длинных пальцах Лили, которые она готова сжать в любую секунду.

— Не могу понять, что он в тебе нашел? — после недолгой паузы продолжила она. — Ни шарма, ни лоска, ни денег. Странные предпочтения у моего мужа.

Я посмотрела на нее в упор. Торнадо бушует внутри, сметая остатки самообладания.

— Тогда, почему имея это, он был со мной все это время?

— Осторожнее со словами, Эмилия, — ее тон стал жестче. — Ты думаешь, что первая с кем имел связь Джонатан? Квартира в Бруклине, романтические свидания, браслет от Картье, рассказ о неверной жене... Да, у нас сложные отношения, которые тебя не касаются. Но, поверь, он всегда возвращается ко мне.

Ее слова кинжалами вонзились в сердце и безжалостно его распотрошили. Этого не может быть. Джонатан не мог меня так искусно обманывать.

— Я не верю, — тихо прошептала я.

Сейчас я выгляжу жалко прямо на глазах у Лили. Чувствую, как мое тело обмякло, а внутри зияет огромная дыра разочарования.

— А ты думала, что одна единственная у него? — Лили засмеялась. — Мне даже тебя жаль, дорогая. Твои мечты о принце Джонатане Вуде разбились миллионами осколков, — последние слова она буквально распевает. — Я бы поболтала еще и даже предложила платок из последней коллекции Vitton, но у меня много дел сегодня. Твой рейс через семь часов. Мне доложат, села ты или нет. Сделай правильный выбор.

Ее каблук поцокали по паркету кабинета в то время, как я смотрела в одну точку. Дверь громко хлопнула за спиной. Я закрыла глаза. Джонатан не мог так поступить со мной. Я не верю.

Или мог?

Из последних сил я вышла в приемную, где сидела секретарь декана. От моего вида, она замерла на месте, перестав печатать на компьютере.

— Могу, я предложить воды? — осторожно спросила она.

Я отрицательно махнула головой. С меня достаточно!

Как только я хотела выйти, собрав в охапку пальто, девушка обратилась ко мне еще раз:

— Декан просила отдать. — Она вручила мне желтый конверт, как я полагаю с

документами.

Я зашагала прочь, даже не оборачиваясь назад, и не глядя по сторонам.

— Эмилия, почему ты пришла без пальто? — с ужасом спросила Лена, забирая из рук верхнюю одежду. Она начала встревоженно растирать мои плечи.

Я не чувствую холод. Я ничего не чувствую, кроме огромной пустоты, которая поглощает меня все больше и больше.

— Что случилось? На тебе лица нет!

Я хотела что-то сказать, но вместо слов с моих легких вылетел вой. Щеки сразу же стали мокрые от горьких слез и понимания насколько я была дурой. Джонатан разбил мне не только сердце, он искромсал все живое во мне.

— Я уезжаю, — немного успокоившись, сказала я.

— У нас стажировка еще две недели. Ты не можешь просто взять и уехать. И как же Джонатан?

От его имени я сжалась в комок, словно меня били одновременно по всему телу.

Ради него я рисковала всем: Алекс, Ева, работа. Для него мое сердце билось сильнее, а кровь текла быстрее. Он тот, с кем я разлеталась на тысячи частиц и возрождалась обратно, выкрикивая его имя.

Я достала билет из конверта, кинула его на журнальный столик. Лена сразу же схватила небольшой листок, внимательно всматриваясь в информацию на нем.

— Рейс через шесть часов, Эмилия, — бесцветным тоном произнесла она.

Всегда жизнерадостные глаза подружки померкли. Она смотрела на меня с глубоким сожалением.

— Что случилось, Эмми?

Между бесконтрольным плачем, я рассказала все, что произошло часом ранее и о том, что Джонатан не выходит на связь уже сутки. По щекам, усыпанным небольшими веснушками, спускались слезы. Лена внимательно слушала и гладила меня по волосам.

— Возможно, Лили тебя обманула, — предположила подруга.

— Лили его законная жена, а я всего лишь интрижка на рабочем месте. Я не должна была терять рассудок, но я влюбилась. Понимаешь? Я *просто* люблю его.

— Ты сделаешь так, как сказала Лили? Улетишь домой?

— У меня нет выхода, Лен, — я наконец-то собралась с мыслями, — документы у меня. Стажировка официально закончилась, грант больше не покрывает мое проживание тут. Самое главное — Алекс не должен узнать все таким образом. Несколько недель я обдумывала, как могу остаться рядом с Джонатаном, то теперь у меня нет никаких сомнений. Все его слова — огромная игра, в которую он, похоже, играет не впервые.

— Этого не может быть, дорогая, — Лена положила голову мне на плечо. — Я видела, как он смотрит на тебя. Такое невозможно сыграть.

— Сейчас, это уже не имеет значение. Мне пора подумать о себе и о своей дочери. Я не дам Лили доломать мою жизнь.

Я вскочила с дивана и начала быстро собирать вещи. Раскрытые чемоданы с рекордной скоростью наполнялись одеждой, личными вещами, косметикой...

За короткое время они были собраны и стояли возле входной двери. Я проверила все документы, банковские карты, достоверность билета. Все было готово к отлету. Но, я не могу это сделать, не сказав ему все в лицо, что бушует во мне.

Лена налила два бокала вина, один передавая мне.

— За наше знакомство, Эмми, — она подняла свой в воздух. — За Нью-Йорк.

— За мое разбитое сердце, — буркнула я перед тем, как отпить.

— Я сейчас быстро оденусь и провожу на рейс.

— У меня есть еще дело, — остановила ее я. — Будем прощаться здесь.

Я немного постояла в своей спальне у окна, будто замороженная, всматриваясь в то место, где всегда парковался Джонатан. Это дерево, которое сейчас без желтой листвы, где он ждал меня после парада... Я развернулась назад. Перед моими глазами сразу вспыхнули воспоминания о первом сексе с ним на этой кровати. Я помню все! От малейших касаний, до страстных поцелуев и признания в любви.

Чувства жгут внутри. В одно движение, я срываю браслет и кидаю его в сторону. Боковым зрением улавливаю блеск буквы «W», пока он не приземляется где-то на полу под глухой удар моего сердца. Больше никакого Джонатана Вуда, ни каких мечтаний о выдуманном счастье.

— Сейчас принесу твой шарф, — сказала Лена, скрываясь за дверью моей комнаты и почти сразу же возвращаясь от туда.

Она заботливо накинула его мне на шею и улыбнулась. Мы вышли на порог кондоминиума, где уже ожидает такси.

— Надеюсь, мы еще встретимся, Эмилия.

Мы крепко обнялись.

— Обязательно увидимся, — я поцеловала ее в щеку на прощание.

Наблюдаю из салона автомобиля, как мы все дальше отъезжаем от Лены и квартиры. Несколько месяцев назад, мне казалось, что впереди уйма времени. Мы сможем не только пройти стажировку, но насладиться жизнью Манхэттена. Сейчас отдаляющийся силуэт подруги, словно мираж в моих глазах.

А было ли это все реально?

За окном проносятся здания, еще украшенные к прошедшим праздникам, витрины многочисленных магазинов, большое количество людей, вернувшихся с семейных посиделок. Жизнь вокруг продолжается, не обращая внимание на мою, сокрушенную лживой любовью Джонатана Вуда.

Глава 37

«Разлука научит тебя любить по-настоящему»

© Антуан де Сент-Экзюпери

ЭМИЛИЯ

Мне приходится идти через фойе, так как у меня нет пропуска или карты на частную парковку, откуда мы поднимались в апартаменты Джонатана. Я знаю, что есть еще один вход. Пробираюсь мимо оживленного холла к отдаленному охраняемому лифту. Мужчина в темном костюме сразу пропустил меня, не сказав ни слова.

Сердце бешено колотится в груди, и, кажется, вот-вот потеряю сознание. Сделать это оказалось труднее, чем я себе обещала. Красные цифры быстро меняются с каждым этажом, приближая меня к апартаментам Джонатана.

Мысли съедают, а воспоминания открывают новые кровоточащие раны в душе. Я бы

многое отдала, чтобы никогда не чувствовать это. Любовь к Джонатану убивает меня изнутри.

Двери тихо разъезжаются и передо мной открывается просторный светлый холл. В апартаментах тишина, только эхом разносятся мои шаги по мраморному полу. Возможно, Лили тоже здесь. Это облегчит мне задачу. Я хочу заглянуть в лживые зеленые глаза.

Каждый шаг сопровождается болезненным ударом сердца. Не могу поверить, что все закончится так. Просто разрушилось, будто по жизни пронесли несколько торнадо. Они оставили только разбитые в щепки мечты и разлетевшиеся по ветру надежды.

Осматриваюсь по сторонам: тут все пропитано Джонатаном. Каждая вещь напоминает его. Я была здесь несколько раз, но это сложно не заметить. А запах? Запах, который вскружил мне голову. Я готова упасть прямо сейчас на диван, обнять подушку и наслаждаться ароматом словно кошка, учуявшая валерьянку.

Меня останавливает застывший возле окна силуэт. Джонатан стоит спиной ко мне, полностью сосредоточенный на виде из окна. За стеклом стянулись серые тучи, предвещающая непогоду. На нем нет пиджака, а рукава рубашки закатаны до локтя.

Джонатан оборачивается, заставляя меня замереть на месте. В его глазах застыла боль. А по внешнему виду можно предположить, что он долго не спал. На полу валяется пустая бутылка, которая сразу же бросается в глаза.

Он не идет мне на встречу, не раскрывает руки для объятия, не прижимает нежно к себе. Джонатан холодно осматривает меня, так и не проронив ни слова.

— Я должна вернуться домой, — начала я. Но, это не те слова, с которых я хотела начать.

Он промолчал, демонстративно отвернувшись к окну. Тысячи иголок одновременно встряли мне в сердце, заставляя его невыносимо застонать.

— Мой самолет через несколько часов, — сдерживая слезы, сказала я.

Не смотря на всю боль и обиду, я готова сама кинуться ему на шею. Я бы отдала все за один поцелуй, который заберет всю боль и снова наполнит меня жизнью.

— Дома тебя ждут, — не глядя мне в глаза, просто ответил Джонатан.

— Я хочу лишь знать: почему? Почему ты так холоден сейчас? — сглотнув комок в горле, спросила я.

Я поднималась сюда с точным намерением добиться от него объяснений, но вместо этого готова умолять остановить меня.

— Ты возвращаешься к Алексу и дочери. Я не могу тебя остановить, Эмилия.

Не могу поверить, что я это слышу от него. От равнодушия Джонатана у меня перехватило дыхание.

Он полностью развернулся ко мне лицом, высокомерно приподняв подбородок. Его скулы напряжены, а взгляд пронзает абсолютным холодом.

— Я не могу трезво мыслить рядом с тобой. Ты опьяняешь мою голову, душу, сердце. Отправляешь меня, Эмилия. Я выпил ее всю, — он указал на бутылку, — но алкоголь не действует на меня так, как ты. Будет лучше, если ты вернешься к семье.

— Джонатан...

— Эмилия, нет, — он категорично остановил меня. — Перед тем, как обвинить меня в чем-то, разберись в себе. Можешь ли ты сама принимать решения? Чего хочешь ты?

Мне хочется заорать, что я хочу остаться с тобой. Здесь. Прямо сейчас. Но, у меня нет выбора. Меня снова его лишили. Я не могу позволить Лили играть с моей жизнью.

— Я пустил все на самотек. И действительно готов был пожертвовать многим. Вплоть до того, чтобы пойти против родителей. Моя жизнь устроена другим образом, Эмилия, и каждый мой шаг несет ответственность. Каждый день стоит миллионы. Ты не можешь определиться с желаниями, а я не могу больше растворяться в тебе. В пустую, — на выдохе добавил он.

Джонатан отвернулся к окну. За стеклом медленно начал спускаться снег. Над городом повисла дымка и здания вдали смазались мутными очертаниями. Джонатан ждет, когда я уйду. Ему не требуется это говорить. Я чувствую каждой клеточкой тела его желание поскорее закончить разговор.

Наши жизни пересеклись случайно. Джонатан забрался мне голову. Проник в каждый уголок тела. Оставил нестираемый отпечаток в душе. Я была счастлива просто находится рядом с ним.

Осталось много вопросов, но я больше не хочу слышать ответы. Слишком больно находится рядом и не иметь возможности касаться его. Я разбита обледенелостью Джонатана.

Делаю несколько шагов к нему, но останавливаюсь. Мы слишком далеко зашли. Я слишком близко подпустила его. По словам Лили, я далеко не первая и не последняя женщина в его жизни, которой он красиво рассказывал о любви. Сомнения терзают мое сердце, однако я больше не дам чувствам властвовать над собой. Джонатан станет для меня уроком и ... Болезненно сглотнув, я запнулась в мыслях. И огромной ошибкой.

Захожу в лифт, опершись спиной о прохладный металл. Мой взгляд самовольно следит за неподвижным силуэтом, который видно в отражении стеклянной стены. Джонатан разворачивается лицом перед, тем как двери лифта закрываются. Мой взгляд застигает пелена из слез, которые стекают по щекам.

Больше я не увижу зеленые глаза под веером черных ресниц, что пристального изучали меня на конференции. Больше не будет нежных касаний по накаленному до предела телу от его властных поцелуев. Больше не будет Джонатана Вуда в моей жизни. Он останется здесь, в Нью-Йорке, будто греза.

ДЖОНАТАН

Я должен был ее отпустить. Ради нее и себя. Эмилия должна сама принять решение. Определить, что имеет ценность для нее и чего она хочет.

Это лучше для меня. Я запутался. Запутался в себе, жизни, своих мыслях. Когда Эмилия рядом, весь мир перестает существовать. Я забываю обо всем и готов совершать безумные, необдуманные поступки.

Слишком много на меня свалилось. Сейчас моя семья должна стоять на первом месте. Отец. Он совсем плох. Ночью ему стало хуже. В больницу он отказался ехать, поэтому пришлось устроить больничную палату из спальни. Доктор и медсестра постоянно будут возле отца, как и мама.

Семейная тайна прибавила вопросов. Дядя Майкл жив, по словам отца, и благополучно живет где-то на берегу Атлантики.

Как узнала об этом Лили? Как она посмела шантажировать?

После того, как отец уснул. Мы с мамой долго разговаривали в кабинете. Она выглядела очень уставшей, но стойко держала себя в руках. Отчаяние в ее глазах больно ранило меня. Я чувствовал свою вину. Вину, что не мог помочь и последнее время был далек от них.

Мама рассказала о дяде Майкле то, что ей говорил отец. Они созванивались каждый

месяц на протяжении всего этого времени. В последнее время дядя не так тщательно скрывался, и это помогло Лили узнать о нем.

Как он мог спокойно жить, зная, что у него растет дочь? Зачем он пошел на такой безумный поступок?

Сейчас мне нужно иметь холодный рассудок, трезво мыслить, чтобы поймать эту тварь на горячем. Под сердцем Лили, может быть, мой ребенок, что пока спасает ее от моего гнева.

Эмилия...

Сердце больно сжимается в груди. Я должен отпустить. Ради нее самой. У нас была еще неделя, но что-то случилось раз она вылетает домой раньше срока. Это к лучшему. Ей не нужно участвовать в этом спектакле, финал которого обречен на провал.

Держу себя в руках, чтобы не сорваться и не бежать за ней. Умолять выслушать и простить за слова, которые далеки от чувств, что крепко проросли в моем сердце.

Развернувшись к окну, я несколько раз ударил кулаками в стекло. Я выгляжу жалко. Мои мысли снова парят где-то возле нее. Это невыносимая мука разрываться между семьей и Эмилией.

Схватив мятый пиджак со спинки кресла, я помчался к лифту. Мне нужно все исправить.

Скорость на спидометре выше позволенной в городской черте. Мне пришлось отнимать ключи у своей же охраны, которая не хотела пускать за руль в таком состоянии. Да, я немного помят и от меня несет перегаром. Я не гладко выбрит, а волосы давно не видели парикмахера. И в целом мой озадаченный вид желает быть лучше.

Я начну с Лили, как бы странно это ни звучало. Ей придется объясниться. А потом, я не дам Эмилиии попасть на самолет. Она останется со мной.

Под стук сердца выпрыгиваю из машины, хлопнув дверью. Воспользовавшись ключ-картой, захожу в свои апартаменты в Трайбека.

— Лили? — громко зову я, громко захлопывая за собой дверь.

В апартаментах тишина. Воздух наполнен ее любимыми духами, от которых меня тошнит.

— Лили? — еще громче кричу в тишину.

Мне нужно держать себя в руках, пока я не наломал дров. Я готов ее убить. Во мне хочет вспыхнуть гнев, но я не позволяю. Лили беременна и это единственное, что меня останавливает сейчас.

Проверив все комнаты на первом этаже, я взлетел по лестнице на второй этаж. Двери почти во все комнаты закрыты и только из-за одной доносятся деликатные звуки. Злость сильнее охватывает меня. Эта дрянь посмела привести кого-то в мои в апартаменты!

Врываюсь в спальню и замираю на месте от неожиданности. Лили натягивает на обнаженную грудь одеяло, ошарашенно глядя мне в глаза.

— Рано или поздно, Джон, это должно было проясниться, — разнесся по комнате знакомый мне ни один год голос...

Глава 38

«Даже самый плохой конец —

на самом деле только начало».

ДЖОНАТАН

Алан встал с кровати в рост, обернув простынь на бедрах. Он расправил плечи и холодно незнакомо посмотрел на меня.

— Как это понимать, Алл? — от растерянности я еле сформулировал вопрос.

Вообще мне хочется приукрасить ярким синяком его смазливое лицо, на котором расплылась ядовитая улыбка.

Я откинул пиджак, готовясь к самому непредвиденному повороту. Под моим гневным взглядом Лили придвигается ближе к изголовью кровати, сильнее укутываясь в белое одеяло.

— Мы будем драться? Как тогда, Джон, в старшей школе? — насмешливо спросил Алан. — Только знай, что я поддался. Но мне очень хотелось разбить высокомерное лицо Джонатана Вуда.

— Я жду объяснений, Алан. А потом решу, что делать с тобой дальше.

— Весь мир не крутится вокруг тебя, *мой друг*, — последние слова он буквально выплюнул.

Я не понимаю происходящего сейчас. И совсем не узнаю Алана. От этого становится не по себе.

— Что происходит? — требовательно спросил я, похоже, бывшего лучшего друга.

— Я трахаю твою жену, Джонатан. Уже давно.

Я машинально сжал кулаки. Этот ублюдок сейчас получит сполна.

В два шага преодолеваю расстояние между нами и замахваюсь. Мой кулак вскользь проходит по его щеке. В ответ Алан отталкивает меня в сторону туалетного столика, с которого с грохотом падает на светлый паркет содержимое.

— Я предупреждал, Джон! — решительно выкрикнул Алан.

— Вы оба... За моей спиной, — рявкнул я, тяжело дыша.

Во мне разрастается не только злость, но и обида. Алана я всегда считал одним из близких людей. Он был рядом не один год. Его поступок — это подлый удар в спину тупым ножом.

— Я не думал, что ты настолько примешь близко к сердцу, — насмешливо проговорил Алан, рассмеявшись.

— Джонатан, — начала Лили, стирая тыльной стороной руки слезы.

— Заткнись, — рявкнул на нее Алан. — Время раскрывать карты, — он победно хлопнул в ладоши.

Из моей груди вырывается тяжелое дыхание, а по телу разрастается озноб.

Алан натянул боксеры и кинул шелковый халат Лили.

— Мне пришлось долго ждать, пока я смогу насытиться мстостью.

Я посмотрел на него в упор, все еще не веря в происходящее. В памяти были тысячи моментов, связанных с Аланом.

— Мы дружим со старшей школы. По крайней мере, мне так казалось.

— Дружим? По-твоему, это было дружбой? — каждое слово он проговорил с отвращением.

— Я тебя не понимаю, Алан. Я ни разу не подвел тебя, и не отказал в помощи с самых первых дней нашего знакомства, — мои слова звучат, как оправдание. Но я, правда, не понимаю, чем заслужил происходящее сейчас.

— Конечно, не понимаешь! Ты привык, что являешься центром для окружающих. А сейчас, я спущу тебя с верхнего этажа небоскреба.

— Ты причастен к хищению в компании? — не выдержал я.

— Об этом поговорим позже. Это не столь значимо, Джонатан! Это всего лишь деньги!

Алан уселся в кресло, вальяжно закинув ногу на ногу. Из выдвижного ящика комода он достал пистолет и направил на меня.

Я замер. В ушах пульсирует, а от скачка адреналина быстро стучит сердце, кажется, что оно проломит ребра.

— Убери оружие, Алл, — ровным тоном попросил я, делая попытку успокоить бывшего друга.

— Стой на месте, Джон, — предостерег он, когда я двинулся немного в сторону. — Ты узнаешь правду, а после... После я пристрелю тебя в расплату за свою семью.

— Какое отношение я имею к твоей семье? — осторожно начал я, искренне не понимая к чему он клонит.

— Самое прямое, *мой друг*. Твой дед был не таким честным человеком, как ты думаешь. Как и Майкл Вуд, который живет в свое удовольствие где-то на берегу океана. Ты знаешь, мне даже жаль тебя.

— Майкл Вуд мертв, — твердо заявил я.

— Только не начинай этот спектакль, Джонатан! Оставь это для ФБР. Мы прекрасно знаем, что Майкл жив и здоровее твоего отца, — хихикнул он.

— Заткнись, Алл, — дернулся в его сторону я, а Алан взвел курок.

Я остановился, преодолевая себя, чтобы оставаться с холодной головой. Алан без сомнения нацелился в меня. В его глазах горит решительность и злость. Он кивнул на мое прежнее место, этим давая понять, чтобы я отошел.

— Оказывается, тебя можно дрессировать. Всего лишь нужен пистолет.

Лили встала сзади Алана, нежно положив руку на мускулистое плечо. В груди заныло от такого подлого предательства. Я мог смириться со многим, но это ...

— Возможно, правда тебя убьет быстрее, чем мой пистолет. Тебе ведь не рассказывали, что твой дядя пожертвовал бортом, чтобы спасти свою шкуру? Их ложь, Ричарда Вуда и его старшего сына, вышла за все границы. А все после одного случая. Моих родителей убили по заказу Ричарда Вуда.

— Что за бред, Алл? — скривился я.

— А ты думаешь, почему я, никому неизвестный мальчик, попал в привилегированную школу в Нью-Йорке? Там учатся такие, как ты, Джонатан, богатые ублюдки. Чувство вины съедало старика Ричарда, поэтому он открыл счет на мое имя и определил несчастного мальчишку в частную школу. Об этом я, конечно, узнал не сразу. Пришлось покопаться в документах директрисы.

— И ты решил отомстить мне за то, что мой дед помог тебе?

— Помог? Да, он убил моих родителей сначала, — зарычал Алан. — Я несколько лет провел в интернате. Это было отнюдь не счастливые годы.

— Все же, я жду доказательства.

— Ты не в том положении, Джонатан. Но по старой дружбе, я покажу тебе это, — Алан кинул мне в ноги затертую папку.

Не сводя с бывшего друга глаза, я аккуратно поднял папку с пола. Развязал веревки и принялся перелистывать документы. Хотя я стараюсь выглядеть спокойно и уверенно, но от

волнения не могу сконцентрироваться на напечатанном тексте на белых потрепанных временах листах.

— Не понимаю к чему ведут все эти счета, сметы...

— Позволь объясню. Твой дядя был замешан в сделке, которую сложно назвать законной. Точнее он позволял через свои счета переводить круглые суммы за незаконную торговлю предметами искусства. Ему выплачивали гонорары иногда шестизначными суммами.

— Зачем ему надо было вмешиваться в такое? У Майкла было достаточно денег.

— О мотивах Майкла мне неизвестно, Джонатан. Ричард Вуд покрывал старшего сына. Конечно, это приносило хороший доход семье вне компании, — он запнулся перед тем, как продолжить дальше. — Мои родители были оценщиками предметов старины и роскоши, квалифицированными специалистами. У них даже была своя небольшая компания. Твой дядя связался с ними и свел со своими компаньонами.

— Твои родители знали на что идут? — Я поднял на него взгляд.

— В том то и дело. Мама и папа не знали, что будут работать на черном рынке. Когда они поняли в чем дело, то им ясно дали понять: назад дороги нет.

— Откуда тебе известны подробности, Алл? — Я скрестил руки на груди. Возможно, пытаюсь этим унять покалывание по телу.

— У меня было долгих двадцать пять лет, чтобы разложить все по полочкам. Но ты не дослушал, — с сарказмом сказал он. — Прошло несколько лет, как мои родители работали на неизвестных работодателей. Пока по роковой случайности твой дядя не прислал чек со своей фамилией. Отец быстро вышел на него и хотел заставить его вытянуть их из этого бизнеса. Да, может, он перегнул, когда хотел пойти на шантаж. Причастность такой семьи, как Вуд, в скандале с незаконным оборотом денег и торговлей наделало бы много шума. Вряд-ли бы ты был так богат сегодня. Ричард Вуд, чтобы спасти достоинство и репутацию семьи пошел на крайность. По его заказу расправились с моими родителями, свидетелями темной стороны жизни семейства Вуд.

Я с трудом верю в услышанное. Мой дед всегда был для меня примером, моим наставником. Я вырос рядом с ним и дядей. Они учили меня быть достойным фамилии Вуд. И сейчас я узнаю грязную правду, которая выбивает почву из-под ног и обескураживает до умопомрачения. Я не верю.

— Года шли. Ты и твоя семья жила в богатстве и процветании, пока я пытался выжить с незнакомыми мне людьми. Меня дважды брали в семью, но после возвращали, как ненужную вещь, которая не подошла по размеру и фасону. Похоже, капли совести остались в Ричарде, и он нашел мне опекуна, а после оплачивал мою жизнь. Я рос и был полон благодарности анонимному спонсору. Но, у меня всегда были вопросы, и я начал искать ответы. До того момента, как ты меня заметил в школе прошло несколько лет. Ты и окружающие тебя снобы, только спустя три месяца заметили меня! Спустили свои высокомерные взоры на новенького.

— Я не дал над тобой издеваться...

— А я сделал все, чтобы привлечь твое внимание, Джонатан, — он сверкнул победным взглядом.

— Ты уже тогда готовил план мести? — с печальной улыбкой спросил я.

— Я знал только фамилию «Вуд». И точно знал, что ты имеешь отношение к чему-то большему. И не ошибся. Дружба с тобой открыла мне многие двери. Я смог найти больше

информации, больше ответов. Но и сильно нервировало. Они отняли у меня то, что было у тебя. Да, мы не были бы так богаты, но у меня была семья. Я не был бы мальчиком из приюта, а был к тому времени сыном преуспевающих специалистов своего дела. У меня были бы семейные праздники. Такие, на которые приглашал меня ты. Ты имел то, что отняли у меня — родительскую любовь и опеку.

— Мне очень жаль, что так произошло, Алл, — серьезно сказал я.

— Я не стану утешать тебя, — хихикнул он. — Со временем я вышел на Майкла, но я не думал, что он зайдет так далеко. Я поверил в трагическую случайность, как и все. Пока Лили случайно не подслушала разговор твоего отца и Майкла. Это просто подарок судьбы, Джонатан! — он поцеловал запястье Лили. — Я не знаю, как ты мог упустить такую женщину. — Алан оставил несколько поцелуев на ее руках, а меня начало тошнить от увиденного.

— Ты отец ребенка?

— Нет, никакого ребенка, Джон! Лили пришлось немного приукрасить действительность, иначе сенатор отправил бы ее подальше от меня, — Алан состроил печальную гримасу.

Я с трудом сглотнул. Меня обвели вокруг пальца. Я хотел ей помочь, а она манипулировала мной. Ложь Лили была везде.

— Теперь я буду иметь все, а ты отправишься к червям, в лучшем случае.

— Я не имею всего, Алан. Моя жизнь по большому счету не принадлежит мне.

— Сейчас она принадлежит мне, *мой друг*. Ты даже не представляешь какое это удовольствие быть выше тебя. Ты слушаешь меня, а не я тебя. Ты на второй роли, а не я. Твои деньги принадлежат мне. Этих миллионов будет достаточно, чтобы провести безбедно старость вместе с Лили.

— А как же Мэл? — Я пытаюсь тянуть время.

— Мэл была не против присоединиться к нам в постель, но она не входит в наши планы.

Алан встал, удерживая пистолет впереди себя.

— Думаешь, сможешь сбежать из страны после того, как прикончишь меня? — Я расправил шире плечи. Да, мне страшно, но я не дам этому подонку увидеть это.

— Тебя начнут искать не раньше дня похорон твоего отца. Все заняты им. В компании побоятся тревожить президента в такое печальное время. А Эмилия уже летит где-то над Атлантикой. Скажи спасибо, что я отпустил эту сучку, которая оттянула мой план на несколько месяцев. А сегодня ты пришел сам. От судьбы не уйдешь, Джонни, — Алан улыбнулся своей фирменной улыбкой.

Как я мог быть таким слепым? Алан превосходно играл роль моего лучшего друга, и я верил ему.

— Я с охраной, Алл.

— Блеф — не самая сильная твоя сторона.

Алан кивнул Лили. Она подошла к окну, осторожно выглянув на улицу.

— Ты один, Джонатан. И к тому же Джеймс сообщил бы нам, — она победно улыбнулась.

— И он с вами заодно?

— Джейм получает солидный гонорар от анонимного нанимателя. Наконец-то я смогу избавиться от тебя и от своего надоедливого папаши с постоянными нравоучениями. Джон то, Джон се... — по-детски сгримасничала она. — Я ненавижу тебя, Джонатан, — глядя в

глаза сказала Лили. Меня должно было это зацепить, но я почувствовал облегчение. Возможно, это то, что должен чувствовать человек в конце жизненного пути. Я улыбнулся ей в ответ.

— Взаимно, миссис Вуд, — ответил я, понимая, что терять мне нечего.

— Прикончи его, Алл, — взмахнула пальцами жена, пытаясь испепелить меня небесным взглядом.

Откуда в ней столько яда?

— Не так быстро, дорогая. Мне нужны извинения, — подняв подбородок, Алан сделал несколько шагов мне на встречу.

— Извинения? Я правильно тебя понимаю? — я засмеялся. Похоже, у Алана конкретно поехал рассудок.

— Сотри эту чертову ухмылку, Джон, пока я не размазал твои мозги по стенке!

— Мне нечего терять, Алан. Я под твоим прицелом. Если тебе будет легче, то стреляй, — я расправил руки в стороны, открывая свою грудь. — Если это заберет твою боль, то сделай это.

— Заткнись! — крикнул Алан и выстрелил...

Глава 39

«В этом мире все наперед прощено и, стало быть,

все цинично дозволено»

ДЖОНАТАН

Я успел зажмуриться перед тем, как Алан выстрелил и меня повалили на пол. Мое лицо встретилось с полом, а тело придавило сверху. От такого резкого удара я с трудом могу вздохнуть. В комнате происходит какая-то возня, раздаются крики и несколько выстрелов. Я все еще не могу понять, что происходит, пока не приоткрываю один глаз, чтобы выглянуть из-под охранника, который лежит на мне. Это я узнаю по марке наручных часов: их носит весь мужской персонал, который работает на меня.

— Мистер Вуд, вы в порядке? — меня также резко поднимают с пола, отряхивая со всех сторон, словно вещь.

Я огляделся. В комнате несколько незнакомых мне людей, одетых в полицейскую форму. Мое сердце замирает, когда я вижу кровавую извилистую струйку на полу и неподвижное тело Алана. Возле него сидит на коленях Лили и захлебывается слезами. Она беззвучно открывает рот, пытаясь закричать, однако от шока не может этого сделать. Мое тело, будто прошибает тысячи невидимых иголок, ноги становятся ватными.

Боже, что произошло? Я не верю, что все происходит наяву, и это недурной сон. Как жаль, что это всего лишь не кошмар собрался в мою голову.

Я хочу кинуться к Алану, и даже делаю несколько шагов к нему, но меня останавливает Сэм. Он кладет ладонь мне на плечо и крепко сжимает.

— Нет, мистер Вуд, — тихо говорит он, находясь сзади меня.

К телу Алана подходит детектив Миллс, профессионально щупая пульс на шее. Он поворачивается безэмоциональное лицо к такому же мужчине, как он, одетому в солидный деловой костюм, и молча качает головой.

Мне не нужны слова, я понимаю, что Алана больше нет.

В груди нестерпимо болит, не давая мне возможности вздохнуть. Перед глазами темнеет, и я хватаюсь за пальто охранника.

В памяти возникает Алан, одетый в школьную форму с эмблемой частной школы. Он оперся о стену, положив руки в карманы брюк, и нахально рассматривает проходящих мимо девушек. Фирменная улыбка друга сразу цепляет их игривые взгляды.

— Привет, Алл, — хором сказали девушки, хихикая между собой.

Я машинально ухмыльнулся. Он всегда был любимчиком у девушек, преподавателей, в моей семье... Алан был моим другом.

Мне стало невыносимо от воспоминаний. Я сжимаю голову руками, пытаюсь унять мысли.

— Детектив, ты опоздал! — обвиняюще обращаюсь к Джареду Миллсу.

Возможно, если бы копы прибыли на несколько минут раньше, этого удалось избежать.

— Алан Браун не задумываясь пристрелил бы тебя, — твердо ответил детектив, снимая одноразовые перчатки и откидывая их в мусорный пакет. — Ты какого-то черта решил поиграть в Супермена, Джонатан, рискуя своей жизнью и успехом операции.

— Бюро ничего не сделало! — повысил тон я, чем привлек внимание офицеров. — Что привело к этим последствиям, — с невыносимой горечью в горле, я кинул взгляд на Алана.

На меня покосился напарник Миллса, и хотел что-то сказать, но Джаред его опередил:

— Бюро только что спасло твою шкуру! — рявкнул он. — Все обвинения мы можем решить в суде.

Я цокнул в ответ. У меня не было сил вдаваться в спор дальше. Алана нет и вернуть его не в моих силах. Мне стало не по себе от этой реальности.

— Мы успели записать часть разговора, поэтому в скором времени тебя вызовут на допрос. Пока идет следствие, тебе запрещено покидать Нью-Йорк без разрешения, — недовольным тоном уведомил меня он.

Я развернулся. Один из полицейских с трудом оттянул Лили от Алана. Она никого не видела перед собой и, похоже, что не слышала. Он защелкнул наручники на ее тонких запястьях, а потом накинул на плечи клетчатый плед. Лили сопротивлялась на все его действия увести ее от Алана. Я сам был шоке, от которого вряд ли когда-то смогу оправиться.

Вокруг меня полицейские профессионально выполняют свою работу, а я не могу сдвинуться с места, смотря на окровавленное тело друга. Да, я до сих пор считаю его таковым. Может быть, я мог все исправить. Или узнай я раньше об этом, мог бы помочь Алану. Мы бы могли во всем разобраться. Ведь правда?

— Ему не хватило пары секунд, чтобы пули попали в вас, мистер Вуд, — Сэм нарушил мою тишину, указывая на стену с тремя небольшими дырами. — Вы ни в чем не виноваты, сэр.

Я молча посмотрел в глаза охраннику. Он спас меня, опередив полицию и детектива на несколько секунд.

— Кто стрелял в Алана?

— Один из копов, мистер Вуд.

Мужчина в форме медленно накрывает тело Алана белой простыней, через которую сразу же проступает кровь.

Я подхожу ближе, приседаю на корточки и беру руку Алана в свою. Его ладонь холодная, безжизненная. Я хочу выбраться из этого ада, чтобы все было, как несколько дней

назад.

— Прости, — одними губами шепчу я, с трудом сдерживая накатившиеся слезы на глазах. Но, одна капля все-таки стекает по щеке.

— Нам нужно забрать тело, мистер Вуд, — ко мне обратился незнакомый мужчина.

Сколько я просидел рядом с Аланом, я не знаю. Часть моего сердца навсегда вырвана с гибелью друга. Если все, сказанное им, окажется правдой, то моя семья и я виноваты во всех вытекающих последствиях.

Что слышал Джаред? И что скажет Лили?

Одна ложь породила другую, и так по цепочке к смерти сначала родителей Алана, а после и его. Мы разрушили целую семью — это наше клеймо, наше наказание. Но, я должен действовать исходя из интересов своей семьи.

Зимнее солнце давно встало из-за горизонта, а я все еще нахожусь в постели. Апартаменты на Парк-авеню всегда действуют на меня благоприятным образом. Но сейчас, я все еще прокручиваю события на кануне. Как бы ни старался, образ Алла остается в моей голове.

Прошло два дня с момента его гибели, а отец сутки как не приходит в себя. Доктор говорит, что ему осталось недолго. Я не могу преодолеть свой страх и снова заглянуть смерти в глаза. Мне нужно находиться рядом с отцом, умолять Всевышнего вернуть время вспять, но вместо этого я прячусь в башне, *словно чудовище*.

Моя жизнь разлетелась на куски. Хотя я остался живым, но таким себя не чувствую. Во мне все умерло, только сердце предательски все еще бьется в груди. Я потерял Эмилию, потерял Алана, потерю отца... Даже предательство Лили сейчас ранит меня.

Мне хочется преодолеть этот круг ада и выбраться живым, что мало вероятно. Скорее всего я спущусь еще ниже, и это растопчет меня в пепел.

Может быть, там нет этих мучительных болезненных спазмов под ребрами?

Я ненавижу эту жизнь. Ненавижу эти апартаменты. Ненавижу фамилию Вуд. Все, что у меня есть — это ничего, в сравнении с тем, что я теряю.

— Поговорим? — раздается голос в углу комнаты.

По телу проносится холодок. Сначала я подумал, что брежу, но отчетливо вижу Спенса, сидящего в кресле.

— Как долго ты здесь?

— Достаточно для того, чтобы проанализировать твое состояние, Джон.

Спенс подвинул кресло ближе к кровати, на которой я лежу звездой.

— И сколько ты еще собираешься разрушать себя? — спросил он, закидывая ногу на ногу.

— Я не оплачивал сеанс психотерапии, — пробубнил я, сердито взглянув на него из-под бровей.

— А я не провожу сеансы вне своего кабинета, — блефует кузен. — На меня это не действует, Джонатан, — хмыкнул он.

Спенсер зачесал прядь светлых волос назад.

— Тогда возьми пистолет в сейфе и пристрели меня.

— Только не надо этой драмы, — психанул Спенс. — Твоя жизнь продолжается, — тише добавил он. — Ты не должен винит себя в выборе Алана.

— Алана пристрелил один из копов...

— Алан сам выбрал свой путь и это от нас не зависело.

— Я мог помочь ему, Спенс.

— Не мог, — он вздохнул, — Алан не хотел, чтобы его спасали. Он вырос с нами. Почти в нашей семье.

— Наша семья убила его.

Спенсер потер переносицу и закрыл глаза. Между нами повисает молчание. Я перевожу взгляд на окно, безучастно наблюдая за небом, затянутым тучами.

— Джонатан, ты не виноват в том, что произошло. Ты был хорошим другом Алану. Я это видел и знаю обо всем, что ты для него делал. И даже это место в Колумбийском он получил благодаря тебе... Да, я знаю об этом, — ответил он на мой немой вопрос.

— Это не искупит разрушенную жизнь семьи Браун.

— Нет, не искупит, но это не твой грех, Джон. Ты не виноват в смерти родителей Алана. Ты не виноват в его смерти. За ошибки и решения Ричарда и Майкла ты не должен нести ответственность. В любом случае мы никогда не узнаем правду.

Я напрягся, но старался не показывать виду. Майкл Вуд все еще живой, и он единственный, кто знает правду о родителях Алана. Знает все, что произошло тогда.

— Может быть ты прав, Спенс.

— Я прав, Джонатан, — ухмыльнувшись, сказал он.

Эти чертovy черты характера — самоуверенность и надменность все-таки передались нам по линии Чейзов.

— Если бы я не был так слеп, то, может быть, заметил что-то в Алане?

— Он хотел отомстить, Джон. Алан жил этим столько лет. Да, твой дед и дядя совершили огромную ошибку, но Ричард хотел все исправить. Он не бросил Алана, старался ему всегда помогать.

— Откуда ты знаешь подробности? — я недоверчиво взглянул на Спенсера. — Я не рассказывал тебе ничего.

— Один из сотрудников ФБР мой старый знакомый, — кузен хитро улыбнулся. — Когда-то мы встретились в клубе, напились в стельку и ...

— О, Боже, — я зажмурился, — не продолжай, Спенс.

— Он не хочет об этом вспоминать, поэтому любезно вернул мне долг за мое молчание о его тайном грешке, — он засмеялся. — Прислал мне снимки дела с тем, что успели записать копы.

— Могу я взглянуть на снимки? — во мне проснулись заинтересованность и ликование.

Теперь мне будет точно известно, что знают копы. Возможно, я смогу их обыграть, и тайна Майкла Вуда не всплывет. Есть одно «но» — Лили. Что, если мне договориться с сенатором?

— Я покажу тебе снимки, Джонатан, если ты мне пообещаешь.

Я согласно киваю и по инерции скрещиваю пальцы на правой руке.

— Что не станешь играть в Алана Пинкертонa, и продолжишь жить дальше, — озвучил свой ультиматум кузен.

— И как по-твоему мне жить дальше? — с сарказмом спрашиваю его совета. — Сделать вид, что Алан жив, а мой отец не болен?

— Что насчет Эмили? — перебивает он.

От ее имени во мне заняла каждая клетка в теле. Я много раз за эти часы представлял,

как ее встречает Алекс и заключает в свои объятия. Интересно, она отвечает ему тем же? В моей фантазии — да.

— Она в прошлом, Спенс.

— Тогда почему тебе так больно? — он заглянул мне в глаза.

— Лучше бы ты выучился на кого-то другого, — психанул я и подскочил с кровати. — Я пришлю чек за твои услуги.

— Я же сказал, что не работаю вне кабинета. И к тому же ты мой брат, Джонатан, единственный кто знает мои тайны и верно их *хранит*, — последние слова мы говорим вместе. Это наш детский постулат.

Спенсер поравнялся со мной, устремив взгляд куда-то в даль. Я знаю, что он не отстанет от меня, пока не убедится в моем душевном равновесии. В этом весь Спенс.

— Я рад, что не ты хотел меня убить, — я первый прервал недолгое молчание.

— Хотя несколько раз у меня было желание, — Спенсер засмеялся, похлопав меня по плечу.

Вздыхнув, он продолжил:

— Я также потерял Алана, Джонатан. И также мне тяжело смириться с этим. В деле написано, что он выпустил три пули в тебя. И я поблагодарил Бога, что они так и не попали в цель.

— Сэм успел сбить меня с ног. Но, я могу поклясться, что видел эти чертовы пули в воздухе, летящие в мою сторону.

— И о чем же ты подумал напоследок? — Спенсер пристально посмотрел мне в глаза.

— Будет ли она вспоминать меня?

Глава 40

*«В конце концов, любовь —
неплохая причина для того, чтобы все разрушилось»*

ЭМИЛИЯ

Воздух наполняется цитрусовым ароматом пены для ванны, а горячая вода окутывает каждый участок моего обнаженного тела. Это был долгий вечер. Тяжелый вечер. Как и все вечера после возвращения из Нью-Йорка. Утром и днем мне удастся забыться в повседневной рутине, но вечером... Вечером и ночью я остаюсь один на один со своим разбитым сердцем. Каждый час, каждый день все дальше отдалают меня от Джонатана. Остаются только воспоминания, в которые тяжело верить.

Прошло почти несколько недель с момента моего приезда домой, а я все больше закрываюсь в себе. Мне хочется быть наедине с собой, постоянно растворяться в мыслях.

Сердце не бьется как прежде, не чувствует радость или печаль. Оно разбито на мелкие детали, которые вряд ли когда-то соберутся вместе в один механизм.

— Поделишься, где провела весь вечер? — голос Алекса застал меня врасплох. Он сел на бортик ванны, внимательно изучая мое лицо и виднеющиеся из воды плечи и колени.

Когда-то голубые глаза мужа были для меня вселенной, где я с большой любовью могла наслаждаться каждым минутами, проведенными с ним.

А что же осталось сейчас?

Мои чувства к нему окончательно увяли, словно розы в моем саду, и, если к ним прикоснуться, то они распадутся в труху, будто их никогда не существовало.

— Эмилия? — Алекс напомнил о своем присутствии.

— В дамской комнате. Мне было нехорошо, — глядя в глаза, ответила я. Он изучает меня все время после приезда. Тщательно следит за каждым движением и словом.

— Еще бы! Ты выпила очень много вина, — заметил он, улыбнувшись.

По его лицу было сложно определить, какие он сейчас испытывает эмоции.

Алекс расстегнул рубашку, обнажая полоску кожи смуглого торса. Он откинул туфли и принялся снимать брюки. Во мне разрастается тревога от его дальнейших действий. Все это время мне удавалось избежать близости, но каждый раз я боюсь, что он проявит больше настойчивости.

— Мне все еще плохо, — сразу даю понять, что не настроена на секс.

Несмотря на горячую воду по моему телу разрастается озноб и меня начинает трусить. Подтягиваю колени ближе к груди и обнимаю их руками, чтобы как-то унять внешние признаки беспокойства и растерянности.

— Детка, ты действительно выглядишь неважно, — Алекс заботливо приложил к моему лбу свою ладонь. — Черт, она практически кипяток! — одернул он вторую руку из воды.

Я не чувствую температуру воды. Я вообще ничего не чувствую. Мне кажется, что еще немного и я умру.

— Нам надо поговорить, — серьезно сказала я.

— Давай мы сделаем это в нашей спальне. Тебе нужно измерить температуру.

Муж подхватил с полочки полотенце и подошел, ожидая, что я встану в рост, чтобы он смог обмотать мое обнаженное тело. Я не могу даже пошевелиться. Не могу показать свое тело, которое принадлежит другому мужчине.

— Эмми, вставай, — подгоняет Алекс. Он не любит ждать. — Давай же!

Собрав все силы, я дернула с его руки белое полотенце и быстро обмотала им вокруг себя.

— Моя жена избегает меня, а теперь еще и шарахается, как от прокаженного, — недовольно прокомментировал он мой поступок. — Тебе придется объясниться.

Я выхожу из воды и за малым не падаю на кафель. Алекс удерживает меня, помогая устоять на ногах. У меня совершенно нет сил. Муж бережно подхватывает меня на руки и несет в спальню.

Наша кровать пахнет домом, старыми, забытыми воспоминаниями. Вся моя жизнь до Нью-Йорка смазалась в расплывчатое пятно. Меня сжирает чувство необратимой потери, которое делает мое пребывание рядом с Алексом последним кругом ада.

Муж сел рядом, внимательно осматривая меня своими пронзительными глазами. Он молча выжидает некоторое время, давая мне возможность начать разговор первой.

— Будем играть в молчанку? — не выдержал Алекс, вытягивая из-под моей руки градусник, дисплей которого горит красным цветом. — Черт, у тебя высокая температура. Похоже, ты заболела.

Да, я безумно больна Джонатаном. Мне не хватает его. С каждым часом я все больше и больше тоскую по нем, и кажется, что вот-вот эта боль перекроет дыхание. Мне нужно что-то делать. И наконец-то начать со своей жизни.

Алекс хочет встать с кровати, но я беру его за руку, останавливая. Мне нужно сделать это прямо сейчас.

— Алекс, мне нужен развод, — без нотки сомнения заявила я, прикладывая все усилия, чтобы мой голос звучал непоколебимо.

На лице мужа проскальзывает тень растерянности, но он сразу же умело берет себя в руки.

— Как это понимать, Эмилия? Тебя не было почти три месяца. Ты избегаешь меня после приезда, а сейчас тебе нужен развод. Какого хрена происходит? — повысив тон, вспылал он в свойственной ему манере.

— Не кричи, ты разбудишь Еву.

— Тебя не заботила наша дочь, когда ты сделала выбор в пользу Нью-Йорка, так что оставь эту мнимую заботу при себе!

— Давай просто спокойно поговорим, — попросила я. Перед глазами все плывет. Я с трудом сажусь на кровати, собираясь с силами, чтобы довести желаемое до конца.

— Я был бы спокоен, если бы моя жена не говорила о разводе, — таким же повышенным тоном продолжил Алекс. — Что на тебя нашло? Нет, я не стану сейчас продолжать этот разговор, Эмилия. Лягу в кабинете. — Муж схватил подушку и уже почти вышел из спальни, как мои тихие, но уверенные, слова его остановили:

— Я встретила мужчину. Я люблю его.

Алекс замер в дверях. Его плечи напряглись, и кажется, что он не дышит. Он резко разворачивается ко мне лицом, уничтожая взглядом.

— Что? Повтори! — требовательно сказал Алекс.

— Нам надо спокойно поговорить, Алекс.

— Нет! То, что ты сказала!

В несколько шагов он преодолевает расстояние между нами и нависает надо мной. Тяжелое дыхание Алекса вырывается из грудной клетки, и он с трудом сдерживает себя, чтобы, наверняка, не вцепиться мне в горло.

— Я не могу больше тебя обманывать. Мне нужен развод, — глядя в его глаза, выдержано произнесла я.

— Моя жена, оказывается, еще и шлюха, — шипит он. — Я-то думал, что в тебе изменилось? — хмыкнул муж, осматривая ненавистным взглядом.

— Постой, — возразила я, — наши отношения давно зашли в тупик!

— С моими отношения все в порядке, Эмилия. Я точно знаю кто я и чего хочу в отличии от тебя, вечно недовольной всем. Ты никогда не получишь Еву, — говорит он прямо в мои губы. — Запомни: никогда!

— Она моя дочь тоже! — возразила я, повышая тон.

Во мне нарастает паника и злость. Алекс знает мои слабые стороны и ожидаемо манипулирует ними.

— Об этом нужно было думать, когда ты раздвигала ноги в своем Нью-Йорке. Кто он? — Алекс обжигает разъяренным дыханием мое лицо. Его пальцы грубо сжимают кожу на шее, и я чувствую, как мне становится тяжело дышать. Инстинктивно хватаюсь за его руку, но он давит так, что выступают слезы.

— Остановись, — прошу я, а соленые капли предательски стекают по щекам.

— Остановиться? — риторически спросил муж. — Ты спала с ним? Кто он, Эмилия?

Я вижу, как Алекса захлестнула волна ярости, и он из последних сил старается себя контролировать. Хватка его пальцев не ослабевает, пугая меня с каждой секундой больше. Мне давно известно, на что способен Алекс. Мне известны все его скрытые от посторонних глаз личные качества.

— Мы продолжим, когда ты успокоишься, — я пытаюсь вложить в голос уверенность,

но я дрожу.

— Ты просишь меня успокоиться? — со смешком язвит он. — Ты призналась мне в измене. Просишь развод. Хочешь, чтобы я был спокоен?

Алекс с силой бьет по моей щеке. Она сразу же пылает, будто обожженная огнем, и я накрываю ее ладонью. От неожиданности и страха я отбегаю от Алекса в другой конец комнаты. Мне сейчас страшно, глядя на его неконтролируемое состояние. Он в два шага сокращает расстояние между нами, хватая меня за волосы, а потом резко откидывает в стену.

Больно ударившись спиной и головой, я сползаю вниз, закрывая голову руками. По щекам скатываются слезы, и я готовлюсь к самому худшему сценарию. Алекс способен на многое...

Я сильнее сжимаю голову руками и жмурюсь, когда слышу выше себя глухие удары. Алекс вколачивает кулаками в стену так, что на меня сыпется штукатурка.

— Мам? Пап? — доносится сонный голос дочери из коридора.

Алекс резко перестает бить в стену и успевает перехватить ручку двери до того момента, как она открылась. Он выходит из комнаты, и мне слышны только обрывки фраз.

— Милая, все в порядке, — нежно сказал он. — Я прикручу телевизор, иди в свою кровать... Нет, мама заболела и уже спит... С ней будет все в порядке.

Я зажала рот ладонью, чтобы мои всхлипы не услышали за дверью. Что он будет дальше, я боюсь даже представить. Алекс может сделать все, чтобы я никогда не увидела Еву.

Ручка на двери щелкнула, а я сразу же подняла глаза на мужа, которые застилают слезы, и инстинктивно прижимаюсь к стене сзади. Он выглядит растерянно и опустошено. От его вида у меня нестерпимо заныло в груди.

— Убирайся отсюда, — с болью в голосе произнес он. — Прямо сейчас, — его тон похож на мольбу.

Я хочу что-то ответить ему, но Алекс подбегает ко мне, хватая за локоть, поднимая с пола, и просто начинает выталкивать сначала за дверь, а после волочить за собой вниз по лестнице. На мне только полотенце, которое чудом еще не слетело. Алекс грубо впикивает в мои руки пальто, сумочку и открывает входную дверь.

— Проваливай! — рявкает Алекс, указывая рукой на улицу. — Живо! Пока я не передумал и не задушил тебя.

Он одним махом выкидывает мои ботинки на крыльцо и толкает туда же меня. Я прижимаю сумочку и пальто к груди, с трудом удерживаясь на ногах. Дверь сзади меня громко захлопывается, заставляя все внутри дернуться. Она не только закрывается в наш дом, но и в нашу супружескую жизнь. Назад дороги не будет — это я точно знаю.

Я накидываю пальто и затягиваю пояс. На улице холодно. Снег хрустит под моими ногами, пока я бреду к машине, припаркованной возле гаража. Нащупываю ключи, сажусь в такой же холодный салон. Мое тело все еще знобит, но это кажется ничтожным по сравнению с тем, что творится у меня в душе.

Выруливаю на дорогу, и еще раз оборачиваюсь на дом со светло-серым фасадом. Деревья раскачиваются от морозного ветра из стороны в сторону, будто не веря в мое безрассудство.

Слезы застилают глаза, и я небрежно их смахиваю рукавом пальто. Мое состояние не дает возможность далеко уехать от этого города. Показываться в таком виде родителям или подругам — это последнее, что мне сейчас нужно, а тем более отвечать на вопросы или

слушать нравоучительные речи.

— Мне нужен одноместный номер, — отвечаю пожилому мужчине за стойкой.

Я выехала за черту города и остановилась в первом попавшемся мотеле.

— Остались только двухместные, — недовольно информирует он, поглядывая на часы, на которых далеко за полночь.

— Тогда двухместный, — я протянула ему карту для оплаты.

Мужчина вернул мне ее через несколько минут вместе с ключами от небольшого номера, пропитанного запахом сигарет.

Я скинула пальто, обувь, и надела когда-то бывшим белый халат. Содержимое сумки вытряхиваю на кровать, чтобы найти хоть какие-то таблетки. Мне нужно что-то от температуры и от ужасной головной боли. Я помню, что где-то в сумочке была пачка Тайленола. Запиваю белую таблетку водой из-под крана, и ложусь на кровать, свернувшись в эмбрион.

Неужели я смогла сказать это Алексу в глаза?

Моя прежняя жизнь разрушена, мое сердце разбито. Но я чувствую, что должна быть сильной. Сильной ради себя и Евы, за которую буду бороться до конца. У Алекса много связей. Он обязательно будет использовать их против меня. Я осталась одна в своем новом мире перед надвигающейся бурей.

Глава 41

«Без тебя не то чтобы никак, без тебя — незачем»

©Эльчин Сафарли

ДЖОНАТАН

Холодный февральский ветер развивает полы моего пальто, пронизывая до костей через тонкую черную рубашку. Мои туфли грузнут в толще снега, пока я не выхожу на слегка вытопанную дорожку. Сбросившие листву деревья покачиваются из стороны, а мелкий снег умиротворено спускается на землю белыми хлопьями.

— *Здесь спокойно, — подумал я.*

Возможно, намного спокойнее, чем нам здесь, оставшимся проживать свой жизненный путь.

В моей руке всего лишь одна роза. Я знаю, что Алан до жути не любит цветы, но прийти с пустыми руками я не могу. Спенсер отговаривал меня от этого поступка, наверное, мне следовало его послушать в такой день, но я не мог. Не мог не проститься с другом, который хотел меня убить.

Интересно, он чувствовал бы сожаление, если бы пристрелил меня?

Скорее всего — нет.

Алан бредил идеей мести, и этот факт подтверждался расследованием ФБР. Я изучил каждый листик, каждый дюйм написанного в Деле. Спенс показал мне все, что ему удалось добыть. Я поражен и глубоко опечален после всей этой информации.

Меня вызывали дважды на допрос, что очень злит. Детективу неизвестно о Майкле, и Лили подозрительно молчит. Она обвиняется в покушении, шантаже и вымогательстве. Сенатора пришлось откачивать медикам, когда он узнал о тайной жизни своего милого ангела. Это удар не только по политической карьере, но и супружеской жизни четы Купер.

Мать Лили подала на развод, целиком и полностью встав на сторону дочери.

Что делаю я?

Я безмятежно плыву по течению остатков своей прежней жизни и пытаюсь справиться с реальностью.

— Ты же сказал, что не пойдешь со мной? — удивился я, когда сбоку захрустел снег и Спенсер в темно-синем пальто подошел ближе. Он положил возле надгробия Алана еще одну розу.

— Я не мог отпустить тебя одного, Джон.

Мы оба смотрим на серую плиту с выгравированными данными Алана. Его похоронили рядом с родителями по моему распоряжению.

— Да, вы издеваетесь? — фыркнул я, когда заметил с другой от себя стороны Майкла.

Он присел на корточки и положил бутылку виски к розам. Майкл помолчал пару секунд и вернул внимание на нас.

— Тебе нужна поддержка, друг мой, — сказал Майк с серьезной выдержкой адвоката.

— Нам будет тебя не хватать, Алл, — нарушил тишину Спенсер. — Спи спокойно.

Нас не было на прощальной церемонии, так как в тот день отцу стало хуже, а детектив несколько часов задавал мне одни и те же вопросы, как будто это я напал на Алана и похитил миллионы.

— Нас ждут в поместье, Джонатан, — напомнил Спенсер. — Ты сейчас нужен своей матери.

На прощание каждый из нас потрогал надгробную холодную плиту.

Мы не спеша пробираемся по заснеженным дорожкам, которые еще не успели разгрести, и каждый думает молча о своем. Я поднял воротник и спрятал руки в карманы. Нашупав цепочку, я принялся перебирать ее пальцами. Это мой подарок Эмили, который ей больше не нужен. Прошло несколько недель, как я не видел ее, а кажется, что нас разделяют долгие годы...

В особняке собрались только самые близкие люди для нашей семьи, в отличие от присутствующих в церкви. Кажется, там не побывал только ленивый. От мэра Стэлфорда до назойливого детектива Миллса и беспардонной ведущей CNN.

Перед моими глазами все еще был гроб отца, которого я никогда больше не увижу. Я смотрел до последнего, пока деревянная крышка не скрылась под землей. Тогда я попрощался с ним навсегда. Мне будет его не хватать. Не хватать его голоса, наставлений и просто отцовской опоры.

Я уставился в одну точку, пока передо мной мелькали родственники и друзья, облаченные в черное. Мне хочется быть одному. Закрыться в кабинете и просидеть у камина до утра, выпивая очередную бутылку виски, пока меня не выключит от алкоголя. Градусы смягчают мое шаткое душевное состояние. Какое «шаткое»? Разбитое к чертям.

— Твоя мать сказала, что ты хочешь передать правление Совету, — Майкл неожиданно сел на соседнее кресло и уставился на меня почти черными от природы глазами.

— Да, это мое решение, — спокойно ответил я и отпил из стакана.

— Позволь узнать: почему?

— Ты же видишь, — я пожал плечами. — Я не способен сейчас на управление «NW Company». Компании нужны надежные люди. Совет прекрасно с этим справиться.

— А чем будешь заниматься ты? — не отстает от меня Майкл.

— Почему это тебя интересует? — прищурившись, я подозрительно посмотрел на него. На нем также надета черная рубашка и идеально выглаженные брюки, что нельзя сказать о моих. Майк всегда носит в офисе очки, этим добавляя себе возраста. Но сейчас, без них, он выглядит моложе меня.

— Ну, во-первых, я работаю в «NW Company» и, может быть, пора искать другое место работы, чтобы платить по счетам, — он демонстративно загнул один палец. — Во-вторых, я твой адвокат и должен понимать, что ты не спятил. В-третьих, мы знакомы с детства, Джонатан.

— Ты тоже хочешь всадить мне пулю?

— Что ты несешь? — повысил тон Майкл, обращая на себя внимание.

— У него посттравматический стрессовый синдром, Майк, — выдал Спенсер, усаживаясь с другой стороны.

— Пост чего? — скривившись, с отвращением проговорил я.

— Посттравматический стрессовый синдром — это вполне нормальное явление, Джонатан. В твоей ситуации, после потери трех близких людей за такой короткий промежуток времени — вполне ожидаемо.

— Боже, не начинай! Я прекрасно справляюсь, — уверил их я, допивая виски.

— Аделаида сказала, что сбилась со счета, наблюдая с какой частотой ты осушаешь бокалы за полдня, — заявил Майкл, взглянув с укором на мой напиток.

— Как мой адвокат, передай Дели, что я вырос, и могу сам решать сколько выпью сегодня.

— Я думал, ты займешься своей жизнью, Джон, — начал Спенсер. — Продолжишь жить, а не утопать в алкоголе. Я могу понять, что тебе нужен перерыв, отпуск, но передавать снова компанию Совету — глупо, как минимум.

— Ты ничего не понимаешь в этом, как максимум, — огрызнулся я.

— Мне не нужен диплом, чтобы понимать это. У тебя несколько лет ушло, чтобы выгнать этих старых маразматиков. Прости, — извинился Спенсер, быстро посмотрев на Майк, а в ответ тот улыбнулся. Анита Торн заявила о готовности снова вернуться в компанию на ее восьмом десятке лет. У Майкла крепкая старушка.

— Я полностью с ним согласен, Джон, — поддержал слова Спенса мой адвокат. — Возьми отпуск на пару недель. Возможно, на месяц. Отдохни там, где белый песок, голубая вода и жаркое солнце, а после возвращайся на свое законное место.

— Я ненавижу это кресло.

— Мы купим тебе другое к твоему приезду, — с остроумничал кузен.

— Я не об этом, — хмыкнул я. — Я никогда не хотел быть президентом компании.

— Джонатан, это твое наследие и тебе пора его принять. Тебя не устраивает не кресло, а ответственность, которую ты все еще боишься принять. Ты — Джонатан Вуд, президент «NW Company», наследник многомиллионного состояния. Перед тобой открыты любые двери.

— Но закрыто одно сердце.

— Я бы не был в этом уверен. Эмилия любит тебя, а ты поступил, как упрямый кретин.

— Высокомерный, — поправил я Спенсера.

— Пусть будет так, — цокнул он. — Собери себя в руки наконец-то. Покажи себя...

— После этих слов тебе бы похлопали на Оскаре.

— Джон, я серьезно. Просто не совершай сейчас поступки, о которых будешь жалеть в

ближайшем будущем.

— На сегодня достаточно, — махнув рукой, кинул я им напоследок и вышел из гостиной. В моей голове царит хаос, и я больше не намерен выслушивать нравоучения.

Не спеша поднимаюсь по лестнице мимо многочисленных портретов и фотографий моей семьи. Они будто следят за мной сейчас. Молча, сверля меня взглядом. Да, я высокомерный, упрямый кретин. Мне нравится быть президентом компании, быть «выше» остальных — это тешит мое самолюбие. Мне не нужен Совет. Это всего лишь возможность спрятаться от ответственности. Мне не нужен отпуск, я не чувствую усталости. Но мне нужна Эмилия. Она должна быть рядом. Сегодня я нуждаюсь в ее любви, как никогда. Сегодня я хочу быть слабым, но только наедине с ней.

Глава 42

«Мое сердце всегда замирает,

когда ты произносишь мое имя»

ЭМИЛИЯ

За окном давно начался новый день, но я не могу встать с кровати, чтобы хотя бы принять душ и выпить кофе. У меня нет сил, нет желания дышать, так как каждый вздох дается мне с трудом, каждый глоток кислорода с болью разносится по нервным сплетениям. Последние несколько дней я провела в своих мыслях, пыталась справиться с воспоминаниями и чувствами. Они просто разрывают от боли, и я с трудом сдерживаю себя, чтобы не заорать вслух.

Моя жизнь разрушена, а я с удовольствием мазохиста топчусь по ее обломкам. Я давно обдумывала этот шаг, давно хотела уйти от Алекса, но никогда не могла предположить, что это окажется так больно. Нет, я не жалею о том, что нашу с Алексом семейную жизнь не вернуть, не испытываю любовь к нему. Мои душа и тело разрываются от того, что привычный для меня мир разрушен. В нем нет Джонатана, в нем больше нет надежды на счастье.

Мотель на выезде из города стал временным пристанищем. Я прячусь ото всех и мне это удается. Но не могу спрятаться от самой себя и того, что произошло. Алекс не ответил на сообщение с просьбой увидеться с дочерью, и забрать самые необходимые вещи. Назад дороги нет. Она не нужна мне. Все кончено. Это первое решение за много лет, которое я приняла уверенно и бесповоротно. Я долго к этому шла.

Сейчас нужно начать с формальностей: найти адвоката и подать бумаги на развод. Я знаю, что наш развод не будет легким. Знаю, что будет кровавая бойня за дочь. Весь этот процесс осложнит то, что Алекс тесно связан с правосудием, и я уверена, что он воспользуется своими связями.

Эти дни прошли в одиночестве. Единственный человек, который был в курсе моего места нахождения — Наташа. Она привезла мне необходимые вещи и средства гигиены, за что я ей очень благодарна. Она не задавала вопросов, а этого и не требовалось. Мои красные глаза и распухший нос говорили без слов. Мне нужно пережить каждое воспоминание из прошлой жизни, чтобы непоколебимо усвоить всю верность поступка.

А, может быть, это неверное решение? Что, если я ошибалась насчет Алекса? Что,

если я сама виновата в своем несчастье рядом с ним?

А я виновата. Виновата наравне с Алексом. Мы не смогли, не сумели быть частями одной жизни. Совершили уйму ошибок и вылили тонны безразличия на свои чувства и друг друга. Сейчас, я могу точно сказать, что никогда его не любила. Это звучит до боли ужасно, но это правда. Он оказался не тем человеком, которого я всегда представляла рядом с собой. Возможно, по началу он им казался, однако за последние несколько лет, я усомнилась в каждом слове Алекса.

Я осталась одна со своими проблемами и разбитым сердцем. Да, оно все еще мучительно кровоточит, и где-то отдаленными отголосками надеется снова увидеть Джонатана. Это безумие, что даже сейчас я не перестаю о нем думать. Мне ничего не известно о его жизни после моего отъезда, поэтому сейчас у меня огромное пространство для фантазий. Я принципиально не находила статьи о Джонатане в Интернете и старалась избегать все Нью-Йоркские сайты, на которые была подписана. Пусть жизнь Джонатана Вуда останется только в моем сердце и «больной» голове.

— Где ты сейчас, Джонатан? — мечтательно спросила я у пустоты, глядя в потрескавшийся потолок.

Несколько недель назад, когда мы были вместе, я не могла решиться на то, чтобы уйти от мужа. Винила себя и просто боялась. Сейчас же, я сделала выбор в первую очередь для себя. Пусть я никогда не увижу Джонатана, никогда не почувствую его теплые ладони на своем теле, не растворюсь в нежных поцелуях, но я буду честна с собой. Впервые в жизни я чувствую, что поступаю правильно. Это так иронично. Находиться в объятиях Джонатана и сомневаться в дальнейшем выборе. Тогда было все очевидно, мне нужно было немного рискнуть, немного стать смелее...

Я проснулась от того, что соседи выше громко выясняли отношения, как и передвигались по комнате. В номере темно, а за окном уже включились фонари. Снова идет снег, а на душе стало еще морознее. Это как протрезветь после дикой университетской вечеринки, на которую я когда-то попала, и осознать весь масштаб катастрофы.

По гневным сообщениям от мамы и сотне пропущенных от нее звонков, могу предположить, что Алекс преподнес свою правду. И я больше, чем уверена, что мама встанет на его защиту. К этому я тоже готова.

Закидываю телефон в сумочку, надеваю джинсы и теплый пуловер, а сверху накидываю пальто. Нужно убраться из этого места и найти отель приличнее.

ДЖОНАТАН

Возможно, это мой самый идиотский поступок за всю жизнь.

Возможно ли здраво мыслить, если болен любовью?

А я болен. Болен настолько, что приехал искать Эмилию на другой материк в совершенно незнакомую страну в крохотный городок на карте. В моей руке зажат лист с адресом их с Алексом дома, на порог которого я хотел сначала попасть. Посмотрев со стороны на небольшой, но ухоженный, домик сотню раз пожалел, что приехал. Мне стало не по себе, что я могу разрушить их жизнь. Наверное, мне следовало об этом подумать еще на конференции, но тогда я не смог устоять перед вспыхнувшими эмоциями.

Я люблю Эмилию и хочу, чтобы она была счастлива даже, если рядом с ней буду не я.

Несколько часов я наблюдаю за домом, не обращая внимание на мороз, от которого уже

не чувствую пальцы на ногах. Я просто стою, опершись плечом о ствол дерева, и ничего не делаю.

Еще несколько часов назад в моей голове был четко выстроен план, по которому я должен уже везти Эмилию в аэропорт. Но что-то во мне изменилось, что-то щелкнуло. Я понял, что поступаю неправильно, появившись снова в их семейной жизни.

Холодный воздух хорошенько меня отрезвил, заставил взглянул с другой стороны на свою жизнь. Я часто заставлял людей делать то, что нужно мне. Часто не обращал внимание на чувства окружающих. Даже в тот день, когда Эмилия пришла ко мне в апартаменты, я думал о себе. Думал о том, чтобы было меньше сложностей *для меня*.

Я обещал, но не сдержал ни одно из обещаний. Я говорил о любви, но мои слова оказались пустым звуком. Я не достоин находится рядом с Эмилией.

Моя жизнь была расписана на годы вперед от университета до конференции, на которой я встретил Эмилию. Я всегда старался придерживаться жизненного плана, а он полетел к чертям в тот момент, когда я увидел невысокую девушку с печальными карими глазами. В тот день каждый из участников волновался, но не она. Первое впечатление было, что для нее все происходящее безразлично. Ее взгляд тронул меня. Спокойный и размеренный тон забрал все мое внимание. Мне кажется, я уже тогда был готов рискнуть всем. Но, видимо, этого было недостаточно для нас.

На улице смеркается, и я взглянул еще раз на светлый фасад дома, в котором на первом этаже зажегся свет. Меня съедают чувства внутри от представления идеальной семейной картинке за обеденным столом.

Могла ли эта жизнь быть моей?

Нет, не могла. Я не достоин больше вмешиваться в жизнь Эмили. Я все испортил. Видимо, семейное счастье для Джонатана Вуда стало проклятием. С этими мыслями я поднял воротник пальто, развернулся на пятках, и зашагал прочь по заснеженной обочине дороги. В груди горит от понимания, что я упустил возможность быть счастливым.

Ноги сами несут меня по малолюдным, незнакомым улицам. Несколько раз я думаю вернуться, но останавливаю себя. Больше всего я боюсь того, что Эмилия не хочет меня видеть. Боюсь увидеть в ее глазах цвета темного кофе безразличие и разочарование. Все закончилось в тот чертов день в апартаментах, и я больше не в силах что-либо изменить.

Мне нужно вернуться в Нью-Йорк, отменить восстановление Совета, взять все управление в свои руки. И, может быть, через пару лет, скорее всего десятков, мне станет легче. Мои мысли не будут постоянно о ней, а больное от любви воображение перестанет рисовать образ Эмили.

Работа станет моей жизнью, и я больше никогда никого не впущу в свое сердце. Прежний Джонатан Вуд погибнет для всех.

Я оглянулся по сторонам, и заметил, что оказался возле небольшой кофейни. В помещении занято несколько столиков, и тихо играет музыка. Мне нужно согреться перед тем, как снова провести пару часов в такси до ближайшего аэропорта, в котором ждет мой самолет.

Я сел за самый крайний столик, отвернувшись спиной ото всех. У этого города совершенно нет ничего общего с Нью-Йорком. Он даже не напоминает его пригород. Все настолько другое, что заставляет почувствовать себя в другом мире.

Может быть, мы и правда из разных миров, и они настолько отличаются, что никогда не должны были пересечься?

Мне больно находиться в этом заснеженном городке. Такое ощущение, что я прожил в нем самую счастливую жизнь, но она безвозвратно рассыпалась под ногами на мелкие песчинки. Я хочу оказаться подальше отсюда, спрятаться в своих апартаментах на восемьдесят пятом этаже, чтобы никто не видел меня в таком состоянии.

Боже, я так жалок сейчас. Я разбит на большее количество частей чем, то витражное окно в кабинете.

Смогу ли я когда-то вернуться к нормальной жизни? Или чертовы ветра Атлантики решили развеять осколки по всем уголкам планеты, чтобы я никогда не смог стать прежним?

Я взглянул на нетронутую чашку с кофе, и также безразлично перевел взгляд в окно. Не спеша прошел пожилой мужчина, удерживая шляпу, чтобы ее не сорвал разбушевавшейся ветер. Нужно вызвать такси и убраться отсюда навсегда.

Мое тело напряглось и перехватило дыхание, когда я услышал за своей спиной раздражающий мою душу голос. Я никогда не спутаю его с кем-то другим. Пусть, сказанные Эмилией слова, мне не знакомы, но ровный, выдержанный тон снова перевернул все внутри, как в день нашего знакомства.

А вдруг мне показалось? Вдруг, это мое безумие вышло за все рамки?

Эмилия тихо засмеялась на обращенные ей слова, и я не выдержал. Я встал со стула, медленно поворачиваясь лицом, словно боясь спугнуть. Это была она. *Моя Эмилия.*

Я хочу что-то сказать, но замер и не могу произнести ни слова. Молча наблюдаю, как она берет тонкими пальчиками стаканчик с кофе и небольшой контейнер с едой, быстро улыбается на прощание женщине, собираясь уходить.

Когда ее взгляд натывается на меня из рук падает все, что она держит: кофе, контейнер с едой, ключи от машины... Эмилия потрясенно смотрит на меня, не обращая внимания на засуетившуюся официантку и косые взгляды посетителей.

Для нас весь мир замер.

Больше ничего не имеет значение, кроме нее. Мне не нужны ни деньги, ни компания, ни власть. Мне нужна только Эмилия, которая показала настоящую любовь. Рядом с ней я забываю обо всем и становлюсь самим собой. Рядом с ней я снова верю в то, что могу быть счастливым.

— Джонатан, — сказала она с невероятной надеждой в голосе, а мое сердце замерло.

Эмилия подбежала ко мне и крепко обхватила руками за шею. Она уткнулась носом в мою шею, и я услышал тихий всхлип. Я все еще не могу поверить, что это происходит наяву, поэтому неуверенно обнимаю ее за талию. Мое обоняние быстро учуяло запах тела Эмилиии, и я прижал девушку сильнее к себе, боясь, что она всего лишь мираж. Но, она тут. Она рядом со мной.

— Эмилия, — я отстранился, осматривая ее бледное лицо.

По щекам девушки текут слезы, а я пытаюсь стереть каждую из них, подхватывая их кончиками пальцев. Больше я не отпущу.

— Прости меня, — глядя в карие глаза сказал я, а потом принялся осыпать мокрые щеки поцелуями. — Я не знаю, как все исправить...

Мое сердце невероятно быстро бьется в груди, а кровь, кажется, вскипит. Я готов сделать все, лишь бы она простила меня.

Я накрываю губы Эмилиии поцелуем, желая передать всю ту любовь, которую испытываю, все те чувства, которые переполняют меня сейчас. Всю уверенность в

правильности наших действий.

— Просто будь рядом, Джонатан, — на одном дыхании произнесла она, на секунду оторвавшись от моих губ.

И я буду...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Отсылка к девизу Колумбийского университета — *In Lumine Tuo videbimus lumen* («В свете Твоем увидим свет»).

Книксен — поклон девушки с приседанием.

Бархатная ночь — с англ. «бархатная ночь».

Parker — бренд пишущих инструментов и компания по их производству.

«Pure Sky» — с англ. «Чистое небо».

Бонджорно, сеньор Эспозито — перевод с итал. «Доброе утро, сеньор Эспозито».

Грасиас, сеньор Эспозито, адью — перевод с итал. «Благодарю вас, сеньор Эспозито, до свидания».

Масу's известен как магазин, определивший дату Дня Благодарения, отмечающегося в США каждый год в четвертый четверг ноября: начиная с 1924 года в этот день в Нью-Йорке проходит парад Дня Благодарения Масу's.

«**Mayflower**» — английский парусник, на котором в 1620 году первые «отцы-пилигримы» пересекли Атлантический океан, чтобы основать свое поселение в Северной Америке.

«**Kiss**» — американская рок-группа, основанная в Нью-Йорке в январе 1973 года, играющая в жанрах глэм-рок и хард-рок.

«Демон» — один из основателей группы Kiss, выступающий под сценическим псевдонимом «*The Demon*».

Собор Иоанна Богослова — англиканский храм в Нью-Йорке, кафедральный собор Епископальной церкви. Расположен в районе Морнингсайд-Хайтс на углу Амстердамской авеню и 112-й улицы.

Мост Куинсборо — консольный мост через Ист-Ривер в Нью-Йорке, который проходит через остров Рузвельт, соединяет район Лонг-Айленд-Сити (боро Куинс) с Манхеттеном.

Рузвельт Айленд — узкий остров в проливе Ист-Ривер, Нью-Йорк, находится между островами Манхеттен и Лонг-Айленд (боро Куинс).

Lincoln — американский автомобильный производитель, принадлежащий Ford Motor Company.

Алан Пинкертон — американский сыщик и разведчик шотландского происхождения.

Дастер — щетка для уборки пыли.

«Palazzo de'Rubino» — перевод с итал. «Рубиновый дворец».

Боллито мисто (bollito misto) дословно переводится как «вареная смесь», а по сути это что-то вроде сборной солянки.

Имя Лили произошло по главной версии от названия цветка, звучащего на латинском языке как «Lilium». Переводится это название как «чистый», «невинный» или «симпатичный».

Фут — американская единица измерения длины, 1 фут=30,48 см.

Джайву свойственны быстрый ритм, задор и «перчинка».

Тыквенный Джек один из самых узнаваемых атрибутов Хэллоуина. Представляет собой фонарь, традиционно вырезаемый из тыквы или репы, напоминающий голову с пугающим или забавным лицом.

Экспедиция Льюиса и Кларка (1804–1806) — первая сухопутная экспедиция через территорию США из Сент — Луиса к тихоокеанскому побережью и обратно.

Джеки Кеннеди — жена 35—ого президента США Джона Фицджеральда Кеннеди первая леди США с 1961 по 1963 год.